

УДК 32
ББК 66.0
Пол 49

Рецензенты:
доктор философских наук, профессор *Соловьев А.И.*,
доктор политических наук *Голосов ГВ.*

Пол 49 **Политический процесс: основные аспекты и способы анализа:** Сборник учебных материалов / Под. ред. Мелешкиной Е.Ю. — М.: Издательский Дом «ИНФРА-М», Издательство «Весь Мир», 2001. — 304 с. — (Высшее образование).
ISBN 5-16-000671-0 («ИНФРА-М»);
ISBN 5-7777-0132-9 («Весь Мир»).

Сборник учебных материалов представляет собой пособие к курсу «Социология политических процессов». Основная цель авторов — помочь профессиональной подготовке специалистов-социологов, способных квалифицированно исследовать и анализировать вопросы, связанные с политическим процессом. В Сборнике демонстрируются возможности применения различных подходов и методов к изучению политических процессов и его отдельных аспектов, приведены примеры новейших разработок отечественных и зарубежных ученых в данной сфере. Книга представляет интерес не только для студентов и преподавателей, но и для всех, кто интересуется вопросами политики.

УДК 32
ББК 66.0

Отпечатано в России

ISBN 5-16-000671-0 («ИНФРА-М»)
ISBN 5-7777-0132-9 («Весь Мир»)

© Авторы, 2001.

Предисловие

В последнее десятилетие в России активно развиваются такие научные дисциплины и отрасли знаний, как политология, политическая социология и социология политики: появляется большое количество исследовательских работ, возникают новые исследовательские и образовательные центры, ведется подготовка специалистов, организуются конференции, семинары и т.д. Наряду с развитием собственно научного знания следует отметить и расширение сферы прикладной деятельности политологов.

За эти годы накоплен богатый эмпирический материал, относящийся к различным аспектам политического процесса, появились отдельные фундаментальные исследования. Вместе с тем обозначились и некоторые проблемы. Во-первых, уровень теоретического осмысления политического процесса в целом, его отдельных аспектов, а также концептуализации остается невысоким и зачастую не отвечает требованиям научного познания. Во-вторых, многие исследователи демонстрируют недостаточное знакомство с мировыми научными достижениями и невладение необходимыми исследовательскими навыками. В-третьих, наблюдается существенный разрыв между теоретическим и эмпирическим уровнем анализа. В-четвертых, современное состояние исследований характеризуется значительным разрывом между знаниями и навыками социологов, проводящих опросы (pollsters), и политологов. Ситуация в значительной мере усугубляется еще и отсутствием постоянного профессионального диалога между этими двумя группами исследователей. Результатом являются значительные пробелы в изучении политического процесса и особенно его социологических аспектов.

Одним из способов преодоления подобных трудностей является подготовка специалистов в области политической социологии, способных совместить умение проводить эмпирическое исследование и качественный теоретический анализ. Важную роль в этом процессе могло бы сыграть появление соответствующих учебных и учебно-методических материалов. Несмотря на большое количество появившихся в последнее время учебников и учебных

пособий, задача выпуска адекватной учебно-методической литературы остается актуальной: большинство из существующих работ подобного жанра не отвечают потребностям подготовки квалифицированных специалистов. В частности, многие учебные издания по политической социологии не отражают специфику дисциплины, являясь по существу вариантами пересказа основ политологии с несколько **большим** упором на прикладные аспекты. В целом очевидна потребность в появлении учебников и учебных пособий, раскрывающих теоретические аспекты социологического подхода к анализу политических процессов, освещающих научные достижения в этой области, а также возможные направления и способы исследования.

Представляемый сборник учебных материалов призван внести определенный вклад в решение этих задач. Он составлен как пособие для студентов старших курсов социологических факультетов по курсу «Социология политических процессов». Основная цель данного сборника - помочь в профессиональной подготовке специалистов-социологов, способных квалифицированно исследовать и анализировать вопросы политики. В пособии раскрываются некоторые основные понятия, связанные с политическим процессом, даются примеры их операционализации, характеризуются некоторые его основные параметры и виды. Демонстрируются возможности применения различных подходов и методов к анализу политического процесса и его отдельных аспектов.

Авторы сборника стремились кратко осветить основные научные достижения по той или иной теме, представить существующее разнообразие способов изучения отдельных научных проблем. При этом учитывалась специфика читательской аудитории: как правило, студенты старших курсов социологических факультетов владеют определенными знаниями по основам политологии, истории, философии, общей социологии, истории социологии, методике и технике социологического исследования и некоторым другим общегуманитарным и специальным социологическим дисциплинам.

Авторы сборника выражают благодарность Институту «Открытое общество» за поддержку, оказанную авторскому коллективу в рамках программы поддержки кафедр **Мегапроекта** «Развитие высшего образования в России». Мы также благодарим А.И. Соловьева, М.В. Ильина, а также коллег из Европейского университета в Санкт-Петербурге, Г.В. Голосова и В.Я. Гельмана, за внимательное чтение рукописи и высказанные замечания и соображения.

£. Мелешкина

Глава 1

Политический процесс

Вопросы

Понятие политического процесса.
Структура и акторы политического процесса.
Анализ политического процесса. Социологический подход к анализу политических процессов.

1. Понятие политического процесса

Словосочетание «политический процесс» часто используется не только исследователями, употребляется оно и в СМИ, и в быденной речи. В России под политическим процессом часто понимают череду событий политической жизни, связанную с применением властями судебного и карательного аппарата. Это связано с тем, что в быденном сознании это словосочетание долгое время ассоциировалось со сталинскими политическими процессами, с показательными судами над диссидентами, с репрессиями в гитлеровской Германии и т.п. При описании подобных явлений политологи также пользуются данным выражением, однако в политической науке слова *политический процесс* используют прежде всего для обозначения одной из базовых категорий политического анализа, более сложной по содержанию и смыслу.

Из курса по основам политологии известно, что политическая Действительность образуется деятельностью людей, групп или институтов (иными словами — субъектов или акторов), связанной

с реализацией властных интересов и *целестижением*. В процессе деятельности эти субъекты взаимодействуют с другими субъектами.

Иногда взаимодействия политических акторов могут быть чисто случайными. Иногда они закономерны или даже «запрограммированы» — не в деталях, разумеется, а в целом, по своему характеру, типу. В результате совершения подобных «ожидаемых» действий создаются устойчивые связи и взаимоотношения, возникают правила, нормы, организации и т.д., то есть создаются и воспроизводятся политические институты. Действия и взаимодействия политических субъектов осуществляются во времени и в пространстве — в итоге возникает упорядоченная последовательность действий и взаимодействий, носящая определенный смысл. Такая последовательность может быть обозначена термином «политический процесс».

В качестве примера политического процесса можно привести всю ту упорядоченную совокупность взаимодействий, которая связана с выборами. В ходе избирательной кампании происходит действие и взаимодействие политических акторов (избирателей, политических партий и т.д.). В электоральном процессе также воспроизводятся (или создаются) политические институты (институт выборов, избирательная система и др.). Можно обнаружить также и различные смыслы электорального процесса. Так, для стран современной развитой демократии они заключаются в реализации принципа народного суверенитета, выборности и сменяемости органов власти в результате выборов, а также в выборе политических курсов предлагаемых, например, правящими или оппозиционными партиями.

С учетом данных обстоятельств **политический процесс** можно определить как *упорядоченную последовательность действий и взаимодействий политических акторов, связанных с реализацией властных интересов и целестижением и, как правило, создающих и воссоздающих политические институты*. Можно дать и другое определение политического процесса — иное по форме, но близкое сути: **политический процесс** представляет собой *развертывание политики во времени и в пространстве в виде упорядоченной последовательности действий и взаимодействий*.

В политической науке существуют различные точки зрения на то, что такое политический процесс. Некоторые исследователи считают, что понятие *политический процесс* может иметь два зна-

чения — о микроуровне, то есть о непосредственно наблюдаемой деятельности или даже единичных действиях индивидов, например, партий, государств и т.д. В первом случае под политическим процессом понимается «некая равнодействующая суммы акций различных социально-политических субъектов»¹. Во втором случае политический процесс определяют как «цикл политических изменений, последовательную смену состояний политической системы»².

В действительности, несмотря на то, что в каждом определении речь идет, казалось бы, о разных (разнопорядковых) явлениях, оба в целом говорят об одном и том же. Разница заключается в принятой исследователями системе координат и единицах измерения политического процесса.

Поясним это с помощью аналогии из быденной жизни. Представим себе поезд. Пассажиры в одном купе играют в шахматы, в другом ужинают, в третьем готовятся ко сну. Проводник разносит чай. Торговец сувенирами переходит из вагона в вагон. Навстречу ему движутся люди, разыскивающие вагон-ресторан. При этом еще поезд мчится от станции к станции. Поэтому один и тот же человек одновременно идет, например, ужинать в вагон-ресторан, возвращается домой и участвует в железнодорожном движении по определенному маршруту. Это три разных движения представляют один аспект действительности: они все в совокупности и каждое из них движения.

То же самое происходит и с политическим процессом. Выводы относительно характера и содержания политического процесса делаются на основании того, кого исследователи или аналитики выбирают в качестве основных субъектов взаимодействия, каков характер взаимодействия этих субъектов, а также на основании того, какая временная единица берется за основу измерения этого процесса. Также имеет значение и то, учитывается ли влияние среды на взаимодействие политических акторов, а если да, то какой (социальной, культурной, экономической, политической) и каким образом.

В мировой политической науке выделяется три основных подхода к определению характера и содержания политического про-

¹ Дегтярев А.А. Основы политической теории. М., 1998. С. 147.

² Шутов А.Ю. Политический процесс. М., 1994. С.19.

цесса в зависимости от характера политических акторов, а также временной единицы измерения.

Сторонники первого, институционального подхода связывают рассматриваемое явление с трансформацией институтов власти — основных субъектов политического процесса. Средовые условия, например социальная инфраструктура, при этом учитываются лишь частично или косвенно, поскольку рассматриваются как имеющие второстепенное значение. Временные единицы невелики, позволяя измерять политический процесс в рамках повседневности и истории.

Представители второго, бихевиорального подхода в качестве субъектов политики рассматривают отдельных индивидов или группы людей. Поэтому политический процесс предстает в виде «результатирующего вектора» поведения, политических волей и интересов этих субъектов. Однако в рамках этого подхода не находят должного отражения организационные, структурно-функциональные аспекты политического процесса, поэтому явления, на которые оказывают влияние высокая степень развитости и дифференцированности институциональной инфраструктуры, особенности функционально-статусного разделения труда, не могут быть описаны адекватно. Временные единицы измерения здесь также невелики. Они позволяют изучать политический процесс в основном в рамках повседневности.

Третий, структурно-функциональный подход акцентирует внимание не столько на поведенческом аспекте политического процесса, сколько на внутренних структурно-функциональных особенностях политической системы и среды, обуславливающих тот или иной способ и характер действия и взаимодействия между акторами. Единицами анализа при этом выступают не столько индивиды и группы, сколько большие структуры политической системы (и сама система в целом), а также их функционально-ролевая структура. Основное внимание уделяется анализу макроаспекта политического процесса, который трактуется некоторыми представителями данного направления как совокупность реакций политической системы на воздействие окружающей среды в целях формирования решений, приемлемых для ведущих групп интересов³.

Подобная трактовка действительности лучше всего подходит для анализа политических макропроцессов. Сторонники соответ-

³ См., например, Easton D. A Framework for Political Analysis. N.Y., 1965.

ствующего подхода чаще всего используют крупные временные единицы анализа, позволяющие отразить направление и специфику эволюционных изменений в развитии политической жизни общества. Вместе с тем очевидны недостатки данного подхода. В частности, занижается роль субъективного фактора в политическом процессе. Поведение субъектов нередко сводится к реализации ролей, обусловленных той или иной функциональной позицией в политической системе. При этом, однако, необходимо отметить, что среди сторонников структурно-функционального подхода были и те исследователи, которые пытались сочетать принципы структурного функционализма и бихевиоральный подход (например, Д. Истон).

Все три отмеченных подхода уделяют основное внимание лишь отдельным аспектам политического процесса. Выделение отдельных сторон явления и их анализ несомненно плодотворны для исследовательских целей, однако не позволяют составить целостную картину. Предложенные нами определения политического процесса охватывает все данные аспекты, помогают добиться целостного восприятия действительности и обеспечить сопоставимость результатов, полученных в рамках каждого из трех основных подходов.

Как следует из данных нами определений, политический процесс является динамической характеристикой политики. Поэтому можно утверждать, что формами существования политического процесса являются политические изменения и политическое развитие.

Политическое изменение — процесс появления новых характерных черт (новой характерной черты) в способе и характере взаимодействия между политическими субъектами, между политической системой и внешней средой. *Политическое развитие* — процесс качественных изменений (или их накопления) политической системы, ее составных частей или самого политического процесса.

Политические процессы отличаются друг от друга по масштабам, длительности, акторам, характеру взаимодействия между акторами и т.п. В политической науке выделяют различные типы политических процессов. Существует несколько способов их типологии, основанных на различных критериях.

Исходя из разномасштабности политических процессов, можно выделить несколько разновидностей. Это, прежде всего, повседневные политические процессы («мелкие» акторы и единицы из-

мерения), которые связаны, в первую очередь, с непосредственным взаимодействием индивидуальных, групповых и частично институциональных акторов. В качестве примера можно привести законодательный процесс в каком-либо парламенте.

Другим типом является исторический политический процесс (более крупные акторы — в основном группы и институты). Это процессы, связанные с совершением какого-либо исторического события. Например, в качестве подобного рода политических процессов могут рассматриваться политическая революция, возникновение и развитие какой-нибудь политической партии и т.п.

Наконец, это эволюционные политические процессы, которые характеризуются участием «крупных» акторов (институтов, политической системы), поддаются измерению с помощью крупномасштабных временных единиц. Такими процессами могут быть, например, превращение полиса в имперскую столицу, модернизация политической системы, демократический транзит и т.д.

Существуют и другие критерии различения отдельных типов и разновидностей политического процесса. Так, А.И. Соловьев проводит подобные разграничения на основании различий в предметных областях. Он пишет: "С точки зрения значимости для общества тех или иных форм политического регулирования социальных отношений" политические процессы делятся на базовые и периферийные. Базовые процессы основаны на изменении системных свойств политической жизни (например, процесс формирования властных структур государственного уровня), а периферийные — на изменении менее существенных размеров, которые «не оказывают принципиального влияния на доминирующие формы и способы отправления власти»⁴.

Кроме того, А.И. Соловьев выделяет открытые и закрытые политические процессы. Закрытые политические процессы «означают тот тип изменений, который может быть достаточно однозначно оценен в рамках критериев лучшее/худшее, желательное/нежелательное и т.д. Открытые же процессы демонстрируют такой тип изменений, который не позволяет предположить, какой — позитивный или негативный для субъекта — характер имеют сложившиеся трансформации или какая из возможных в будущем стратегий более предпочтительна... Иначе говоря, такой тип процессов характеризует изменения, совершающиеся в предельно

⁴ Соловьев А.И. Политология. Политическая теория. Политические технологии. М., 2000. С. 292.

неясных и неопределенных ситуациях, которые предполагают повышенную гипотетичность как совершаемых, так и планируемых действий»⁵.

Российский политолог А.Ю. Шутов отмечает несколько «идеальных» типов политических процессов на основании социокультурного аспекта, особенностей эволюционной стадии развития общества и его состояния⁶.

С учетом социокультурного контекста он отмечает политические процессы технократического и идеократического типов. Технократическому политическому процессу, который характерен для стран англосаксонского культурного ареала и в меньшей степени для континентально-европейских государств, присуще преобладание «технологического подхода в качестве единственно возможного типа политического изменения», ориентация на легитимное использование политических процедур. Для него неприемлема радикальная структурная ломка политической системы и ее составляющих. Идеократический политический процесс, который наблюдается чаще всего в традиционных либо в переживающих начальную стадию модернизации обществах, основан, в первую очередь, не на приоритете процедуры изменений, а на консенсусе в отношении определенной идеологии.

На основе особенностей эволюционной стадии развития общества А.Ю. Шутов выделяет политический процесс в традиционном обществе и политический процесс модернизации (логичнее с точки зрения однородности оснований типологии, на наш взгляд, было бы говорить о политическом процессе в странах, переживающих модернизацию). Для первого типа характерны патриархальность политической жизни, низкий уровень участия в ней населения, отсутствие у него ярко выраженных политических интересов. В целом политический процесс носит экстенсивный характер, а принятие и судьба политических решений всецело зависят от воли правящей группировки. Политический процесс в странах, переживающих модернизацию, характеризуется его интенсификацией, вовлечением в политическую жизнь населения, созданием институтов, позволяющих оказывать влияние на процесс принятия политических решений.

С точки зрения состояния общества выделяется политический процесс стационарного и переходного типов. Первый тип осуще-

⁵ Там же. С. 293.

⁶ Шутов А.Ю. Указ.соч.

ствляется в рамках одной политической системы и может быть охарактеризован как «системный». Второй — характерен для переходного периода и может быть условно обозначен как «межсистемный». Выделение этих двух типов является достаточно распространенным в политической науке. Вместе с тем некоторые исследователи предпочитают использовать такие характеристики, как «стабильность» и «переходность». В частности, стабильные и переходные процессы выделяет А.И. Соловьев, отмечая, что первый тип предполагает «устойчивое воспроизведение политических отношений», а второй — отсутствие «четкого преобладания тех или иных базовых свойств организации власти», которая осуществляется в условиях «несбалансированности политической активности основных субъектов».

2. Структура и акторы политического процесса

Многие обыватели, журналисты, а также некоторые аналитики и ученые полагают, что политический процесс — стихийное явление, имеющее иррациональный характер, зависящее от воли и характера людей, прежде всего политических лидеров. Доля истины в этих рассуждениях есть, так как «в отличие от статических элементов политики, именно в политическом процессе в полной мере проявляется фактор случайности, будь то внезапная смерть лидера-харизмы, неизбежно влекущая за собой качественно новую политическую ситуацию, или же внешнее воздействие (например, обострение глобальных проблем), могущее поменять доминирующих субъектов»⁷.

Значимость случайных явлений и событий особенно заметна на микроуровне. Однако общий характер политической деятельности как целедостижения, а также институциональный и прочие контексты данной деятельности (правила, определенные формы и способы поведения, традиции, господствующие ценности и т.п.) делают политический процесс в целом упорядоченным и осмысленным. Он представляет собой логически разворачиваемую последовательность взаимодействий между акторами. Таким образом, политический процесс — целостное явление, поддающееся структурированию и научному анализу. Непредсказуемость и кажущуюся необъяснимость тех или иных событий следует рассмат-

⁷ Там же. С. 19.

ривать в основном как следствие несовершенства научного аппарата и инструмента.

Структура политического процесса может быть описана с помощью анализа взаимодействия между различными политическими акторами, а также посредством выявления динамики (основных фаз политического процесса, смены этих фаз и т.п.) этого явления. Большое значение имеет также выяснение факторов, влияющих на политический процесс. Таким образом, структуру политического процесса можно определить как совокупность взаимодействий между акторами, а также их логической последовательности («сюжета» политического процесса). Каждый отдельно взятый политический процесс имеет свою собственную структуру и, соответственно, свой собственный «сюжет». Акторы, совокупность их взаимодействий, последовательность, динамика или сюжет, временные единицы измерения, а также факторы, влияющие на политический процесс, обычно носят название **параметры политического процесса**.

Основными акторами политического процесса являются политические системы, политические институты (государство, гражданское общество, политические партии и т.д.), организованные и неорганизованные группы людей, а также индивиды.

Как известно из курса по основам политологии, политический институт — воспроизводимая с течением времени совокупность норм и правил, а также организационного потенциала, упорядочивающих политические отношения в определенной сфере политической жизни.

Основным властным институтом, одним из основных акторов политического процесса, выступает государство. Другим важным актором политического процесса является гражданское общество, которое тоже может рассматриваться как политический институт. Следует заметить, что государство и гражданское общество как политические акторы формируются в Европе и США примерно в период Нового времени под влиянием происходящих модернизационных изменений. Именно с этого времени мы можем говорить о том, что складывается основной институт власти в обществе, обладающий монополией на принуждающее насилие на определенной территории, — государство. В то же время, под влиянием этого процесса происходит формирование своеобразной антитезы государства — гражданского общества.

Менее масштабными акторами политического процесса являются партии, группы интересов, а также индивиды и группы людей.

Индивиды и группы могут участвовать в политике не только в институциональной форме, например голосуя на выборах, но и в неинституциональных формах, в форме стихийных массовых выступлений.

Люди отличаются различной степенью активности в политике. Многие не слишком активны, но в целом участвуют в большей части институционализированных процессов. Некоторые лишь наблюдают со стороны, не только не принимая активного участия в политической жизни, но и не участвуя в выборах, не читая газет и т.п. Другие же, обычно это меньшинство граждан, напротив, принимают самое активное участие в политической жизни.

Для достижения групповых целей индивиды могут создавать специальные группы, отличающиеся различной степенью институционализации — от случайной группы, образованной на митинге, до высокоорганизованной, носящей постоянный характер и действующей по строгим правилам группы интересов. От степени институционализации политической деятельности зависит не только достижение конкретных целей (оно, как правило, тем эффективнее, чем выше степень институционализации), но и воспроизводимость, повторяемость, регулярность каких-либо политических отношений, их закрепление в правилах и нормах.

При анализе политического процесса следует учитывать характер взаимодействия между его субъектами. Здесь важно отметить, что характер взаимодействия во многом зависит от масштаба политического процесса и акторов. В частности, характер взаимодействия между политической системой и средой будет определяться уровнем эволюционного развития системы и среды, например степенью внутренней дифференциации. В то же время характер взаимодействия между акторами, в частности между гражданином и определенной партией, будет определяться другими параметрами: институциональными условиями, особенностями партийного развития, местом партии в политической системе, социально-психологическими особенностями развития личности и т.п. В целом, абстрагируясь от специфики политических процессов и акторов, чаще всего характер взаимодействия между акторами описывается в терминах конфронтации, нейтралитета, компромисса, союза, консенсуса.

Можно выделить две группы факторов политического процесса: «внутренние» и «внешние». К «внешним» относятся среда (социально-экономические, социокультурные и прочие условия) и ее воздействие, системные, но «внешние» для данного политическо-

го процесса политические обстоятельства, такие как правила и условия политической игры, «внешние» политические события и т.п. К «внутренним» можно отнести такие параметры, как характеристика акторов, их целей и намерений, распределение властных ресурсов, логика и «сюжетика» политического процесса.

Важным параметром политического процесса является его членение на этапы. Политические процессы различного рода дают пример сочетания разных этапов. Разнохарактерность и разномерность процессов приводит к тому, что выделить какие-либо этапы, общие для всех типов процессов, достаточно сложно. Различными будут этапы функционирования политической системы, электорального процесса или процесса создания и функционирования политической партии. Поэтому выделение конкретных этапов целесообразно, применительно к определенным типам политических процессов.

Большинство взаимодействий политических акторов касаются осуществления публичной власти. В силу этого обстоятельства особенно велика значимость процесса принятия и реализации политических решений. Анализ этого процесса является одной из наиболее популярных тем зарубежной политической науки. Среди исследователей нет единого мнения относительно количества и содержания его этапов. Обобщая различные подходы, можно выделить следующие основные фазы:

1. постановка проблемы (сбор необходимой информации о существующих проблемах, общественных запросах и возможных путях решения, определение первостепенных и второстепенных проблем);
2. формулирование альтернативных решений;
3. сравнительный анализ и выбор наиболее эффективного решения;
4. формулирование государственного решения и его легитимация (путем принятия законов, голосования и проч.);
5. реализация принятых решений;
6. контроль за реализацией и осуществление «обратной связи».

Если обратиться к процессу функционирования всей политической системы, то набор этапов будет существенно отличаться, так как будет учитываться взаимодействие системы со средой. Вместе с тем известные в науке попытки выделения основных этапов этого процесса также сконцентрированы на принятии и реализации управленческих решений. «Классическим набором» фаз является выделение основных этапов Г.Алмондом и Г.Пауэлом:

1. артикуляция индивидуальных и групповых интересов;
2. агрегирование этих интересов (их объединение в единой позиции);
3. выработка политического курса;
4. реализация принятых решений;
5. контроль за исполнением этих решений⁸.

Необходимо отметить, что данная модель отражает лишь один из типов политического процесса и не может рассматриваться как универсальная.

3. Анализ политических процессов. Социологический подход к анализу политических процессов

Анализ политических процессов включает в себя выявление его основных субъектов, их ресурсов, способов и условий их взаимодействия, а также саму логическую последовательность этого взаимодействия. Кроме того, в качестве изучаемых параметров политического процесса можно выделить факторы политического процесса, уровень равновесия, пространство и время его протекания.

Важным моментом анализа является выявление статических характеристик параметров политического процесса и динамических характеристик рассматриваемого явления, обобщенных в понятиях «политическая ситуация» и «политическое изменение».

Если исследование политического изменения направлено на выявление специфики динамики политического процесса, то анализ политической ситуации дает «фотографию» политического процесса в конкретный момент времени. В ходе такого анализа выявляется система связей и отношений между основными элементами, сложившаяся на данный конкретный момент. Таким образом, создается основа для сравнения нескольких политических ситуаций, различных во времени. Другими словами создается основа для выявления динамики политического процесса (особенностей политического изменения).

Российский политолог А.Ю. Шутов предлагает следующий алгоритм анализа политической ситуации:

⁸ Comparative Politics Today: A World View. Eds. by Almond G., Powell G. N.Y., 1996. P. 9—10.

1. определение степени информационного обеспечения, верификация принятых к изучению данных, определение их достоверности, степени полноты информации, ее качества;
2. первичный отбор информации, исключение бесполезной информации о политических событиях, не имеющих принципиального значения для анализа данной политической ситуации;
3. описание политической инфраструктуры с акцентом на те ее составляющие, которые непосредственно задействованы в политическом изменении;
4. описание содержания действий доминирующего политического субъекта;
5. описание состояния и политического поведения других субъектов;
6. описание воздействия внешних факторов, влияющих на политическое изменение;
7. интерпретация мотивов действий доминирующего политического субъекта, его целей, средств их реализации;
8. анализ мотивации поведения других политических субъектов, степени принятия (непринятия) ими политического изменения, возможностей, характера, форм и методов противодействия;
9. анализ возможностей внешних факторов корректировать результат действий доминирующего политического субъекта;
10. анализ «идеологии политического изменения, ее адекватности достигнутым (достигаемым) целям и задачам»⁹.

Для выявления динамических характеристик политического процесса очень важным является анализ его сюжета. Подобный анализ может осуществляться с помощью инструментария, выработанного в рамках такого научного подхода, как анализ политического дискурса. Кроме того, достаточно интересные результаты для представления динамики процесса дает применение методов формального моделирования, теории игр, теорий принятия политических решений и т.п.

Сочетание статического и динамического принципов анализа можно сравнить с процессом производства и просмотра видеопленки. Каждый отдельный ее кадр характеризует ту или иную си-

⁹ Шутов А.Ю. Указ. соч. С.25.

туацию. На основе просмотра каждого отдельного кадра мы можем в какой-то степени охарактеризовать основных акторов, характер и условия их взаимодействия и т.д. Однако данный анализ будет неполным: он будет похож на фотографию, лишен динамики и во многом контекста. Лишь просматривая череду быстро сменяющихся кадров, мы можем составить полное представление о сюжете фильма, о динамике, а также об основных параметрах происходящего процесса.

Важным элементом изучения статических и динамических характеристик политического процесса является анализ его внешней среды, которая включает в себя социальные, экономические, культурные факторы, влияющие на политический процесс, а также политические изменения более высокого уровня.

Одним из подходов к исследованию политических процессов, уделяющих значительное внимание анализу среды, является социологический подход. Он предполагает анализ воздействия социальных и социокультурных факторов.

Влияние социальных и социокультурных факторов может проявляться не только в особенностях индивидуальных или групповых политических акторов в виде интересов, политических установок, мотивов, способов поведения и т.п. Это влияние может также проявляться в виде специфики «разделения» труда в политике, распределения властных ресурсов, а также особенностей отдельных политических институтов. Социальные и социокультурные факторы могут оказывать влияние и на структурные характеристики политической системы. Социальный и социокультурный контекст во многом определяют значения («смыслы») тех или иных действий, а также специфику сюжета политического процесса. Поэтому анализ этих факторов является неотъемлемой частью исследования политического процесса.

Как правило, такой анализ проводится в рамках такой субдисциплины, как политическая социология. Эта субдисциплина моложе политологии и социологии, на стыке которых она и появилась: ее официальное признание произошло в 50-е гг. 20 в. Нередко крупные политологи являются одновременно и политическими социологами. Среди них можно назвать такие имена, как С. Липсет, Х. Линц, Дж. Сартори, М. Каазе, Р. Арон и многие другие. Специфика этой субдисциплины заключается в том, что, она представляет собой, по меткому выражению Дж. Сартори, «междисциплинарный гибрид», использующий социальные и политические независимые переменные для объяснения политических явлений.

Вопросы для самоконтроля

1. Почему мы можем назвать политический процесс динамической характеристикой политики?
2. Что такое структура и параметры политического процесса?
3. Каких акторов политического процесса мы можем выделить?
4. Какие факторы оказывают воздействие на политический процесс?
5. Как сочетается статический и динамический принцип анализа политического процесса?
6. В чем заключается специфика социологического подхода к анализу политических процессов?

Литература для самостоятельного изучения

1. Дегтярев А.А. Основы политической теории. М., 1998. Гл. IX, X.
2. Ильин М.В. Ритмы и масштабы перемен: О понятиях «процесс», «изменение» и «развитие» в политологии. // Полис. 1993. № 2.
3. Салмина А.М. Политический процесс и демократия // Социально-политические науки. 1991. № 6.
4. Шутов А.Ю. Политический процесс. М., 1994.

Методологические подходы к анализу политических процессов

Вопросы

1. Институциональный подход.
2. Бихевиоральный подход.
3. Структурно-функциональный подход.
4. Теория рационального выбора.
5. Дискурсивный подход.

Политический процесс можно изучать по-разному, оставаясь при этом в рамках научного познания. Выбор предмета исследования, особых методов, построение гипотез и теорий, а также их использование, специфика полученных результатов зависят, в первую очередь, от выбранного исследователем методологического подхода. От этого зависит, например, будет ли исследователь при анализе политических процессов уделять основное внимание специфике индивидуального политического поведения, его результатам, или он сосредоточится на макроуровне, выясняя, как структура конкретной политической системы влияет на особенности протекания политических процессов в той или иной стране. Выбор методологии скажется и на том, будут ли ученым использоваться, к примеру, опросные методы исследования или он будет применять, предположим, методы моделирования. В результате обращения к различной методологии один автор может делать выводы о поведении избирателя, а другой — об институ-

циональных факторах, влияющих на результаты электорального процесса.

Наблюдается и обратная зависимость: от целей и задач исследования может зависеть и выбор определенной методологии. Так, если ученый ставит перед собой цель выяснить, каковы же закономерности поведения людей на массовых мероприятиях, например на митингах, он обратится к одной методологии, если перед ним стоит задача исследования эволюции политической системы, то он обратится к другой методологии. Это, однако, не означает, что выбор объекта и предмета исследования однозначно диктует выбор одной определенной методологии. Исследователь может использовать и несколько подходов одновременно. Тем не менее их набор так или иначе ограничен исследовательскими целями и задачами.

В современной политологии и политической социологии существует множество методологических подходов к анализу политических процессов, представители которых рассматривают различные аспекты этого явления. В целом весьма упрощенно процесс научного познания данного объекта можно описать с помощью восточного анекдота про семь слепых индийских мудрецов, которые решили узнать, что такое слон. Каждый из мудрецов трогал какую-то часть слона и делал выводы по поводу его сущности: «слон — это дерево», «слон — это канат», «слон — это большая бабочка» и т.д. В отличие от этих восточных мудрецов ученые имеют возможность сравнить научные подходы и выводы друг друга, а также попытаться обобщить результаты и даже выработать некую интегральную методологию (подобные попытки предпринимались не один раз). Вместе с тем задачи выработки такой методологии до сих пор не решены в силу особой сложности проблемы, а разница между основными методологическими подходами проявляется достаточно отчетливо, обуславливая специфику содержания и результатов отдельных исследований.

Наиболее часто исследователями выделяются следующие основные методологические подходы: нормативный, институциональный, бихевиоральный, структурно-функциональный, теория рационального выбора и дискурсивный. Каждый из этих подходов имеет свои существенные отличия, знакомство с которыми входит в необходимый базовый набор знаний исследователя политического процесса. В чем же состоят особенности основных методологических подходов?

1. Институциональный подход

Институциональный подход к анализу политических процессов — один из самых «старых» методологических подходов. Достаточно продолжительное время (примерно до 30-х гг. 20-го столетия) институциональный подход составлял одну из доминирующих методологических традиций в США и Великобритании. *Основное внимание* его представители уделяли изучению весьма важного аспекта политического процесса, создающего «систему координат» для его протекания — политических институтов. Вместе с тем, анализу подвергались только институты, носящие формально-правовой характер. Институционалисты изучали формально-правовые аспекты государственного управления, в частности конституционные документы и реализацию их положений на практике (в формальной организации, в деятельности).

Представители данного подхода исходили из нескольких *посылок*:

1. Конкретность изучаемых институтов (то есть считали, что институты могут быть изучены, обследованы в силу своей реальности).
2. Независимости существования законов, формальных норм и их влияния на политическую систему и человеческое поведение.

Эти положения оказывали влияние не только на *исследовательский процесс*, но и на получаемые *выводы*. В частности, считалось, что в качестве причин и следствий существования тех или иных «прогрессивных» институтов выступает наличие или отсутствие ценностей либеральной демократии. Поэтому во многих работах данного направления обосновывались два тезиса: демократические формы правления — наилучшие и наиболее прогрессивные, пример наиболее полного воплощения демократических принципов представляют собой США.

Следует отметить, что эти тезисы подкреплялись в основном результатами анализа институционального устройства США и Великобритании. При анализе институционального устройства этих стран (правил, процедур, формальной организации управления) значительное внимание уделялось выявлению *институциональных* факторов, влияющих на политическое поведение и демократическую эффективность (например, избирательным системам). Остальные страны рассматривались как «отклонения» и поэтому изучались достаточно слабо.

Основными *методами* анализа были историко-компаративный (в трудах институционалистов часто сводимый к изучению *прошлого* для объяснения настоящего) и традиционный описательно-индуктивный анализ формально-правовых институтов. Этот анализ базировался на изучении исторического и правового материала, на основе описания которого характеризовались политические институты государства. Особенности такого подхода были вполне объяснимы проблемами развития самой политической науки, переживавшей на рубеже веков стадию становления как самостоятельной научной дисциплины, а также тем, что костяк ученых составляли тогда в основном не специалисты в области политических наук, а юристы, философы и историки.

В целом в рамках институционального подхода был собран богатый материал относительно институционального устройства и получены достаточно интересные результаты. Как отмечает Б. Питерс, «старый институционализм... в значительной степени способствовал более полному пониманию проблем управления. Присущее ему особое внимание к структурным деталям вело к своего рода возвращению академического стиля, особенно это относится к историческому институционализму. Описательный тип исследований подводил к выводу, что на первый взгляд незначительные детали могут оказывать сильное воздействие на реальное поведение институтов и индивидов. Такой подход отличался от расплывчатых характеристик правительства как «черного ящика» в системном анализе политики, столь популярном у представителей сравнительной политологии в период наивысшего подъема бихевиоральной *революции*»¹. Кроме того, *заслугой* институционалистов являлось также то, что они одними из первых выступили за самостоятельность политической науки.

Вместе с тем с течением времени стали очевидны *недостатки* и слабости этого направления. В частности в качестве таких недостатков можно отметить следующие:

1. ограничение предмета анализа, невнимание к политическому поведению;
2. невнимание к неполитическим основам политического поведения людей;
3. формальный подход к изучению политических институтов без учета неформальных аспектов их функционирования и роли этих аспектов в принятии решения;

¹ Питере Б.Г. Политические институты: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингемана, 1999. С.219.

4. прескриптивный (предписывающий) характер теории.

С течением времени институционализм претерпел значительную эволюцию, общая тенденция которой заключалась в восприятии некоторых принципов других методологических подходов. В рамках *современного институционализма* иногда выделяют *три основных подхода*, для каждого из которых характерна в той или иной степени эта тенденция: конституционные исследования, *public administration*² и так называемый *новый институционализм*³.

Конституционные исследования, пережившие в 70-х гг. значительный подъем, в настоящее время представлены, главным образом, в Великобритании. Это направление сохранило сочетание формально-легального и либерально-реформистского подходов.

Основное внимание конституционалисты уделяют изменениям в британской политике, сравнению практики конституционных соглашений и т.п. Несмотря на сохранение традиционного подхода, конституционалисты пытаются избежать былого формализма в исследовании институтов, анализируя «институты в действии», то есть то, как в институтах реализуются цели и намерения людей. Кроме того, исследования современных конституционалистов, в большей степени по сравнению с их предшественниками, опираются на обобщающие теории.

Представители *public administration* основное внимание уделяют изучению институциональных условий для государственной службы. Помимо изучения формальных моментов, а также истории, структуры, функций и «членства» в государственных структурах управления, эти ученые анализируют также вопросы эффективности государственной службы. С задачами выявления эффективности государственных структур связано и сочетание анализа формальной организации с поведенческими аспектами. Вместе с тем признается, что изучение поведенческих аспектов может дать плодотворные результаты лишь в том случае, когда учитываются институциональные условия.

² В российской политической науке отсутствуют термины, адекватно передающие смысл словосочетания *public administration*. Чаще всего его переводят как государственное и муниципальное управление. Принимая во внимание имеющиеся терминологические затруднения, мы сочли необходимым использовать в тексте подобия английского словосочетание.

³ Rhoder R.A.W. *The Institutional Approach// Theory and Methods in Political Science*. Ed. by Marsh D., Stoker G. Houndmills et al., 1997. P. 50.

Новый институционализм в отличие от других направлений подчеркивает более самостоятельную роль политических институтов в политическом процессе. Это направление также значительно отличается от традиционного институционализма тем, что неoinституционализм воспринял ряд принципов других методологических подходов. От «классического» институционализма его отличает, в первую очередь, более широкая трактовка понятия «институт», пристальное внимание к теории развития и использованию количественных методов анализа.

Неоинституционалисты не ограничиваются простым описанием институтов, а пытаются выявить «независимые переменные величины», определяющие политику и административное поведение. В частности, большое внимание уделяется исследованию неформальной структуры политических институтов, а также предпринимаются попытки дополнить анализ поведенческим подходом. Так, например, неоинституционалистов волнует вопрос: влияет ли форма правления (парламентская или президентская) на поведение политических акторов или она представляет собой лишь формальное различие. Некоторые Неоинституционалисты концентрируют внимание также на результатах деятельности институтов.

Заслугой неоинституционалистов является то, что «благодаря ему, можно вести речь об институтах с более широких компаративистских позиций... Он представляет исследователям возможность выяснить, имеет ли институциональная динамика разных режимов больше сходства между собой, чем это может показаться из отдельных описаний, предпринятых учеными, ориентированными на исследование одной страны или даже региона. Применение одного из... вариантов институционального анализа не гарантирует успеха такого сравнения, но вооружает ученого необходимым набором средств для его проведения»⁴.

2. Бихевиорализм

Преодолеть недостатки нормативного и институционального подхода было призвано так называемое бихевиоральное научно-методологическое направление. С его появлением связана настоя-

⁴ Питере Б.Г. Политические институты: вчера и сегодня// *Политическая наука: направления*/Под ред. П. Гудина, Х.-Д. Клингемана. М., 1999. С. 220.

щая революция в области политических исследований, произошедшая в 1930-х гг. и изменившая их облик. Основной расцвет бихевиорального направления пришелся на 1950—1960 гг. нынешнего столетия, когда оно занимало одно из ведущих позиций в социальных науках.

Очень часто люди, далекие от политической науки, да и некоторые исследователи путают «бихевиорализм» как методологическое направление политической науки и «бихевиоризм» как направление в психологии, приписывая «бихевиорализму» в политологии те положения, которые его сторонники никогда не отстаивали. Это происходит, скорее всего, не только из-за терминологической путаницы, но и по причине недостаточного знакомства с работами представителей данного направления. Как верно отмечает Д. Истон, «термины «бихевиоризм» и «бихевиорализм», хотя и происходят от одного английского слова «behavior», имеют мало общего между собой, и их не надо путать. Политология никогда не была «бихевиористской» — даже в период расцвета бихевиоралистского направления. Термин «бихевиоризм» относится к особой теории человеческого поведения в психологии, выдвинутой в работах Дж.Б. Уотсона. Я не знаю ни одного политолога, который придерживался бы этой доктрины. Мне не приходилось встречать среди своих коллег... и сторонников психологической теории Б.Ф. Скиннера, основателя «оперантной» школы в психологии и современного наследника Уотсона. Главное сходство между «бихевиоризмом» и «бихевиорализмом» состоит в том, что оба направления черпают информацию о происходящем из наблюдений за поведением человеческих акторов. В обоих случаях признается, что методология, основанная на естествознании, применима и к изучению человека. Но кроме этих точек соприкосновения — признания индивида основным объектом исследования и использования научного метода — общего между двумя направлениями мало»⁵.

Инициаторами и последователями бихевиорального подхода к анализу политических процессов были, в первую очередь, представители Чикагской школы американской политической науки. Это такие ученые, как Б. Берельсон, П. Лазерсфельд, Г. Лассуэл, Ч. Мерриам, Л. Уайт и др.

⁵ Истон Д. Политическая наука в Соединенных Штатах: прошлое и настоящее // Современная сравнительная политология. Хрестоматия / Под ред. Г.В. Голосова, Л.А. Галкиной. М., 1997. С.13—14.

Основное внимание представители бихевиорального направления уделяли не политическим институтам (например, государству), а механизмам осуществления власти. Предметом их анализа явилось политическое поведение на индивидуальном и социально-агрегированном уровне (в группах, социальных институтах и т.д.). В поле зрения бихевиоралистов оказались многочисленные аспекты политического процесса, связанные с политическим поведением, такие как голосование на выборах, участие в других различных формах политической активности, в том числе и в неконвенциональных формах (демонстрации, забастовки и т.п.), лидерство, деятельность групп интересов и политических партий и даже субъектов международных отношений. Изучая эти разнообразные аспекты, они пытались ответить на вопрос: почему люди в политике ведут себя определенным образом.

Помимо особенностей предмета исследования, отличительными признаками бихевиорализма были и его основные методологические принципы:

1. исследование поведения людей путем наблюдения
2. эмпирическая проверка выводов

Приверженность данным принципам объяснялась, в первую очередь, тем, что корни философского мировоззрения представителей данного направления уходили к позитивизму⁶.

Схожим с позитивистским у бихевиоралистов было отношение к теории, то есть бихевиоралистов также интересовал вопрос о необходимости проверки теории. Для них, так же как и для позитивистов, существовало три основных способа оценки теории. Во-первых, «хорошая» теория должна быть внутренне последовательной. Во-вторых, такая теория, объясняющая какое-либо явление, должна соотноситься с другими теориями, претендующими

⁶ Напомним, что основными принципами «классического» позитивизма, сложившегося в противовес «спекулятивному» теоретизированию, были отказ от умозрительных рассуждений об обществе, создание «позитивной» социальной теории, которая должна была стать такой же доказательной и общезначимой, как и естественно-научные теории. Основными методами исследования признавались метод наблюдения, сравнительный и исторический методы, а также количественные методы. Для «классического» позитивизма был характерен органицизм, что выражалось, в частности в постулировании наличия неизменных законов функционирования и развития общества, которые рассматривались как часть или продолжение природных законов. В целом представители позитивизма являлись сторонниками «классического типа научности», выступая за строгие исследовательские методы и принципиальную возможность и необходимость объективности научного познания.

на объяснение этого явления. В-третьих, объясняющая теория должна быть способной делать эмпирически значимые выводы, которые должны подвергаться эмпирическому тестированию (принцип верификации), которое может осуществляться как на индивидуальном, так и на групповом уровне (так как истинное положение дел в любой теории может быть искажено, в то время как эмпирические данные сфальсифицировать невозможно).

Как отмечает Д. Истон, «бихевиоралисты были в гораздо большей степени, чем их предшественники, склонны к теоретическим изысканиям. Поиск систематических объяснений, основанных на объективном наблюдении, привел к изменению самого понятия теории. В прошлом теория традиционно имела философский характер. Главной ее проблемой было достижение «достойной жизни». Позднее теория приобрела по преимуществу историческую окраску, и ее целью стал анализ происхождения и развития политических идей прошлого. Бихевиоралистская же теория была ориентирована на эмпирическое применение и видела свою задачу в том, чтобы помочь нам объяснить, понимать и даже, насколько это возможно, предсказывать политическое поведение людей и функционирование политических институтов»⁷. Таким образом, бихевиоралисты выступали за конструирование эмпирически ориентированных объяснительных теорий «среднего уровня».

Необходимость проверки гипотезы с помощью исследования всех случаев или их репрезентативного количества обусловила использование бихевиоралистами количественных методов анализа, таких как статистические методы, моделирование, опросные методы, метод наблюдения и т.п. Во многом благодаря бихевиоралистам эти методы получили широкое применение в рамках политической науки. Постепенно их применение стало рассматриваться представителями данного научного подхода как одна из основных проблем науки. Появились специальные учебные курсы, пособия и т.п.

Особую роль в развитии этих начинаний играли Мичиганский и Чикагский университеты США. Так, например, при Институте социальных исследований Мичиганского университета еще в 1947 г. была организована летняя школа, где молодых специалистов в области политических и других социальных наук обучали применению эмпирических методов. В 1961 г. был создан Межуниверситетский консорциум политических и социальных исследований; (ICPSR) — партнерское объединение нескольких университетов.

⁷ Истон Д. Указ. соч. С.14.

при котором действовал быстро разрастающийся архив доступных для количественной обработки результатов опросов общественного мнения и других данных. Этот архив стал важным источником информации при подготовке диссертаций, статей и монографий. Консорциум проводил собственные летние курсы по обучению количественным методам исследования.

Особые требования, предъявляемые к теории и ко всему исследовательскому процессу, обусловили повышенное внимание бихевиоралистов к процедурным вопросам (последовательность процедур, строгость правил операционализации, поиска показателей, выбора методов исследования, формулирования гипотезы и т.п.). Представители этого направления выступали за строгость исследовательских процедур в целях обеспечения научности полученных результатов, а также объективности процесса исследования⁸. Как отмечает Д. Истон, «многие бихевиоралисты полагали, что в процессе исследования можно в значительной мере абстрагироваться от ценностей как самого ученого, так и общества в целом. Считалось, что этические оценки и эмпирические объяснения опираются на разные типы суждений, которые следует четко различать и отделять друг от друга в аналитическом плане. Бихевиоралисты принимали исходное предположение позитивизма..., что исследовательская деятельность может быть свободной от ценностей или нейтральной в ценностном отношении.... В результате нравственные оценки отошли далеко на задний план среди исследовательских приоритетов политологии»⁹.

По мнению В. Райкера (следует отметить, что он не являлся сторонником бихевиорализма), большой заслугой этого направления являлось отсутствие антропоморфизма, потому что он описывал только внешне наблюдаемые действия, а не мысли и мотивы: «Его привлекательность для политологов, вероятно, состояла в декларируемой свободе от ценностей. Он помогал ученым удержаться от бессознательного объяснения своих собственных «склонностей» и своих собственных интерпретаций ценностей наблюдаемыми объектами»¹⁰.

⁸ Фактически бихевиоралисты выступали строгими приверженцами так называемого «классического» типа научности.

⁹ Истон Д. Указ. соч. С. 15.

¹⁰ Riker W. The Ferment of the 1950s and the development of Rational Choice Theory//Contemporary Empirical Political Theory. Ed. by Manroe K.R. Berkeley et al., 1997. P. 194.

Вместе с тем бихевиорализм был несвободен от некоторых недостатков и спорных моментов. Чаще всего это методологическое направление подвергали критике за следующие типические особенности, которые выделяет Д. Истон:

1. попытку дистанцироваться от политической реальности и абстрагироваться от «особой ответственности» по практическому применению знаний, которую накладывают занятия профессиональной наукой;
2. концепцию научности процедуры и методов, которая уводила исследователя от изучения самого индивида, мотивов и механизма его выбора («внутреннего» поведения) к исследованию условий, которые влияют на действия («внешнее» поведение людей). Это могло привести к тому, что политическая наука превратится в «бессубъектную и нечеловеческую» дисциплину, в рамках которой изучение человеческих намерений и целей занимает достаточно скромное место;
3. «наивное предположение, что одна только бихевиоральная политическая наука свободна от идеологических посылок»;
4. некритическое восприятие «классической» позитивистской интерпретации природы научного познания, несмотря на то, что, начиная с XIX в., не раз раздавались критические высказывания в адрес этого научного направления и высказывалась мысль о наличии существенных особенностей гуманитарного знания;
5. неспособность к изучению ценностных аспектов политических отношений;
6. индифферентное отношение к возникающей фрагментации знания, несмотря на необходимость его использования для решения комплекса социальных проблем¹¹.

Кроме того, среди недостатков данного подхода необходимо отметить отсутствие системного взгляда на политические процессы и игнорирование историко-культурного контекста.

Отмеченные недостатки бихевиорализма, его неспособность дать ответы на многие вопросы политической жизни, предсказать некоторые политические события (например, события 60-х гг.) вызвали кризис этого направления и породили, по меткому замечанию Д. Истона, так называемую «постбихевиоральную револю-

¹¹ Easton D. The Future of the Postbehavioral Phase//Contemporary Empirical Political Theory. P. 15.

цию». «Постбихевиоральная революция» ознаменовалась возникновением некоторых новых методологических направлений, представители которых пытались преодолеть недостатки бихевиорализма и дать ответы на назревшие вопросы, оставаясь в то же время в рамках критериев научности. Среди таких подходов Д. Истон особо выделяет веберинский интенционализм, теорию рационального выбора и теорию государства-актора.

В то же время часть исследователей продолжила работу в бихевиоральной традиции, пытаясь адаптировать основные положения этого методологического подхода к велению времени. В настоящее время «постбихевиоральному бихевиорализму» присущи следующие *характерные черты*:

1. признание значения не только тех теорий, которые имеют эмпирическое происхождение, но и остальных при сохранении принципа верификации;
2. отказ от принципа полной верификации, признание значимости частичной верификации;
3. отсутствие абсолютизации технических приемов, допущение использования качественных методов анализа и исторического подхода;
4. признание неизбежности и значимости ценностного подхода (возможности оценки изучаемого явления).

3. Структурно-функциональный анализ

Другой попыткой преодолеть недостатки бихевиорализма стало развитие структурно-функционального подхода.

Сторонники структурно-функционального анализа представляют общество как систему, включающую в себя устойчивые элементы, а также способы связей между этими элементами. Эти элементы, а также способы связи между ними образуют структуру системы. Каждый из элементов выполняет определенную функцию, которая является важной для поддержания системы в целостности.

Согласно структурно-функциональному подходу, общество можно представить как совокупность крупных элементов (подсистем), а также как совокупность отдельных позиций, занимаемых индивидами, и ролей, соответствующих этим позициям. Состояние и поведение крупных элементов и индивидов объясняется, в первую очередь, потребностями в выполнении функций и ролей. Поэтому главной задачей исследования, по мнению, представителей

данного подхода, является выявление элементов системы, их функций и способов связи между ними.

Основателем структурно-функционального анализа считают Т. Парсонса, положившего начало системному взгляду на политический процесс. Т. Парсонс выделяет четыре крупных элемента общества: экономическую, политическую, социетальную и культурную подсистемы. Каждая подсистема выполняет определенную функцию, важную для поддержания целостности системы. Экономическая подсистема выполняет функцию адаптации к внешней среде; политическая выполняет функцию достижения общих для общества целей; социетальная — функцию интеграции; культурная — воспроизводство культурных образцов. В свою очередь, каждая из подсистем может быть также представлена как система с соответствующими характеристиками.

Как известно из курса по основам политологии, структурно-функциональный подход явился основой для создания теории политических систем, уделявший большое внимание факторам, которые обуславливают стабильность политической системы.

Основные заслуги данного методологического подхода заключаются в следующем. Возникновение теорий политической системы и структурно-функционального подхода в целом сделало возможным появление теории, основанной на вычлениении универсальных компонентов политического процесса. Структурный функционализм способствовал включению в сферу анализа политического процесса макропоказателей и макроструктур и созданию исследовательского инструмента, пригодного для научного кросс-национального сравнения. Возникновение этого подхода благоприятствовало также значительному расширению сферы сравнительных исследований, в которую была включена, в частности, большая группа стран Азии, Африки и Латинской Америки (страны «третьего мира»). Кроме того, его появление благоприятно сказало на развитии исследований неформальных механизмов функционирования государства и других политических институтов.

Вместе с тем структурно-функциональный подход был несвободен от некоторых *недостатков*:

1. недостаточно внимания уделялось микроуровню анализа политических процессов;
2. политическое поведение людей рассматривалось как производное от их функционального статуса, недооценивалась самостоятельность и активность политических акторов, а также влияние социальных факторов;

3. недостаточное внимание уделялось изучению причин и механизма конфликтов, что послужило причиной неспособности объяснить конфликтные политические процессы (например, войны и социально-политические конфликты 60-х гг.)

Вместе с тем наличие несомненных достоинств структурного функционализма обусловило то, что данный методологический подход, несмотря на пережитый им в 60—70-х гг. кризис, и по сей день широко применяется при анализе политического процесса. Как показывает практика, наилучшие результаты дает его применение в совокупности с элементами других методологических подходов.

4. Теория рационального выбора

Основной разгар кризиса бихевиоризма, структурно-функционального анализа и других основных методологических направлений пришелся на 1960—1970-е гг. Этот период был насыщен попытками найти новую методологическую основу для дальнейших исследований. Ученые пытались сделать это разными путями:

1. обновить «классические» методологические подходы (возникновение постбихевиоральных методологических направлений, неоинституционализма и др.);
2. создать систему теорий «среднего уровня» и попытаться использовать эти теории в качестве методологической основы;
3. попытаться создать эквивалент общей теории путем обращения к классическим политическим теориям;
4. обратиться к марксизму и создать на базе этого различного рода технократические теории.

Эти годы характеризуются появлением ряда методологических теорий, претендующих на место «большой теории». Одной из таких теорий, одним из таких методологических направлений стала теория рационального выбора.

Теория рационального выбора была призвана преодолеть недостатки бихевиорализма, структурно-функционального анализа и институционализма, создав теорию политического поведения, в которой человек бы выступал независимым, активным политическим актором, теорию, которая позволяла бы посмотреть на поведение человека «изнутри», учитывая характер его установок, выбор оптимального поведения и т.п.

В политическую науку теория рационального выбора пришла из экономической науки. «Отцами-основателями» теории рациио-

² Политический процесс: основные аспекты и способы анализа

нального выбора считаются Э. Дауне (сформулировал основные положения теории в своем труде труд «Экономическая теория демократии»), Д. Блэк (ввел в политическую науку понятие предпочтении, описал механизм их трансляции в результаты деятельности), Г. Симон (обосновал концепцию ограниченной рациональности и продемонстрировал возможности применения парадигмы рационального выбора), а также Л. Шаплей, М. Шубик, В. Райкер, М. Олсон, Дж. Бьюкенен, Г. Таллок (разрабатывали «теорию игр»). Прошло примерно десять лет, прежде чем теория рационального выбора получила широкое распространение в политической науке.

Сторонники теории рационального выбора исходят из следующих методологических посылок:

Во-первых, методологический индивидуализм, то есть признание того, что социальные и политические структуры, политика и общество в целом вторичны по отношению к индивиду. Именно индивид производит своей деятельностью институты и отношения. Поэтому интересы индивида определяются им самим, так же как и порядок предпочтений.

Во-вторых, эгоизм индивида, то есть его стремление максимизировать собственную выгоду. Это не означает, что человек обязательно будет вести себя как эгоист, но если даже он будет вести себя как альтруист, то этот способ, скорее всего, является для него более выгодным, чем другие. Это относится не только к поведению отдельного индивида, но и к его поведению в группе, когда он не связан особыми личными привязанностями.

Сторонники теории рационального выбора считают, что избиратель решает, прийти ли ему на избирательные участки или нет, в зависимости от того, как он оценивает выгоду от своего голоса, голосует также исходя из рациональных соображений пользы. Он может манипулировать своими политическими установками, если видит, что может не получить выигрыша. Политические партии на выборах также пытаются максимизировать свою выгоду, заручившись поддержкой как можно большего количества избирателей. Депутаты образуют комитеты, руководствуясь необходимостью провести тот или иной законопроект, своих людей в правительство и т.п. Бюрократия в своей деятельности руководствуется стремлением увеличить свою организацию и ее бюджет и т.д.

В третьих, рациональность индивидов, то есть их способности располагать свои предпочтения в соответствии со своей макси-

мальной выгодой. Как писал Э. Дауне, «каждый раз, когда мы говорим о рациональном поведении, мы имеем в виду рациональное поведение, изначально направленное к эгоистическим целям»¹². При этом индивид соотносит ожидаемые результаты и затраты и, стремясь максимизировать результат, пытается одновременно минимизировать затраты. Так как для рационализации поведения и оценки соотношения выгод и затрат требуется обладание значительной информацией, а ее получение связано с повышением общих затрат, то говорят об «ограниченной рациональности» индивида. Эта «ограниченная рациональность» в большей степени связана с самой процедурой принятия решения, нежели с сущностью самого решения.

В-четвертых, обмен деятельностью. Индивиды в обществе действуют не одни, существует взаимозависимость выборов людей. Поведение каждого индивида осуществляется в определенных институциональных условиях, то есть под влиянием действия институтов. Сами эти институциональные условия создаются людьми, но исходным при этом является согласие людей на осуществление обмена деятельностью. В процессе деятельности индивиды скорее не приспосабливаются к институтам, а пытаются их изменить в соответствии со своими интересами. Институты же, в свою очередь, могут изменить порядок предпочтений, но это означает лишь то, что измененный порядок оказался выгодным для политических акторов при данных условиях.

Чаще всего политический процесс в рамках парадигмы рационального выбора описывается либо в виде теории общественного выбора, либо в виде теории игр.

Сторонники теории общественного выбора исходят из того, что и в группе индивид ведет себя эгоистично и рационально. Он не станет добровольно прилагать особые усилия для достижения общих целей, а будет пытаться пользоваться общественными благами бесплатно (феномен «зайца» в общественном транспорте). Это происходит потому, что природа коллективных благ включает в себя такие характеристики, как неисключаемость (то есть никто не может быть отстранен от пользования общественными благами) и неконкурентность (потребление этого блага большим количеством людей не приводит к снижению его полезности).

Сторонники теории игр исходят из того, что политическая борьба за выигрыш, а также универсальность таких качеств политиче-

¹² Downs A. An Economic Theory of Democracy. New York, 1957. P. 28.

ских акторов, как эгоизм и рациональность, делают политический процесс подобным игре с нулевой или ненулевой суммой. Как известно из курса общей политологии, теория игр описывает взаимодействие акторов путем определенного набора сценариев игр. Целью такого анализа является поиск таких условий игры, при которых участники выбирают определенные стратегии поведения, например, выгодные сразу всем участникам¹³.

Недостатки данного методологического подхода заключаются в следующем. Одним из них является недостаточный учет социальных и культурно-исторических факторов, влияющих на поведение индивида. Авторы данного учебного пособия далеки от того, чтобы согласиться с исследователями, считающими, что политическое поведение индивида является во многом функцией социальной структуры или с теми, кто утверждает, что политическое поведение акторов несравнимо в принципе, потому что оно происходит в рамках неповторимых национальных условий и т.п. Однако очевидно, что в модели рационального выбора не учитывается влияние социокультурной среды на предпочтения, мотивацию и стратегию поведения политических акторов, не учитывается влияние специфики политического дискурса.

Другой недостаток связан с допущением сторонниками теории рационального выбора относительно рациональности поведения. Дело не только в том, что индивиды могут вести себя как альтруисты, и не только в том, что они могут обладать ограниченной информацией, несовершенными качествами. Эти нюансы, как было показано выше, объясняются самой теорией рационального выбора. Речь идет, в первую очередь, о том, что часто люди действуют иррационально под влиянием краткосрочных факторов, под влиянием аффекта, руководствуясь, например, сиюминутными порывами.

Как верно отмечает Д. Истон, расширительное толкование рациональности, предложенное сторонниками рассматриваемой теории, ведет к размыванию этого понятия. Более плодотворным для решения задач, которые ставят представители теории рационального выбора, было бы выделение типов политического поведения в зависимости от его мотивации. В частности, от рационального и эгоистического поведения значительно отличается

¹³ О теории игр на русском языке см. подробнее следующие учебные пособия: Голосов Г.В. Сравнительная политология. Новосибирск, 1995. Гл.1; Технология Политической власти: Зарубежный опыт. Киев, 1994. Гл. 8 (2).

«общественно-ориентированное» в интересах «социальной солидарности»¹⁴.

Кроме того, теорию рационального выбора часто критикуют за некоторые технические противоречия, вытекающие из основных положений, а также за ограниченность объяснительных возможностей (например, применимость предложенной ее сторонниками модели партийного соревнования только к странам с двухпартийной системой). Однако значительная часть подобной критики либо проистекает из неправильного токования работ представителей данной теории, либо опровергается самими представителями теории рационального выбора (например, с помощью концепции «ограниченной» рациональности).

Несмотря на отмеченные недостатки, теория рационального выбора обладает рядом достоинств, которые и обуславливают ее большую популярность. Первое несомненное достоинство заключается в том, что здесь используются стандартные методы научного исследования. Аналитик формулирует гипотезы или теоремы на основе общей теории. Методика анализа, применяемая сторонниками теории рационального выбора, предлагает конструирование теорем, включающих альтернативные гипотезы относительно намерений политических субъектов. Потом исследователь подвергает эти гипотезы или теоремы эмпирическому тестированию. Если реальность не опровергает теоремы, эта теорема или гипотеза считается релевантной. Если результаты тестирования неудачны, исследователь делает соответствующие выводы и повторяет процедуру заново. Использование этой методики позволяет исследователю сделать вывод о том, какие действия людей, институциональные структуры и результаты обмена деятельностью будут наиболее вероятными при определенных условиях. Таким образом, теория рационального выбора решает задачу верификации теоретических положений путем тестирования предположений Ученых относительно намерений политических субъектов.

Как справедливо отмечает известный политолог К. фон Бойме, успех теории рационального выбора в политической науке можно в целом объяснить следующими причинами:

1. «неопозитивистские требования к использованию в политической науке дедуктивных методов легче всего удовлетворить при помощи формальных моделей, на использо-

¹⁴ Easton D. The Future of the Postbehavioral Phase in Political Science// Contemporary Empirical Political Theory. Ed. by Monroe K.R. Berkley et al., 1997.

вании которых основывается данный методологический подход;

2. подход с позиций теории рационального выбора может быть применен при анализе любого типа поведения — от поступков самого эгоистичного рационалиста до беспредельно альтруистической деятельности матери Терезы, максимизировавшей стратегию помощи обездоленным;
3. направления политической науки, находящиеся на среднем между микро- и макротеориями уровне, вынуждены признать возможность подхода, основанного на анализе деятельности (политических субъектов — *Е.М., О.Т.*) акторов. Актор в концепции рационального выбора представляет собой конструкцию, позволяющую избежать вопроса о реальном единстве личности;
4. теория рационального выбора способствует использованию качественных и коммулятивных (смешанных — *Е.М., О.Т.*) подходов в политической науке;
5. подход с позиций теории рационального выбора выступил в качестве своего рода противовеса засилью поведенческих исследований в предшествующие десятилетия. Его легко совместить с многоуровневым анализом (особенно при изучении реалий стран Европейского союза) и с ... неоинституционализмом, получившим распространение в 80-е годы»¹⁵.

Теория рационального выбора имеет достаточно широкую область применения. Она используется для анализа поведения избирателей, парламентской деятельности и формирования коалиций, международных отношений и т.д., широко применяется при моделировании политических процессов.

5. Дискурсный подход

Понятие дискурс весьма многозначно. Оно происходит от латинского слова *discursus*, которое буквально означало «разбегание» и получило очень большое количество разнообразных значений. Среди них в средневековой латыни оказались значения *объясне-*

¹⁵ Бойме К. фон. Политическая теория: эмпирическая политическая теория//Политическая наука: новые направления/Под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингемана. М., 1999. С.502.

ние, довод, аргумент, логически стройное рассуждение. В научной литературе — лингвистической и логической прежде всего — слово *дискурс* употребляется как синоним слова *текст*. Причем под *текстом* порой понимается не только специфический продукт речевой деятельности, но и любые явления действительности, имеющие знаковую, семиотическую природу, например фильмы, спектакли, митинги, дебаты и т.п. Для того чтобы некий фрагмент действительности признать *дискурсом*, нужно, чтобы он состоял из элементов-знаков, чтобы они были логически *друг с другом* связаны и образовывали сообщение от кого-то кому-то.

В науке существует множество *определений понятий* «дискурс», «политический дискурс». При их многообразии можно выделить *два основных подхода*.

Первый подход более широкий, и здесь **под дискурсом** понимаются *фрагменты действительности, обладающие временной протяженностью, логикой и представляющие законченное сочинение, сформированное на основе организации смыслов (законченное «произведение», например, в виде текста) с использованием смыслового кода (словаря и т.п.)*.

Представители другого, более узкого подхода *трактуют дискурс как особый вид коммуникации: «Дискурс есть коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и проч. контексте. Это коммуникативное действие может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие»*¹⁶.

Если применить этот подход к анализу социальных и политических явлений, то дискурс будет определять не межперсональный диалог как «речевое событие», а «социальный диалог, происходящий посредством и через общественные институты между индивидами, группами и также и между самими социальными институтами, задействованными в этом *диалоге*»¹⁷.

В целом представители теории дискурса выделяют *два аспекта* этого явления:

1. дискурс-рамка, «порождающая система» (Дж. Поккок, К. Скиннер). Для обозначения этого явления часто используются тер-

¹⁶ Van Dijk T. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London: Sage, 1998. P. 20.

¹⁷ Дука А.В. Политический дискурс оппозиции в современной России//Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 1. С. 14.

мины «язык», «идеология»; именно в этом значении говорят о дискурсе либерализма, консерватизма и т.п.;

2. конкретный дискурс — дискурс-произведение, обладающий определенным сюжетом, например дискурс выборов Президента РФ 2000 г.

В прикладном, «техническом» смысле дискурс обозначает письменное, речевое или образное проявление какого-либо объекта (широкая трактовка дискурса) или коммуникации (узкая трактовка). В этом случае производится анализ речей, текстов, интервью, бесед, дебатов и т.д.

Дискурсный подход — относительно новый в политической науке, хотя и имеет глубокие корни в философской традиции, в том числе в трудах американского философа Чарльза С. Пирса (1839—1914), вычленившего такой аспект взаимодействия людей, как прагматика.

Непосредственными зачинателями дискурсного анализа стали в первые десятилетия XX столетия так называемые русские формалисты, выросшие из фортунатовской школы, прежде всего представители Общества по изучению поэтического языка (ОПО-ЯЗ) и Московского лингвистического кружка, расцвет деятельности которых пришелся на 1920-е гг. Особенно важным для дискурсного подхода стало учение о речевых актах, развитое выдающимся представителем аналитической философии Дж. Остиным. Лекции этого оксфордского профессора, изданные в 1964 г. в виде книги «Как творить дела словами», стали переворотом в науке. Благодаря им было научно обосновано, что вся деятельность людей имеет семиотическую (знаковую) природу.

Ни формалисты, ни аналитические философы не пользовались словом *дискурс*. Одним из первых, вероятно, употребил выражение *анализ дискурса* американский лингвист З. Харрис, опубликовавший статью под таким названием в 1952 г.

С середины 50-х гг. начинается интенсивное использование термина *дискурс* в философии, а позднее — и в других общественных науках, в том числе и в политических. Этому процессу способствовало *углубление интереса к лингвистике и к проблемам языка вообще*.

Этот интерес объясняется двумя группами факторов: внешними для науки (объективные общественные потребности) и внутренними (логика развития самой науки).

Внешние факторы были связаны с расширением сферы языка в общественной, в т.ч. политической жизни. Благодаря развитию

средств массовой информации язык пронизывает все области социальной жизни, становится реальной общественной силой, могущественным инструментом влияния и манипуляции. Кроме того, усиление интереса к языку повлиял характер общественных процессов: переосмысление языковой проблематики, как правило, характерно для периодов социальных потрясений, какими и были 60—70 гг. Социально-политические трансформации обычно сопровождаются изменением отношения различных социальных групп к слову, языку, культуре. Произошедшие перемены требуют осмысления. Традиционные представления не могут объяснить новую реальность, поэтому и возникает необходимость в новом мировоззрении, в новых понятиях и терминологии.

Внутренним фактором явилось накопление новых эмпирических данных, которое способствовало изменению отношения к языку в гуманитарных науках. Традиционно язык рассматривался как продукт культуры, возникающий в ходе освоения реальности; как координатор деятельности, транслятор опыта и знаний между поколениями (язык — объект культуры). Постепенно возникает иное представление, при котором язык выступает не только как продукт, но и условие культуры, ее средство, которое не только подвергается внешнему влиянию, но и оказывает обратное воздействие, формирует и структурирует окружающую среду (язык превращается в субъект культуры).

Основы теории политического дискурса были заложены представителями кембриджской и оксфордской философской школы в 50-е гг. XX в.¹⁸, которые анализировали лингвистический контекст общественной мысли. Первые результаты исследования политического дискурса были опубликованы в серийном издании П. Ласлетт «Философия, политика и общество», начатом в 1956 г. В 70-е гг. термин «дискурсы» начинает широко использоваться в анализе политических процессов. В 80-е гг. возникает центр семиотических исследований, связанный с анализом дискурсов. Он концентрируется вокруг Т. Ван Дейка. Исследователи центра начинают уделять внимание не только содержательным аспектам, но и технике анализа политического дискурса. С этого момента можно говорить о становлении самостоятельного методологического подхода анализа политических процессов.

¹⁸ Этот процесс описывается в работе Дж. Пококка — J. Pocock. *Virtue and History. Essays on Political Thought and History, Chiefly in the Eighteenth Century.* Cambridge etc., 1985. /

Для изучения политического дискурса представители данного методологического направления широко используют методы семиотического анализа (изучение дискурса-рамки), а также риторики и литературоведения (анализ конкретного дискурса-произведения).

Анализ знаковых систем предполагает выделение уровней их сложности. Простейшим уровнем является словарь, образуемый набором знаков. Это уровень семантики. Далее возникает более сложное построение, когда знаки объединяются с помощью кода. Это переход на уровень синтактики. Подъем еще на один уровень связан с включением в сообщение его субъектов с их особыми намерениями и ожиданиями. Это уровень прагматики. Именно данный уровень особенно важен для анализа дискурса.

Одним из наиболее развитых направлений анализа в рамках данного подхода является контекстный анализ политического дискурса, а точнее его отдельных составляющих. В результате такого контекстного анализа выявляются особенности смыслов отдельных составляющих политического дискурса, формирующиеся под воздействием внешних для него факторов (социально-экономических, культурных и политических условий). При этом признается, что дискурс не является простым отражением процессов, происходящих в других областях социального мира, например в экономике. Он объединяет смысловые элементы и практики всех сфер общественной жизни. Для объяснения процесса его конструирования используется концепция артикуляции. Соединяясь, разнородные элементы образуют новую конструкцию, новые смыслы, новую череду смыслов или дискурс. Например, лейбористское правительство, пришедшее к власти в Англии в 1950-х гг., выстроило свою программу, используя различные идеологические компоненты: государство всеобщего благосостояния, обещания всеобщей занятости, кейнсианская модель управления, национализация определенных индустрий, поддержка предпринимательства, холодная война. Эта стратегия была не просто выражением интересов определенных социальных слоев общества, ответом на изменения в экономике; она явилась результатом объединения различных политических, идеологических и экономических моделей, в результате чего был сконструирован новый дискурс.

Обращение при анализе дискурса-произведения к достижениям риторики и литературоведения предполагает, в первую очередь, использование методов, связанных с анализом сюжета. Здесь существуют хорошо зарекомендовавшие себя схемы и

модели, которые позволяют представить отдельные политические события и процессы (митинг, избирательный процесс и т.п.) как дискурс со своим сюжетом, смыслами и прочими параметрами и спрогнозировать его развитие. Большое внимание уделяется исследованию альтернативных сюжетов на основе одной исходной модели, а также изучению сюжетов с открытыми концами. Эта техника и позволяет получить хорошие результаты при анализе политического процесса как динамической характеристики политики.

Практическое применение теории дискурса можно продемонстрировать на примере анализа тетчеризма (С. Холл). Проект тетчеризма состоял из двух, во многом взаимоисключающих друг друга сфер идей и теорий: это элементы неolibеральной идеологии (артикулировались концепты «личные интересы», «монетаризм», «конкуренция») и элементы консервативной идеологии («нация», «семья», «долг», «авторитет», «власть», «традиции»). Он был основан на соединении политики свободного рынка и сильного государства. Вокруг термина «коллективизм», который не укладывался в рамки этого проекта, идеологами тетчеризма была выстроена целая цепь ассоциаций, которая привела к возникновению социального неприятия этого понятия. Коллективизм в массовом сознании стал ассоциироваться с социализмом, застоём, неэффективным управлением, властью не государства, а профсоюзов в ущерб государственным интересам. Итогом этой политики стало внедрение представлений, что социальные институты, выстроенные в соответствии с идеологией «коллективизм», несут ответственность за кризисное состояние экономики и затянувшийся застой в обществе. Тетчеризм стал ассоциироваться с индивидуальными свободами и личным предпринимательством, моральным и политическим омоложением британского общества, восстановлением закона и порядка.

Одним из направлений анализа политического дискурса является постмодернистский подход. О постмодернизме в дискурсивном анализе нельзя не упомянуть в силу того, что данное направление получает все более широкое распространение в социальных науках, в том числе и в политологии и считается одним из «модных» направлений социального и политического анализа. Остановимся кратко на его характеристике.

При анализе политического дискурса постмодернисты исходят из следующих посылок. Они отрицают возможность существования единого и разделяемого всеми образа реальности, который

можно точно изучить и объяснить. Окружающий мир создается верованиями и поведением людей. По мере распространения идей люди начинают верить в них и действовать в соответствии с ними. Будучи закрепленными в определенных правилах, нормах, институтах и механизмах социального контроля, эти идеи тем самым создают реальность.

Большинство представителей данного направления полагают, что смыслы необходимо искать не в окружающем внешнем мире, а только в языке, который является механизмом создания и транслирования индивидуальных представлений. Поэтому исследование языка объявляется главной задачей науки. Провозглашается необходимость понять, каким образом происходит формирование и конструирование объектов реальности; единственным путем достижения этой цели считается интерпретация языка посредством текста. При этом язык часто рассматривается как ключевой субъект, формирующий представление людей об окружающем мире.

Как считают представители постмодернистского направления, для понимания дискурса достаточно проанализировать только сам текст. При этом игнорируются условия его написания, его история, личность, знания, способности автора и т.п. То есть смыслы и значения, содержащиеся в тексте, принадлежат не контексту, не автору, не читателю, не истории, а только самому тексту. Большинство постмодернистов считает, что любой читающий текст способен предлагать его достоверную интерпретацию, достоверность интерпретации зависит исключительно от субъективного восприятия. Как справедливо отмечает Д. Истон, «данная перспектива уничтожает и объективность, и субъективность; текст говорит сам за себя, диалог идет не между людьми, не между автором и читателем»¹⁹.

Некоторые постмодернисты, полагая, что все значения и смыслы находятся в тексте, утверждают, что за пределами языка никакой реальности не существует. Таким образом, отвергается существование внешней для исследователя основы, на которой может базироваться научное знание.

Несмотря на то что такая позиция, казалось бы, применима только к языку, многие постмодернисты используют ее для анали-

¹⁹ Easton D. The Future of the Postbehavioral Phase in Political Science // Contemporary Empirical Political Theory. Ed. by Monroe K.R. Berkley et al., 1997, P.35.

за поведения. Они считают, что человеческое поведение «сконструировано» как текст; мы «читаем» поведение также, как и предложение. Поведение содержит значение в себе и о себе. При этом намерения актора не влияют на значение его поведения, так же как и намерения автора не относятся к тексту. Обстоятельства, под влиянием которых осуществляется действие, также не принимают во внимание. Отсутствует анализ социально-экономического контекста, мотивации, культурных ориентаций, социальной структуры и других объясняющих поведение переменных. Таким образом, возможности для аутентичного «прочтения» действия в рамках постмодернизма также оказываются несовершенными, как и возможности «чтения» текстов.

Таким образом, в рамках постмодернизма отсутствует полноценный анализ политического дискурса, поскольку анализу подвергаются лишь получаемые исследователями его субъективные смыслы. В этом отношении показательно, что в рамках постмодернизма даже не дается определения понятия дискурс, хотя сам термин используется достаточно широко. В целом постмодернистский подход к анализу политического дискурса нельзя признать особенно плодотворным, хотя несомненно то, что в рамках данного направления анализируется немало фактического материала, обращение к которому представляет несомненный интерес для дальнейших исследований.

Вопросы для самоконтроля

1. От чего зависит выбор исследователем методологии научного анализа?
2. В чем заключалась специфика исследовательского процесса, протекающего в рамках «классического» институционализма?
3. Каким образом бихевиоралисты предлагали реализовывать принципы научности и объективности в исследовательском процессе?
4. В чем заключаются основные достоинства структурно-функционального подхода к анализу политических процессов?
5. Каким путем сторонники теории рационального выбора пытаются преодолеть недостатки других методологических подходов?
6. Какие уровни дискурса выделяются и в чем заключается специфика их анализа?

Литература для самостоятельного изучения

1. Бьюкенен Д., Таллок Г. Расчет согласия. Логические основания конституционной демократии//Д. Бьюкенен. Сочинения. Т.1. М., 1997.
2. Бэрри Б. Политическая теория: вчера и сегодня//Политическая наука: новые направления. Под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингемана. М., 1999.
3. Грин Д.П., Шапиро И. Объяснение политики с позиции теории рационального выбора: почему так мало удалось узнать?//Политс. 1994. №3.
4. Голосов Г.В. Сравнительная политология. Новосибирск, 1995.
5. Грофман Б. Теория Даунса и перспективы развития политэкономии//Политическая наука: новые направления. Под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингемана. М., 1999.
6. Истон Д. Политическая наука в соединенных Штатах: прошлое и настоящее//Современная сравнительная политология/Хрестоматия. Под ред. Г.В. Голосова, Л.А. Галкиной. М., 1997.
7. Истон Д. Категории системного анализа политики//Антология мировой политической мысли/Отв. ред. Т.А. Алексеева. М., 1997.
8. Олсон М. Логика коллективного действия. М., 1995.
9. Ордещук П. Эволюция политической теории Запада и проблемы институционального дизайна//Вопросы философии. 1994. № 3.
10. Питере Б.Г. Политические институты: вчера и сегодня//Политическая наука: новые направления/Под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингемана. М., 1999.
11. Политическая наука на рубеже веков. Проблемно-тематический сборник/Отв. ред. Л.Н. Верченнов. М., 2000.
12. Рациональный выбор в политике и управлении/Под ред. Л.В. Сморгунова. СПб., 1998.
13. Easton D. The Future of the Postbehavioral Phase in Political Science//Contemporary Empirical Political Theory. Ed. by Monroe K.R. Berkley et al., 1997.
14. Farr J. Remembering the Revolution: Behavioralism in American Political Science//Political Science in History: Research Programms and Political Traditions. Ed. by Farr J., Dryzek J.S., Leonard S.T. Cambridge, 1995.
15. Howarth D. Discourse Theory//Theory and Methods in Political Science. Ed. by Marsh D., Stoker G. Houndmills et al., 1995.
16. Orren K., Skowronek S. Order and Time in institutional study: A Brief for the Historical Approach//Political Science in History: Research Programms and Political Traditions. Ed. by Farr J., Dryzek J.S., Leonard S.T. Cambridge, 1995.
17. Rhoder R.A. The Institutional Approach//Theory and Methods in Political Science. Ed. by Marsh D., Stoker G. Houndmills et al., 1995.
18. Riker W.H. The Ferment of the 1950s and the Development of Rational Choice Theory//Contemporary Empirical Political Theory. Ed. by Manroe K.R. Berkley et al., 1997.
19. Sanders D. Behavioral Analysis//Theory and Methods in Political Science. Ed. by Marsh D., Stoker G. Houndmills et al., 1995.
20. Ward H. Rational Choice Theory//Theory and Methods in Political Science. Ed. by Marsh D., Stoker G. Houndmills et al., 1995.

Глава 3

Методы анализа политических процессов

Вопросы

1. Методы сбора данных.
2. Методы анализа данных.

Эмпирические исследования политических процессов получили импульс в 1920-х гг. в США под влиянием политической практики, которая потребовала проверенных знаний в таких сферах, как оценка возможностей отдельных партий и кандидатов на выборах, оценка эффективности политической пропаганды и т.п. Сегодня эти исследования не только служат политической практике, но и широко используются для решения задач фундаментальной науки. Особенно часто эти методы находят применение в рамках социологического подхода к анализу политических процессов, например при изучении политического поведения.

Помимо политического поведения, политические социологи широко применяют эмпирические методы для исследования других параметров политического процесса: его субъектов, условия протекания и т.д. В частности, эти методы используются при изучении различных аспектов существования политических партий, общественного мнения, политической культуры, политической коммуникации и СМИ, международных отношений и т.д.

Эти проблемы волнуют современных исследователей социологических аспектов политических процессов в наибольшей степени, поэтому и уровень их разработки наиболее высок.

1 Методы сбора данных

При изучении политических процессов для сбора информации используется весь методический арсенал социологической науки: анализ документов, наблюдение, опрос, эксперимент, социометрические и другие методы. Они детально описаны в социологической литературе, поэтому мы не будем останавливаться на их подробном рассмотрении, а попытаемся понять, в каких случаях тот или иной метод наиболее адекватен целям исследования политических процессов.

Анкетные опросы и интервью — наиболее распространенный инструмент сбора информации при изучении электорального поведения, общественного мнения или ценностных ориентации. Исследования подобного рода часто называют *зондажом общественного мнения*. Основным принципом использования опросных методов является применение выборочной модели, на основе анализа которой можно сделать выводы о господствующих настроениях всего населения.

Широкое распространение эти методы получили в 1930-е гг. благодаря деятельности Дж. Гэллага. По мнению экспертов, проведенное им в 1932 г. исследование явилось фактически первым в истории примером научного политического анализа с применением результатов опроса. Тогда Дж. Гэллаг предсказал победу своей тещи Олы Бэбкок Миллер в борьбе на выборах в администрацию штата Айова. Дж. Гэллаг привлек к себе повышенное внимание прессы и общественности в 1936 г., когда за 5 месяцев до выборов президента США спрогнозировал победу Ф. Рузвельта в противовес прогнозу журнала «Литерари Дайджест». Мало кому известный аналитик выступил с критикой популярного издания за неверную процедуру отбора респондентов. Дальнейшее развитие событий полностью подтвердило прогноз Дж. Гэллага, сделанный им на основе собственного выборочного исследования, в ходе которого было разослано всего 3000 почтовых карточек. Этот успех и вся фабула событий вокруг выборов сделали Дж. Гэллага фигурой общенационального масштаба. Его фамилия стала известной в каждом доме, а успешное прогнозирование исхода президентских выборов доказало преимущество нового подхода к изучению электорального поведения. И это, в свою очередь, стало отправной точкой для кардинального пересмотра существовавшей в ту пору практики проведения социологических опросов населения.

Предвыборный зондаж, кроме решения такой практической задачи, как подготовка прогноза предстоящих выборов на основе замера настроений респондентов, дает ценный материал для научного анализа факторов, влияющих на формирование электорального поведения избирателей. Он осуществляется путем изучения зависимостей между социологическими и психологическими характеристиками избирателей и их реальным поведением при выборе того или иного кандидата или партии.

Социологические опросы широко применяются и в целях исследования других аспектов политического процесса, таких как особенности политической культуры, легитимность политической системы и ее отдельных институтов, отношение населения к проводимому политическому курсу и т.п.

В современной практике весьма часто используют такую разновидность опроса, как **интервьюирование**. Этот метод, как и другие, имеет свои достоинства и недостатки. По мнению Дж. Мангейма и Р. Рича, «очное интервью одновременно является одним из худших и одним из лучших методов сбора информации, доступных исследователю»¹.

Достоинства интервьюирования очевидны. В анкетном опросе исследователь раздает или рассылает респондентам бланки с просьбой ответить на поставленные вопросы. Однако он не может быть уверенным в том, что все они будут заполнены правильно, кроме того, нет никакой гарантии, что они вообще вернутся заполненными. При очном интервью ситуация иная. Интервьюер со слов респондента сам заполняет бланки интервьюирования. Таким образом, во-первых, исключается возможность передачи анкеты для заполнения другому лицу, которое нарушит выборку, во-вторых, интервьюер контролирует ситуацию, что позволяет избежать влияния третьих лиц на ответы опрашиваемого, в-третьих, при необходимости интервьюер может корректно приблизить вопросы анкеты к возможностям отвечающего.

Наиболее существенный недостаток этого метода связан с тем, что в ситуации интервьюирования возникают обстоятельства, провоцирующие респондента на реакции, которые могут препятствовать процессу коммуникации. Раздражение респондента способны вызвать внешний облик или манера поведения интервьюера, формулировки вопросов или сама обстановка, в которой проводится интервью... А в результате велика вероятность появления

¹ Мангейм Дж.Б., Рич Р.К. Политология. Методы исследования. М., 1997.

информационных «помех», имеющих отношение не столько к реальному миру, сколько к самому процессу опроса.

В зависимости от целей и задач исследования стратегия проведения интервью может варьироваться по степени формализации: от стандартного выборочного интервьюирования до направленного и специализированного.

При проведении *стандартного выборочного интервью* респонденты рассматриваются как представители генеральной совокупности. Общение интервьюера и респондента строго регламентировано детально разработанным вопросником, и отклонение от него не допускается. Целью такого опроса является получение информации, которая может быть использована для количественного сравнения ответов респондентов, что позволит далее обобщить ответы для генеральной совокупности в целом.

При *направленном (фокусированном) интервью* респондент требует особого подхода в той мере, в какой предполагает та уникальная информация, находящаяся в его расположении. При направленном интервью чаще всего нет заранее разработанного жесткого вопросника, а есть лишь общий план беседы, на который опирается интервьюер. Направленное интервью проводится в тех случаях, когда для решения исследовательской задачи необходимо получить ответы на вопросы у определенного круга или типа людей. Оно способно предоставить исследователю информацию, которая наиболее существенна для понимания природы или значения некоего явления и которую иным путем не добыть. При направленном интервью в опросе участвуют не случайно отобранные респонденты, а представители особых групп — элит. Например, исследователь вправе строить гипотезы о мотивах, о логике и о значимости принятия того или иного политического решения, но истинную картину можно увидеть только выяснив мнение самих участников этого процесса. Однако, используя направленное интервью, следует учитывать, что существует опасность получения недостоверной информации, так как каждый источник неизбежно субъективен. Тщеславие, желание скрыть личную или корпоративную заинтересованность в развитии событий в определенном направлении, недоверие к интервьюеру и т.п. — все это может отразиться на характере полученной информации. Поэтому необходимо помнить, что информация, исходящая от людей, которые знают ситуацию изнутри, не может заменить трезвого теоретического осмысления этого предмета путем наложения собственных аналитических и концептуальных данных на собранные при обследовании.

При некоторых типах исследований ученые нуждаются в информации, полученной не от уникальных в своем роде респондентов и не от респондентов, представляющих население в целом, а от типичных представителей какой-то достаточно узкой социальной группы. Это вызывает необходимость провести *специализированное интервью*. Опрос детей, неграмотных взрослых, заключенных, бродяг из трущобных районов, душевнобольных, рабочих-иммигрантов и т.п. — все это примеры специализированных интервью. Такой опрос отличается от выборочного целым рядом черт. Во-первых, при специализированном опросе случается, что исследователь и респондент говорят на разных языках. Во-вторых, исследователь не вправе ожидать от респондента умения читать, рассуждать или следить за развитием чужой аргументации. В таких условиях общение может быть сильно затруднено, может снижаться и надежность ответов. Поэтому данный вид опроса предполагает предварительное постепенное налаживание контакта с респондентами.

Примером необходимости налаживания подобного контакта может служить опрос школьников по проблемам политического развития страны. Здесь исследователь должен объяснить респондентам основные понятия темы и лишь затем приступить к самому опросу. Кроме основных вопросов следует задать и контрольные ответы с тем, чтобы удостовериться, что понимание достигнуто. Подобное интервью может быть очень богатым источником информации для исследователя. Однако, чтобы быть эффективным, оно требует от исследователя почти артистических навыков.

Метод контент-анализа ориентирован на проведение объективного, измеряемого и проверяемого исследования содержания политических сообщений. В рамках этого метода предполагается, что на основе знания о содержании сообщений исследователь может делать выводы о намерениях коммуникатора или возможных эффектах сообщения. Таким образом, предполагается, что смысл сообщения относительно просто может быть восстановлен из него самого. Основная посылка данного метода состоит в том, что количественные характеристики текста являются его важными параметрами, позволяющими делать те или иные выводы. Показательно, что в рамках контент-анализа не делается различий по степени значимости между исследуемыми единицами — в центре внимания лишь частота их появления.

В политике метод контент-анализа широко используется при исследовании электорального поведения организованных групп,

например политических партий. Источником получения информации могут быть как официальные документы (публикации, протоколы заседаний комитетов, собраний и т.д.), так и личные (дневники, письма). Кроме того, данный метод позволяет анализировать деятельность отдельного политика, например, изучая его публичные выступления.

Очень широко метод контент-анализа используется при исследовании материалов политической коммуникации. Этот метод позволяет определить степень соответствия сообщения намерениям коммуникатора и специфике канала, изучить связи между характеристиками сообщения и установками аудитории, а также ее реальным и коммуникативным поведением. Используя этот метод, можно ответить, например, на следующие вопросы. Какие качества кандидата наиболее часто упоминались в материалах, опубликованных в конкретном издании? Каким в передачах того или иного телеканала предстает совокупный образ сторон, вовлеченных в политический конфликт? В чем состоят отличия в освещении забастовочного движения в материалах центральных и региональных изданий и т.д.?²

Лабораторные эксперименты имеют ограниченное применение в социальных науках, где достаточно трудно строить экспериментальные модели путем отделения исследуемого процесса или явления от внешних воздействий. Ученые, изучающие политические процессы, обычно не имеют возможности проводить строгие научные эксперименты и в большинстве своем вынуждены отказываться от применения данного метода. Однако в отдельных случаях возможно включение экспериментального элемента в исследовательский процесс с помощью следующих приемов:

- * вариация самого вопросника;
- * проигрывание различных сценариев развития события или процесса;
- * проверка реакций на политическую пропаганду;
- * манипулирование информацией путем увеличения ее доступности для небольших групп жителей.

Яркими примерами использования данного метода при изучении политических процессов являются исследования воздействия материалов средств массовой информации на аудиторию.

² Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований (Библиотека серии «Специализированные курсы в социологическом образовании»). — М., 1999.

В отечественной практике первой экспериментальной проверкой гипотезы о влиянии сообщений СМИ на массовое политическое сознание и электоральное поведение россиян стало исследование, осуществленное в ноябре-декабре 1999 г. исследовательской группой ЦИРКОН. В рамках данного проекта была проведена серия социально-психологических экспериментов в Томске, Воронеже и Салехарде. Ситуация информационного воздействия была смоделирована так, что в каждом городе были набраны по три специальные группы респондентов (по 25—27 человек). Участники первой группы приняли на себя обязательства в течение эксперимента ежедневно смотреть конкретную телепрограмму или читать указанную газету. Участники второй группы обязались отказаться от просмотра (или чтения) на все время проекта. Третья группа была контрольной: никаких обязательств на ее участников не налагалось. Таким образом, в рамках исследования была смоделирована ситуация максимально возможного и минимально возможного потребления информации, транслируемой конкретными СМИ. Чтобы выяснить, как изменяются политические предпочтения участников эксперимента, по ходу исследования проводились три контрольных опроса. Предпосылкой к проведению исследования явилось желание непосредственно проверить справедливость широко распространенного мнения о том, что СМИ «подталкивают» граждан к голосованию за определенных кандидатов. Мы не будем подробно останавливаться на описании полученных выводов. Отметим лишь, что результаты эксперимента подтвердили влияние материалов СМИ на предпочтения избирателей, а также способность СМИ побудить к голосованию за отдельных кандидатов. Вместе с тем эффект влияния на уровне более глубоких отношений и размышлений избирателя зафиксирован не был³.

4. Методы анализа данных

Сбор и анализ данных — это своеобразный диалог между миром людей, институтов, процессов и исследователями. Предпосылками выбора того или иного метода анализа являются характер самих данных, тот теоретический подход, в рамках которого работа-

³ Влияние региональных СМИ на политическое сознание избирателей (Краткая справка по результатам исследования). — Исследовательская группа «Циркон», Автономная некоммерческая организация «Интерныйс», 15.02.2000. — Рукопись.

ет исследователь при их сборе («статистический» или «гуманитарный»).

В несколько упрощенной форме эти два подхода можно представить следующим образом.

Статистический подход.

В рамках этого подхода исследователь исходит из посылки, что массовые явления имеют статистический характер, то есть если изучить достаточно большое количество проявлений изучаемого социального явления, то само явление будет познано. Индивид в этом случае выступает как представитель некоторой общности, носитель информации о социальном феномене. Индивиды взаимозаменяемы, и их индивидуальные особенности как таковые не представляют особого интереса.

Здесь необходимо провести разделение между *первичными* и *вторичными данными*. К данным первичного типа относят те, что были получены непосредственно самим исследователем, тогда как вторичные данные являются результатом обработки данных исследований, сделанных в прошлом. Самым важным аргументом против использования вторичных данных является то, что они ограничивают свободу и возможности ученого, поскольку они были получены для целей другого исследования. Действительно, для исследователя, работающего с вторичными данными очень трудно выйти за рамки той системы, которая была сконструирована до него и для которой эти данные были собраны и обработаны. Однако иногда вторичные данные имеют значительные преимущества перед первичными: доступность и низкую цену. В ряде случаев у исследователя не может быть иной альтернативы, кроме как использовать именно вторичные данные. Например, мы не можем разработать вопросник по отношению граждан к Карибскому кризису и отправиться с ним в 1962 г., непосредственно наблюдать за коллизией Пражской весны 1968 г., зафиксировать живую реакцию современников этих событий. Однако мы можем проанализировать данные прошлых лет. В этих случаях основным источником получения вторичных данных для нас будут отчеты органов государственной статистики, результаты проводившихся опросов общественного мнения, например данные службы Гэллапа в США, Евробарометра в Европе, ВЦИОМ в России и т.д. Источником такой информации могут выступать даже публикации в газетах.

Решив, какого типа данные — первичные или вторичные будут — использованы в исследовании, и собрав эти данные, уче-

ный может перейти непосредственно к процессу анализа. Анализируя полученные данные, исследователь пытается ответить на вопросы: «Что это такое?», «Почему это происходит?», «Как много этого?» и т.д. Для получения ответов на эти и другие вопросы необходимо построить некую модель, в которой будут отражены взаимоотношения и взаимосвязи между изучаемыми явлениями, процессами и объектами. Рассмотрим далее, какие именно модели могут быть построены для исследования политических процессов.

Одномерная модель. Это самая простая модель с одной переменной. Целью ее построения является получение ответа на относительно простые вопросы: «Сколько?» и «Что это?». Например, сколько избирателей проголосовало за данную партию? Что представляет собой электорат определенного кандидата? Ответы на эти вопросы дают одномерное распределение значений признака. Для изучения такой переменной, как электоральный выбор, достаточно подсчитать количество проголосовавших за ту или иную партию или кандидата и представить эти значения в виде процентного распределения. Это же относится и к переменным, измеренным по номинальным шкалам («К какой религии Вы себя относите?», «Укажите свою профессию» и т.д.). Обычно, если мы измеряем переменную по количественной или интервальной шкале, знания одномерного распределения значений признака бывает недостаточно, тем более что возможностей анализа для таких переменных несравненно больше, чем для номинальных. Исследователя интересуют некоторые меры, которые на языке математической статистики называются мерами центральных тенденций. К ним относятся среднее или типичное значение признака, а также меры разброса значений признака вокруг их средней величины. Например, анализ дохода может включать расчет среднего дохода и процентного значения людей, имеющих доход выше и ниже средней величины.

Бинарная модель. Суть данной модели заключается в предположении, что две переменные А и В связаны между собой. Таким образом, можно построить несколько моделей: А является причиной В, В является причиной А, А и В взаимовлияют друг на друга, А и В находятся под влиянием третьей переменной. Во всех этих случаях используются следующие методы анализа: таблица взаимной сопряженности признаков, корреляционный анализ.

Таблица взаимной сопряженности признаков строится для изучения взаимосвязей между переменными.

Таблица 1.

Электораты избирательных объединений по итогам выборов в Думу в 1999 г. (%)⁴

Возраст, лет	КПРФ	«Медведь»	ОВР	СПС	ЛДПР	«Яблоко»
18—35	11,9	36,0	24,7	62,2	51,0	24,0
36—50	25,7	33,0	30,7	35,4	28,0	39,0
Старше 50	62,4	31,0	44,6	24,4	21,0	37,0
Всего %	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Данная таблица, например, устанавливает связь между возрастом и голосованием за партии на выборах в Государственную Думу в 1999 г. Таблица построена таким образом, чтобы можно было проследить разницу в возрастной структуре электората различных партий.

На первый взгляд, очевидна следующая тенденция: молодые избиратели чаще, чем представители других возрастных групп, голосуют за партии демократической направленности, а пожилые — за партии левого толка. Однако подобный вывод не может служить прямым статистическим подтверждением выдвигаемых исследователем гипотез. Эти прикидки «на глазок» в лучшем случае грубы. В более сложных ситуациях такой анализ часто ненадежен. Установить степень соответствия гипотезы с данными помогает такой статистический метод, как корреляционный анализ, направленный на измерение и изучение взаимосвязей между двумя переменными.

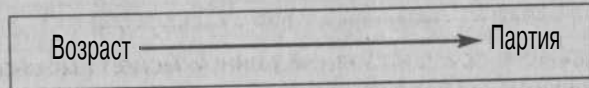
Методы корреляционного анализа позволяют дать ответ на весьма важные вопросы, возникающие при изучении взаимосвязей между переменными. Например, влияют ли и если влияют, то до какой степени, изменения значений одной переменной (независимой переменной) на изменения значений другой (зависимой переменной)? Какова форма и направленность выявленной связи? Является ли выявленная связь характеристикой всей совокупности, а не только выборки?

В результате можно построить несколько объяснительных схем.

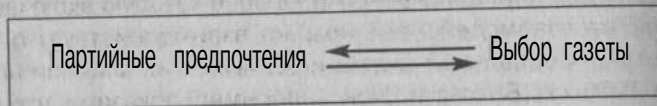
- 1 • Например, при анализе взаимосвязи между возрастом и выбором партии разумно предположить, что возраст может

⁴ Выборы-99: Послесловие//Поле мнений. Дайджест результатов исследования. Фонд «Общественное мнение». Вып. 1. С. 28—32.

влиять на выбор партии, тогда как выбор партии не может повлиять на возраст. Фиксируемая в этой модели связь называется односторонней.

2. Две переменные (выбор газеты и партийные предпочтения), могут находиться в отношениях взаимовлияния друг на друга. Это пример так называемой «петли причинности», которая относится к довольно трудному случаю анализа. Такая связь в статистике называется симметричной.

Исследователь не может достоверно установить, повлиял ли выбор газеты на формирование партийных предпочтений или уже устоявшиеся партийные предпочтения заставили людей выбрать определенные газеты.

3. Возможен и такой случай, когда две переменные находятся под влиянием третьей, неизвестной переменной. Однако эта связь уже выходит за рамки бинарного анализа и становится предметом множественного анализа.

Множественный анализ. При включении в систему трех и более переменных величин исследователь может обогатить анализ построением таких моделей как регрессионная, интерактивная, путевая и многофакторная.

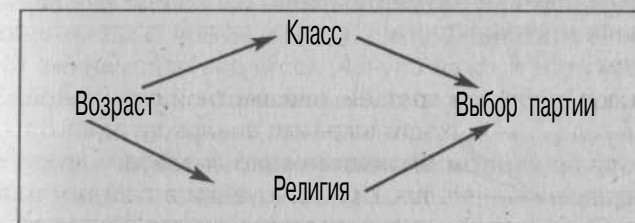
Базовое положение регрессионной модели состоит в том, что две или более переменные, называемые «независимыми», оказывают совокупное влияние на «зависимую» переменную. Более того, регрессионная модель позволяет отделить влияние каждой независимой переменной друг от друга и определить силу этого влияния. Допустим, мы хотим узнать, какие переменные влияют на выбор партии. Для этого необходимо построить модель, включающую ряд независимых переменных. Например, на выбор партии могут влиять принадлежность к социальной группе и религия.

Таким образом, при построении данной модели можно оперировать следующим регрессионным уравнением:

$$\text{Выбор партии} = \text{Социальная группа} + \text{Религия}.$$

Однако показатели «социальная группа» и «религия» могут находиться под влиянием другой переменной, например возраста. Тогда исследователю необходимо обратиться к процедуре контролирования или *интерактивной модели*, в которую включается целая цепочка *взаимодействий*: возраст взаимодействует с принадлежностью к социальной группе и религии в их влиянии на выбор партии. В 60-х гг. Батлер и Стоке, например, показали, что в младших возрастных когортах принадлежность к социальной группе оказывается более значимой, чем в других возрастных категориях, а религия — в старших.

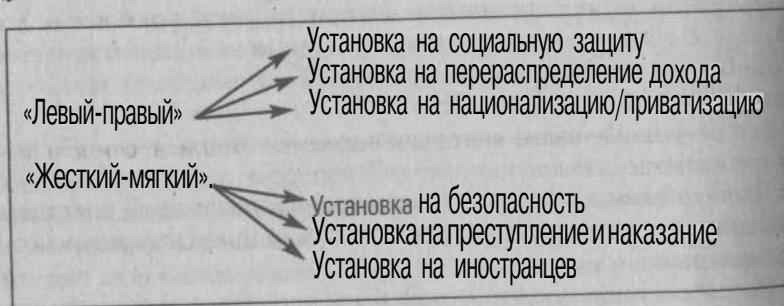
Данные такого рода могут быть проанализированы благодаря Добавлению к стандартной регрессионной модели процедуры контролирования.

Регрессионная модель может быть полезна для проверки различных исследовательских гипотез, но на практике и она зачастую не отражает всю сложность объективного мира, всю цепочку причин и взаимосвязей. В этом случае используют модели *путевого анализа*, или *пат-анализа*, который выстраивает цепочку прямых и непрямых воздействий одной переменной на другую. Рассмотрим в качестве примера психологическую идентификацию с партией и одобрение ее политики. Очевидно, что одобрение политики партии повышает общую партийную идентификацию.

цию, но вполне возможен и обратный случай. У большинства людей (здесь имеется в виду ситуация, характерная для развитых либеральных демократий) приверженность к партии формируется задолго до того, как они поймут и осознают ее политическую платформу. Таким образом, наблюдается некий поток противоположных взаимодействий, направление которых бывает трудно определить. Тем не менее это можно сделать с помощью путевого анализа, эмпирическим путем выстраивающим цепочку причинности.

Еще один метод, применяемый в рамках множественного анализа, — это *многофакторный анализ*. Суть многофакторного анализа состоит в ответе на вопрос, не находится ли система переменных, связанных между собой, в зависимости от двух (или более двух) базовых скрытых факторов. Следовательно, целью многофакторного анализа является обнаружение скрытых факторов. Традиционно в политических исследованиях выделяется несколько скрытых факторов, или, как их еще называют, расколов, лежащих в основе многих явлений и процессов, например раскол на «левых» и «правых» по отношению к политическим установкам, а также противоречия, структурирующиеся по осям «жесткий—мягкий» и «либеральный—авторитарный».

Применяя многофакторный анализ, можно построить следующую модель:

Построенная модель выделяет только два фактора и соответственно две группы переменных, испытывающих на себе их прямое воздействие. В реальной ситуации, конечно, возможно существование большего числа значимых факторов. Включение или исключение переменных из подгрупп необходимо производить исходя из так называемого веса фактора, то есть его влияния на деленную группу переменных.

Анализ временных рядов. Многие социальные и политические процессы и события случаются не единожды, а повторяются. Протекание многих политических процессов может быть растянуто на годы, десятилетия и даже столетия. Исследования, изучающие такие процессы и события, называют *трендовыми*, или панельными. Основным методом в этом случае выступает анализ временных рядов. Временные ряды — это комплекс наблюдений, в которых одна и та же переменная измеряется повторно через определенные интервалы. В политических исследованиях анализ временных рядов чаще всего применяется для прогнозирования поддержки партий (особенно правительственных). При этом исследователи исходят из комбинации различных факторов, например экономических условий (безработица, инфляция, уровень жизни и т.п.) и кризисных событий (вооруженные конфликты, забастовки, правительственные и парламентские кризисы и др.).

Модель, соответствующая целям анализа временных рядов, выглядит следующим образом:

Основной метод, применяемый при анализе временных рядов, — это построение регрессионного уравнения, где в качестве независимых переменных выступают *показатели*, измеренные на разных временных этапах.

Все описанные выше методы и варианты анализа, относящиеся к так называемой статистической парадигме, получили широкое распространение в исследованиях политических процессов благодаря двум большим достижениям, которые внесли революционные изменения в исследования политических процессов. Первое относится к проведению выборочных исследований для предсказания результатов выборов в США. Начиная с 1824 г. и до 1936 г. исследования проводились в русле определенной традиции, когда в опросах участвовало достаточно большое число респондентов. Дж. Гэллагх нарушил эту традицию. Итогом стало, во-первых, слом монополии правительства на количественную информацию и, во-вторых, резкое снижение затрат при сборе исходных политических данных. Отныне статистика перестала быть «официальной». Второе Достижение относится к 50-м гг., когда стало возможным ис-

пользование компьютерных технологий для статистического анализа данных.

Эти изменения коснулись, в первую очередь, исследований, связанных с изучением поведения, установок и мнений граждан. В результате произошедших перемен произошло значительное расширение объекта и предмета политических исследований. Если раньше ученые изучали в основном политические институты и высшую политическую элиту с помощью относительно примитивных количественных методов, то теперь, благодаря использованию новых технологий сбора и анализа данных, политическая наука обогатилась исследованиями массового политического поведения граждан и элиты среднего уровня⁵.

Гуманитарный подход.

Сторонники этого подхода считают, что с помощью жестко формализованных методов анализа нельзя заглянуть в глубину явлений и процессов. Индивид неповторим. Он — не проявление явления, а само явление. Политические акторы рассматриваются как сознательные существа, формирующие политический мир так же, как и он формирует их. Поэтому наиболее адекватными для изучения политических процессов являются так называемые качественные методы, используя которые исследователь ищет ответы на вопросы «Что это? Зачем это? Откуда это? Каковы причины этого?»

Выделение статистического и гуманитарного подходов основано на существовании в научном мире двух точек зрения относительно изучения реальности — позитивизма и релятивизма. Использование количественных методов базируется на позитивистских традициях. Эти традиции предполагают изучение политических процессов на основе эмпирических наблюдений и проверяемой теории. Именно поэтому позитивисты уделяют столь значительное внимание операционализации теоретических концептов, то есть переводу теоретических понятий в наблюдаемые и измеряемые индикаторы.

Критики позитивизма доказывают, что внешней реальности не существует. Есть только социально конструируемая реальность, в которой сознательные индивиды сами интерпретируют свое поведение и поведение других, наделяют свои действия субъективными смыслами. В этом процессе люди не являются пассивными элементами, а выступают как активные действующие лица в оцен-

⁵ Miller W.L. Quantitative Methods // Theory and Methods in Political Science. Eds. by Marsh B., Stoker G. N.Y., 1995.

ке смысла своих и чужих действий. Они формируют мир так же, как и он формирует их. Это означает, что объяснение мира в целом и политических процессов в частности должно исходить из описания и понимания людей как сознательных и социальных акторов. Их мотивации, опыт и субъективные интерпретации — важные составляющие компоненты причинной цепочки событий. Задачи подобного анализа решаются при помощи качественных методов.

Качественные методы — это общее название широкого спектра техник сбора и анализа информации, таких как включенное наблюдение (открытое и скрытое), интенсивное интервьюирование (глубинные индивидуальное и групповые интервью) и т.д.

Качественные методы играют большую, хотя и не всегда признаваемую роль в исследовании политических процессов. Эти методы применимы в тех случаях, когда целью исследования является изучение субъективного опыта людей и тех смыслов, которые они вкладывают в свои действия. Интенсивное интервьюирование, например, позволяет людям свободно выражать свое мнение на том языке, на котором они привыкли ежедневно общаться, предлагать собственные интерпретации событий. Свободное протекание общения позволяет понять логику аргументов и ту цепочку ассоциаций, которые привели участников к определенному типу поведения. Объяснение событий включает понимание и интерпретацию, а не описание общих законов массового поведения. Наконец, качественные методы привлекают определенное внимание к контекстуальным аспектам событий, помещая установки и поведение респондентов в контекст их индивидуальной биографии и более широкого социального окружения. Таким образом, качественные методы привлекают внимание к смыслам, процессу и контексту протекания событий.

Традиционно качественные методы применяются при изучении процесса вовлечения в политику, способов формирования элит, иерархической структуры, властных отношений, смыслов и сюжета политического процесса. Интенсивные интервью, например, проводятся с активистами групп давления, для изучения политических сообществ. Внутренняя политика партий также часто изучается с помощью интервьюирования партийных функционеров и членов представительных органов власти. Качественные методы находят довольно широкое применение при изучении политики муниципальных органов власти в Британии и США. В меньшей степени качественные методы используются в исследованиях, касающихся

центрального правительства, причиной чему, скорее всего, является большая закрытость «высокой» политики.

Сферой, в которой качественные методы практически отсутствуют, является область электоральных исследований. Здесь основным методом получения информации являются национальные выборочные опросы, дополняемые в последнее время панельными опросами, проводимыми после выборов. Однако и в эту сферу стали проникать качественные методы, использование которых подкрепляется тем аргументом, что электоральные исследования, проводимые на основе использования количественных методов, не обогащают наши знания пониманием мотивов и факторов политического поведения.

Статистический и гуманитарный подходы часто противопоставляют друг другу. Приверженцы качественных методов критикуют сторонников статистического подхода, выдвигая целый набор замечаний, претензий и даже обвинений. Исследователям, которые отдают предпочтение количественным методам, ставится в вину то, что они уделяют слишком большое внимание статистическим процедурам. При этом якобы остается в стороне понимание сущности изучаемых явлений и процессов, причинной цепочки событий.

Утверждается также, что сторонники количественных методов неверно представляют предмет своего исследования. Элементарная ошибка в конструировании выборки может повлечь за собой ошибки сбора и искажения выводов. Например, исследователи общественного мнения в России зачастую обращаются только к европейским русским. Правительственная, или так называемая официальная статистика, на которую опираются исследователи, может исказить реальную ситуацию. Респонденты могут говорить неправду, чтобы скрыть свое смущение, не высказывать социально неодобряемое мнение или суждение.

Сторонников количественных методов упрекают также в слишком узкой сфокусированности на предмете исследования, сравнивают эти методы ярким фонарем, который темной ночью высвечивает лишь незначительную часть действительности. Этот аргумент иллюстрируется, в частности, вопросниками с фиксированным веером возможных ответов, которые могут, по мнению критиков, существенно ограничить респондентов в праве высказать собственное мнение. Следовательно, при «жестких», формализованных опросах нельзя проникнуть в тонкую материю мотивов и смыслов поведения и действий опрашиваемых.

В свою очередь, и качественные методы подвергаются критике, разумеется, со стороны приверженцев количественных методов. За исходные и истинные утверждения предлагается принять следующее. Количественные методы являются репрезентативными и верифицируемыми. Статистический анализ превращает исследовательские выводы в нечто, не подвергающееся сомнению. Результаты, полученные по итогам одного исследования, могут распространяться на большие совокупности явлений с большой долей определенности. И, наконец, количественные исследования дают «твердые» научные доказательства. В то же время считается, что качественные методы обладают серьезными недостатками, среди которых отмечаются следующие. Во-первых, нерепрезентативность выборки, сформированной для исследования. Во-вторых, возможность искажения мнения опрашиваемого из-за тесного контакта с ним интервьюера. В-третьих, сложность анализа и интерпретации полученной информации, вытекающая из субъективного характера самих данных. В-четвертых, невозможность создания на базе собранных данных обобщающей теории. Соответственно, качественные исследования являются нетипичными. Выводы, полученные при их использовании, считаются частичными и подкрепленными лишь впечатлениями. В целом работы этого направления нельзя относить к строго научным.

В этом споре не может быть победителя. Следует признать, что и качественные и количественные методы имеют свои ограничения. Поэтому самый важный вывод, вытекающий из рассмотрения двух концепций, заключается в том, что выбор подходов или баланс их сочетания должен обуславливаться целями исследования, исследовательскими задачами, исследовательской ситуацией. Это означает, что необходимо иметь в виду следующее. Так как статистический и гуманитарный подходы предполагают использование различных методов сбора и интерпретации информации, то применять их надо к различным типам исходных данных, а корректный конечный результат можно получить только при корректной постановке задачи.

Монополией на истину не обладают ни сторонники количественных методов, ни их оппоненты из лагеря приверженцев гуманитарных подходов. Грубейшей ошибкой будет возведение в абсолют любого подхода, претендующего на универсальность. Мир слишком сложен и многомерен, чтобы его можно было познать, пользуясь только одним, пусть даже очень тонким и совершенным инструментом, и мастерство исследователя состоит в овладении и

в умении творчески применять весь инструментарий, наработанный научным сообществом.

Вопросы для самоконтроля

1. Какие основные общенаучные методы применяются для анализа социологических аспектов политических процессов?
2. Какие методы сбора информации используются при анализе политических процессов?
3. В чем заключается разница между статистическим и гуманитарным подходом к анализу данных?
4. Какие методы анализа используются при бинарных моделях взаимодействия изучаемых явлений и процессов?
5. В чем заключаются недостатки статистических методов анализа?
6. В чем заключаются особенности применения методов анализа, используемых в рамках гуманитарного подхода?

Литература для самостоятельного изучения

1. Вятр Е. Социология политических отношений. М., 1979.
2. Мангейм Дж.Б., Рич Р.К. Политология. Методы исследования. М., 1997.
3. Татарова Г.Т. Методология анализа данных в социологии (Введение). Учебник для вузов. М., 1999.
4. Devine F. Qualitative Methods in Theory and Methods in Political Science. Ed. by D.Marsh and G.Stoker. St.Martin's Press, N.Y., 1995.
5. Miller W.L. Quantitative Methods in Theory and Methods in Political Science. Ed. by D.Marsh and G.Stoker. N.Y. St.Martin's Press, 1995.

Глава 4 Социальная стратификация и политическая элита

Вопросы

1. Динамика социальной стратификации и ее влияние на политический процесс.
2. Проблемы изучения политической элиты.
3. Особенности политической элиты России и других посткоммунистических стран.

1. Динамика социальной стратификации и ее влияние на политический процесс

Одним из основных подходов к природе и содержанию политики и политического является социальная концепция политики, согласно которой политика и политическое имеют социально-групповую природу. Именно социальная дифференциация, складывание социально-групповых интересов явились основой для возникновения публичной власти и ее институтов (в том числе государства), призванных, с одной стороны, способствовать реализации этих интересов, а с другой — управлять их взаимоотношениями и поддерживать целостность сообщества. Политический процесс с точки зрения этого подхода — процесс взаимодействия интересов социальных групп (например, в виде классового конфликта) или/и смена состояний политической системы, обусловленная уровнем и характером политизации социального организма (вспомним одно из определений политического процесса, приведенное нами в главе 1).

Не призывая полностью следовать за представителями данного подхода, все же отметим, что взаимоотношения социально-групповых интересов играют большую, а порой и определяющую роль в политическом процессе. Например, содержание и результаты законодательного процесса могут во многом зависеть от деятельности групп интересов, объединяющих в себе представителей какой-либо социальной группы (или нескольких социальных групп). Другой пример — изменение под влиянием динамики социальной дифференциации последних десятилетий характера политических партий (трансформация политических партий в партии универсального типа, возникновение партий «новой волны» и т.д. — об этом см. главу 5), а также характера партийного соревнования. В качестве примера можно также отметить появление новых тенденций в поведении избирателей под влиянием социальных сдвигов (см. главу 9). Все это свидетельствует о том, что анализ особенностей социальной стратификации и ее динамики, а также выявление зависимостей между социальной структурой и политическими явлениями (акторами, действиями акторов и т.п.) является важной частью исследования политического процесса.

Особенно значимым при этом является понимание современных изменений социальной структуры, связанных с переходом общества в постиндустриальную стадию развития. Учет этих изменений необходим, в первую очередь, для анализа развития институтов политического представительства, сложившихся в период развития индустриального общества, а также для выявления особенностей современных индивидуальных и коллективных акторов политического процесса (от индивида до государства).

В период индустриального общества, социальная структура которого была в целом верно описана марксистами¹, сформировались институты политического представительства (партии, законодательные органы власти и т.д.) социально-групповых интересов. Эти институты были во многом предназначены для защиты и реализации интересов определенных классов или более мелких групповых образований. Их особенности, а также само их наличие в основном отражали основные социальные расколы, характерные для индустриального общества. В частности, многие социал-демократические партии Западной Европы, возникшие на волне рабочего движения, были предназначены для

¹ Речь идет о делении общества на большие социальные группы (классы), различающиеся, в первую очередь, по своему отношению к средствам производства буржуазия и пролетариат (основные классы, существование которых обуславливается господствующей системой собственности и производственных отношений), мелкая буржуазия и крестьянство (неосновные классы) и т.д.

представительства и реализации интересов рабочего класса. Некоторые из этих партий до сих пор сохранили в своем названии упоминание той социальной группы, для выражения интересов которой они и создавались, например СДРПШ (социал-демократическая рабочая партия Швеции).

Начиная примерно с 60-х гг. XX в. в социальной структуре западных стран происходят заметные изменения, которые сказываются на характере институтов политического представительства. Сокращение сферы материального производства по сравнению со сферой нематериального производства, кризис традиционных отраслей промышленности наряду с развитием высоких технологий и третичного сектора экономики, потребности рынка в новой рабочей силе (как правило, высококвалифицированной), внедрение новых форм занятости (предполагающих не коллективные, а индивидуальные трудовые соглашения) оказали значительное влияние на характер и динамику социальной стратификации.

В качестве основных тенденций эволюции социальной структуры можно выделить следующие:

1. распад традиционных социальных групп (рабочий класс, мелкая буржуазия, крестьянство и т.д.);
2. дальнейшая социальная дифференциация, образование новых социальных групп и возникновение сложной, мозаичной социальной структуры;
3. изменение критериев социальной стратификации и появление новых средних и высших слоев общества;
4. возрастание социальной и географической мобильности и изменение образа жизни, большая открытость социального пространства;
5. кризис традиционной социальной идентификации и индивидуализация социального протеста.

Увеличение доли наемных работников при сокращении доли рабочего класса (то есть лиц преимущественно физического труда, занятых преимущественно в индустриальной сфере) было замечено еще в 60-х гг. Именно тогда в среде исследователей стали говорить о «закате пролетариата». Вместе с тем речь следует вести не только о значительном сокращении доли рабочего класса, но и дифференциации, происходящей в его среде, а также об изменении его социальных характеристик.

Ученые отмечают, что в настоящее время многие виды труда требуют, при всей их рутинности, значительной подготовки, а работники, занятые таким трудом, по своему профессиональному уровню и жизненным стандартам могут быть отнесены к средним слоям населения. Кро-

ме того, отличительной чертой многих представителей данной социальной группы является участие трудящихся в акционерном капитале своих предприятий, а в некоторых случаях и в процессе управления.

Наряду с этой группой «рабочих» существует и другая категория — неквалифицированные и низкоквалифицированные работники, потребность в которых остается и по сей день. По своим характеристикам они также не подпадают под традиционное понятие пролетариата. Их интеллектуальный потенциал оказался обесценен современной технической организацией труда. Они лишены определенной классовой принадлежности и находятся под постоянной угрозой потерять работу. Эту категорию трудящихся А. Горц называл «неклассом нерабочих» или «неопролетариатом».

Исследователи также отмечают сокращение доли других традиционных социальных групп (например, крупной и мелкой буржуазии, крестьянства), а также распад локальных сообществ. Этот распад, в первую очередь, происходит под влиянием возрастающей географической мобильности.

Возникающие многочисленные социальные группы «нового среднего класса» (речь идет именно о многочисленности социальных групп в силу аморфного характера понятия «новый средний класс») включают в себя высококвалифицированных специалистов, занятых, в первую очередь, в высокотехнологичных отраслях (то есть представителей той социальной группы, которая получила в зарубежной литературе название «кадры»). Кроме того, по жизненным стандартам, а часто и по характеру труда к этой социальной группе можно отнести некоторых представителей традиционных средних слоев населения, таких как преподаватели, врачи, адвокаты и т.п.

К новым высшим слоям населения исследования 60—80-х гг. относили тех людей, которые концентрировали знания и информацию о производственном процессе, развитии общества в целом, а также участвовали в принятии управленческих решений («высшие кадры», менеджеры и проч.). Они получили название технократы (Д. Белл, Дж. Гелбрейт, Э. Тоффлер, А. Турен и др.). Господствующие позиции в обществе технократов («нового высшего класса») основываются уже не на собственности на «видимые вещи», такие как земля, фабрики, капитал и т.п., а на знаниях и информации, которые тоже могут рассматриваться как своеобразный капитал. Влияние данной социальной группы обуславливается, в первую очередь, доминирующим положением в социальной иерархии, сложившейся в различных областях человеческой деятельности. Хотя принадлежность к этой группе определяется, в первую очередь, научной компетентностью, а «новый высший

класс» считается более открытым, чем традиционные высшие слои общества, не всякий человек может попасть в эту страту в силу переплетенности различных социальных институтов.

В 90-х гг. концепция «нового высшего класса» получила свое дальнейшее развитие в рамках теории «постэкономического общества». В рамках этой теории «новый высший класс» описывается следующим образом: «мы видим новую доминирующую социальную группу, обладающую контролем за информацией и знаниями, стремительно превращающимися в основной ресурс производства... Представители господствующего класса во все большей мере руководствуются мотивами нематериалистического типа: во-первых, потому, что их материальные потребности удовлетворены в такой степени, что потребление становится одной из форм самореализации; во-вторых, потому, что пополняющие его творческие работники стремятся не столько достичь материального благосостояния, сколько самоутвердиться в качестве уникальных личностей... В новых условиях господствующий класс не только, как прежде, владеет средствами производства, либо невозпроизводимыми по своей природе (земля), либо созданными трудом подавленного класса (капитал) на основе сложившихся принципов общественной организации, но сам создает эти средства производства, обеспечивая процесс самовозрастания информационных ценностей»².

Одна из тенденций социального развития западных стран, наблюдавшихся примерно до 80-х гг., — тенденция сокращения социального неравенства и разрыва уровня жизни различных слоев населения, характерная для экономического общества. В настоящее время наблюдается противоположная тенденция: усиление дифференциации доходов и социальной поляризации.

В целом не подтверждаются выводы некоторых исследователей, сделанные ими в 70—80-х гг. о стирании социальных различий и сглаживании социальных противоречий. Вероятно, речь следует вести о формировании нового социального раскола наряду с существованием старых социальных противоречий. Новый социальный раскол формируется между «новым высшим классом» и низшим классом: «С одной стороны, это высший класс постиндустриального (формирующегося постэкономического) общества, представители которого происходят, как правило, из образованных и обеспеченных семей, сами отличаются высоким уровнем образованности, являются носителями постматериальных ценностей, заняты в высокотехнологичных отрас-

² Иноземцев В. Расколота цивилизация. М., 1999. С. 553—554.

лях хозяйства, имеют в собственности или свободно распоряжаются необходимыми им условиями производства и при этом либо являются руководителями промышленных или сервисных компаний, либо занимают высокие посты в корпоративной и государственной иерархии. С другой стороны, это низший класс нового общества, представители которого происходят в большинстве своем из среды рабочего класса или неквалифицированных иммигрантов, не отличаются высокой образованностью и не рассматривают образование в качестве значимой ценности, движимы главным образом материальными мотивами, заняты в массовом производстве или примитивных отраслях сферы услуг, а зачастую являются временно или постоянно безработными³. Необходимо отметить, что эти две группы не являются социально однородными образованиями; они включают в себя множество разнообразных социальных подгрупп, отличающихся друг от друга некоторыми социальными характеристиками. Не представляет собой целостного образования, как отмечалось выше, и средний класс.

Среди ученых нет единого мнения относительно интерпретации более диверсифицированной и мозаичной социальной структуры современного общества. Одни из них считают, что социально-классовая принадлежность продолжает играть существенную роль. Однако при этом отмечается значительное изменение характеристик социально-классовой принадлежности. В частности, в качестве таких отмечаются уровень образования, обладание информацией и т.п. Другие считают, что социальная структура в современном обществе основывается не только на принадлежности к определенной социальной группе на основе социально-статусных характеристик, напрямую свидетельствующих об обладании какими-либо ценностями. Социальная дифференциация, по их мнению, осуществляется также на основе социально-психологических и социально-культурных различий.

В последние десятилетия появился ряд работ, авторы которых пытаются объяснить социальные позиции стилем жизни и выделяют на этой основе различные социокультурные группы. Ярким примером такой позиции является типология социостилей французского исследователя Б. Катля, положившего в основу своей типологии различия в условиях жизни и системах ценностей, определяющих, по его мнению, социальный выбор. В каждый из выделенных пяти типов социально-культурного менталитета автор включает представителей

³ Там же. С. 467.

различных социально-статусных групп. Именно стиль жизни, сочетание социальных и ценностных факторов определяет, по мнению Б. Катля, политические предпочтения избирателей и характер их политического поведения⁴.

Эволюция социальной структуры породила значительные изменения в массовом сознании, характере политического поведения и особенностях институтов политического участия. Характерные особенности этих изменений рассматриваются в соответствующих главах пособия. Мы же пока отметим, что среди этих изменений наиболее существенными с точки зрения параметров политического процесса являются следующие:

1. формирование новых черт политической элиты и стиля ее политической деятельности;
2. индивидуализация и рационализация социального протеста и политического поведения (см. главу 8), влекущая за собой кризис традиционных механизмов и институтов политического представительства, имевших ранее устойчивую социальную базу (например, партий — см. главу 5), а также всей системы партийно-политического представительства;
3. появление нового ценностного раскола, характерного для постиндустриальной фазы общественного развития и влияния этого раскола на политические разногласия (см. главу 7);
4. изменение значения для индивидуальных акторов уровней политического процесса, в частности усиление значимости местного уровня при снижении значимости общенационального уровня.

Для социальной структуры посткоммунистических обществ также характерна значительная динамика, оказывающая существенное влияние на массовое сознание, политическое поведение и участие. Среди основных тенденций можно выделить следующие:

1. значительное социальное расслоение и образование «новых богатых» и «новых бедных» (таблица 2);
2. несформированность «среднего класса»;
3. значительное перераспределение занятости по отраслям экономики;
4. высокая социальная мобильность и нестабильность социальной структуры в целом;
5. массовая маргинализация.

⁴ Cathlat B. Styles de vie//Mermet C. Francoscopie: Les Français: qui sont-ils? Ou1 vont-ils? P., 1986

Таблица 2,
Удельный вес различных групп населения
в суммарном денежном доходе России (в %)⁵

Группа	1992	1995
Первая группа (с наименьшим доходом)	6,0	5,5
Вторая группа	11,6	10,2
Третья группа	17,6	15,0
Четвертая группа	26,5	22,4
Пятая группа (с наивысшим доходом)	38,3	46,9

Как отмечают некоторые исследователи, основным критерием статусности в России и во многих других посткоммунистических странах является в настоящее время (и, вероятно, будет являться в ближайшем будущем) обладание капиталом или уровень дохода.

Новые параметры социальной структуры, характерные для постиндустриального и постэкономического обществ, лишь начинают вырисовываться. Это обуславливает то, что трансформация социальной структуры в посткоммунистических странах оказывает другое, отличное от западных стран влияние на политический процесс:

1. Нестабильность социальной структуры затрудняет процесс агрегирования и артикуляции групповых интересов и формирование институтов политического представительства;
2. Происходящая социальная поляризация способствует поляризации политических акторов;
3. Отсутствие сложившегося «среднего класса» затрудняет процесс формирования центристских политических сил и неблагоприятно сказывается на перспективах демократического развития;
4. Массовая маргинализация способствует усилению позиций радикальных политических партий и организаций;
5. Особая роль материальных критериев статусности свидетельствует о значительном преобладании в посткоммунистических странах ценностных расколов, характерных для индустриальных обществ, а также обуславливает значительное влияние

⁵ В таблице используется квинтильный показатель структуры доходов, который предполагает распределение населения по объему доходов на пять численно равных групп с последующим исчислением удельного веса суммарного дохода, приходящегося на каждую из групп.

представителей экономической элиты на процесс принятия политических решений.

2. проблемы изучения политической элиты

Одним из критериев социальной стратификации, отмеченным в свое время еще М. Вебером, является обладание властью. Многие ученые на основе данного критерия выделяют две большие социальные группы: те, кто обладает политической властью, и те, кто властью не обладает. Эти группы называют по-разному. Как известно из курса по основам политологии, одним из самых распространенных терминов, используемых для обозначения группы, обладающей властью, является термин элита (применительно к политической сфере — политическая элита).

Изучение политической элиты, пожалуй, одно из самых популярных занятий зарубежных и отечественных политологов. Последние десять лет демонстрируют резкое возрастание интереса российских исследователей к сюжетам, связанным с функционированием политической элиты. В большинстве научных сборников, журналов, на многих конференциях и семинарах представлены исследовательские материалы, посвященные им. Появились даже специальные термины, предназначенные, видимо, для обозначения определенной области знания: «элитология», «элитоведение». Однако, несмотря на большой интерес к данной теме, следует признать, что в этой области существует больше вопросов, чем ответов.

Одна из проблем, с которой сталкивается исследователь политической элиты, — определение критериев принадлежности к этой группе. Основная причина этого кроется в отсутствии четкого общепризнанного определения политической элиты. Данная особенность присуща как зарубежной, так и российской политической науке.

Для многих отечественных исследователей характерно стремление к конкретизации этого понятия, при этом политическая элита определяется путем перечисления групп, в нее входящих, или обозначением такой группы другим термином. Это зачастую приводит к терминологической путанице. Так, например, политическая элита отождествляется с бюрократией⁶, номенклатурой⁷ или

⁶ См., например: Афанасьев М.Н. Правящие элиты и государственность посттоталитарной России. М., 1996.

⁷ См., например: Барзилов С.И., Чернышев А.Г. Провинция: элит, номенклатура, интеллигенция // Свободная мысль. 1996. № 1.

только с исполнительной и законодательной властью и партиями⁸.

Другие исследователи, напротив, трактуют данное понятие достаточно широко. Как правило, в этих определениях описываются функции политической элиты, но умалчивается о том, кто входит в элиту. Это объясняется тем, что политическая элита включает в себя не только публичных политиков, облеченных формальной властью, но и лиц, не занимающих высоких позиций, но влияющих на принятие политических решений. Таким образом, политическая элита определяется как группа лиц, непосредственно участвующих в выработке, принятии политических решений и их реализации или оказывающих влияние на этот процесс⁹.

Второй подход представляется более оправданным, так как он основывается на выявлении функциональной роли определяемой группы в политике. При этом отмечается, что структура элиты является рыхлой, ее границы нечетки и размыты, в результате чего различные элитные группы взаимопроникают друг в друга. Таким образом, признается, что в состав политической элиты может входить, например, какой-нибудь крупный бизнесмен, формально не занимающий политических постов, но оказывающий активное влияние на принятие политических решений.

Вместе с тем за рамками данного подхода остаются собственно социологические показатели принадлежности к политической элите (положение в обществе, род занятий и проч.). Чаще всего исследователи отмечают довольно размытые критерии, с помощью которых элита определяется как «высший привилегированный слой общества», «социальный слой, обладающий таким положением в обществе и такими качествами, которые позволяют ему управлять обществом либо оказывать существенное воздействие на процесс управления...»¹⁰ и т.п. Однако некоторые исследователи отмечают и более конкретные критерии, которые тем не менее также нуждаются в последующем уточнении: занятие ключевых позиций во влиятельных экономических, поли-

⁸ См., например: Гаман О.В. Региональные элиты современной России как субъекты политического процесса // Вестник Московского университета. Сер. «Социология и политология». 1995, № 4.

⁹ См., например: Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995, № 1; Курприянычева Э.Б. Особенности политической элиты Самарской области // Политология. № 3 и др.

¹⁰ Российская элита: Опыт социологического анализа / Под ред. К. Микильского. Часть 1. М., 1995.

тиче ских и социальных структурах, общие интересы и их осознание, поддержание постоянных контактов друг с другом.

Большинство из предлагаемых критериев следует признать не совершенными не только в силу их размытости. Некоторые из этих критериев не соответствуют природе самого предмета. В частности, большое сомнение вызывает такой критерий, как привилегированность политической элиты. Очевидно, что никто никакими привилегиями политическую элиту «заранее» не наделяет, политическая элита складывается не в результате обладания какими-то привилегиями. Напротив, привилегированные (то есть обладающие какими-то привилегиями) группы общества очень часто не могут быть отнесены к политической элите. Нельзя, например, отнести к ней представителей монашеских орденов или средневековых университетов.

Важным критерием принадлежности к политической элите является ее происхождение в результате отбора, который осуществляется на основе каких-либо ресурсов или качеств (социальных, личностных и проч.). При этом следует отметить, что смысловое содержание понятия «элита», вкладываемое в него современными исследователями, отличается от первоначального значения этого слова. Термин «элита» в настоящее время не обозначает «лучшее». Однако смысловая нафузка этого термина предполагает, что представители элиты обладают теми или иными качествами или ресурсами в наибольшей степени по сравнению с другими группами.

В связи с этим значительный интерес представляет теория социального капитала П. Бурдьё, в которой достаточно подробно анализируются типы конвертируемого капитала (властные ресурсы), позволяющие войти в политическую элиту. В качестве элиты Бурдьё рассматривает «доминирующий» (занимающий ключевые позиции) класс, который включает в себя тех, кто имеет возможность распоряжаться большинством общественных ресурсов, то есть тех, кто владеет различными типами капитала, высоко оценивающимися в данном обществе (под капиталом понимаются социальные, культурные, экономические и символические ресурсы). «Доминирующий» класс определяет «ставку» обмена между типами капиталов и утверждает вид ресурсов, на котором основывается его легитимность.

Проблема конвертируемости различных видов капитала становится особенно актуальной в переходный период, когда «ставки» на капитал меняются и, следовательно, может произойти смена механизма рекрутирования элит, может измениться качественный состав элиты. В силу этого, теория П. Бурдьё представляет особый интерес для изу-

чения политических элит стран, переживающих период трансформации режима.

Признавая несомненную ценность данной теории следует, однако, отметить, что такой фактор, как обладание разного вида капиталом, ресурсами не может рассматриваться как показатель в строгом смысле слова. Он нуждается в дальнейшей конкретизации и уточнении.

Вторая важная проблема, с которой сталкиваются ученые — это формулирование собственно научной проблемы исследования. В рамках отечественной «элитологии» можно выделить два основных направления, сторонники которых по-разному трактуют предмет исследования, связанный с политическими элитами. Представители первого направления пытаются определить место политических элит в социальной структуре, проанализировать их состав, выявить механизмы рекрутирования¹¹. Исследователи, придерживающиеся второй точки зрения, в качестве цели своего анализа выбирают влияние политической элиты на процессы трансформации российского общества. Особое место в этих работах занимает выявление мотивации и особенностей политического сознания представителей элиты¹².

Более адекватным для анализа политического процесса представляется применение синтезированного подхода, в рамках которого состав элит, механизмы их рекрутирования изучались бы как факторы, влияющие на роль элит в политической жизни. Следует, однако, отметить, что состав, механизм рекрутирования, а также особенности сознания в совокупности не представляют собой исчерпывающий перечень факторов, определяющих роль элит в политическом процессе. С нашей точки зрения, одним из важных параметров анализа должны выступать особенности политической системы и режима, представляющие собой систему координат для деятельности политической элиты.

Третьей проблемой является выбор методов исследования. Она заключается в том, что выработать эффективный инструмент эмпирического исследования, позволяющий адекватно оценить границы политической элиты, а также ее роль в политическом процессе, достаточно сложно.

Обычно исследователи используют три основных «классических» методических подхода: функциональный, позиционный, и деятельно-

¹¹ См., например: Ершова Н. Трансформация правящей элиты в условиях социального перелома//Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. Под ред. Т. Заславской, Л. Арутюнян. Часть 1. М., 1994; Крыштановская О.В. Указ. соч., и др.

¹² См., например: Дискин И. Россия: социальная трансформация элиты и тивация// Куда идет Россия?...; Российская элита... и др.

ый подходы. Каждый из этих подходов в отдельности позволяет решить исследовательские задачи лишь частично, а их комплексное использование бывает порой затруднено различными объективными обстоятельствами.

Первый подход предполагает выявление и анализ формальных позиций, занимаемых тем или иным представителем политической элиты во властной иерархии и тех функций, которые должны ими выполняться. Основным методом, применяемый при таком подходе — анализ документов (биографий, указов, инструкций, законов, в которых определяются основные полномочия тех или иных политиков). Преимущество данного метода заключается в том, что он — наиболее дешевый и доступный. Его основным недостатком является то, что с помощью него невозможно выявить фактическое влияние отдельных представителей и групп политической элиты на процесс принятия политических решений.

Позиционный подход предполагает анализ фактических возможностей влияния того или иного политика на процесс принятия и реализации решений на основе имеющихся у него ресурсов. Основным методом, который применяется в рамках этого подхода, — экспертный опрос, в ходе которого оценивается такой интегральный показатель, как влияние представителей политической элиты на процесс принятия решений. Достоинства этого метода очевидны: он позволяет выявить неформальные аспекты такого влияния, а также более точно определить внутриэлитную конфигурацию. Недостатком этого метода является его субъективность (у экспертов может быть свое, отличное от действительности представление о действительном влиянии того или иного политика и т.п.).

Деятельностный подход предполагает изучение влияния представителей политической элиты (в том числе и тех, кого невозможно было бы отнести к политической элите только по критерию статуса или должности) на основе анализа результатов и процесса деятельности, в том числе внутриэлитных взаимодействий. Основным методом, используемым при данном подходе, является анализ Документов (например, стенограмм заседания соответствующего органа власти) и наблюдение. Достоинством данных методов является то, что они позволяют оценить фактическое влияние отдельных представителей элиты на процесс принятия политических решений. Однако эти методы не получают широкого распространения в силу того, что процесс принятия политических решений носит в подчас закрытый характер, доступ к документам является весьма ограниченным.

3. Особенности политической элиты России и других посткоммунистических стран

Каковы же особенности современной российской элиты и политической элиты других посткоммунистических стран? Каково их социальное и политическое «лицо»?

Для ответа на эти и другие вопросы, связанные с функционированием политической элиты, обратимся к процессу изменений политической элиты в результате социальной и политической трансформации в посткоммунистических обществах в целом. Несмотря на то что опыт различных стран демонстрирует возможность разных путей трансформации элит, во многом определивших ее особенности впоследствии, можно выделить ряд общих черт, присущих всем посткоммунистическим государствам.

Во-первых, изменения в политической системе в этих странах, как правило, сопровождается усилением роли исполнительной власти, которая во многом определяет правила игры (в первую очередь, в вопросе перераспределения материальных и социальных ресурсов). Это факт обуславливает усиление влияния представителей исполнительной власти, а также тесное переплетение и взаимовлияние политических и экономических элит (об этой тенденции свидетельствуют, например, результаты различных экспертных опросов по выявлению иерархии ведущих политиков России).

Во-вторых, в силу отсутствия устоявшихся структур и норм, регламентирующих поведение политических акторов и их взаимоотношения, политическая элита этих государств отличается большей свободой действий, а в ее деятельности усиливается значение неформальных факторов (личных связей и др.) и неформальных процедур и практик (например, закулисных интриг).

В-третьих, переходный характер политического развития определяет тот факт, что для посткоммунистических обществ характерна коренная циркуляция элит, повышенная внутренняя мобильность и обострение внутриэлитного соперничества.

Можно выделить две группы посткоммунистических стран, для которых характерен различный механизм смены политических элит, во многом определивших их нынешнее своеобразие.

Первая группа включает в себя государства, где в результате произошедших перемен произошло значительное обновление политической элиты (например, бывшая ГДР, Венгрия, Чехия). С течением времени эти элиты продемонстрировали отсутствие достаточной

прагматизма. На смену им в результате выборов пришли представители партий-наследниц коммунистических, прагматически ориентированные выходцы из «старой» политической элиты. В целом для той группы стран характерна более существенная динамика состава политической элиты, более зримый размах ее обновления в дальнейшем.

Для другой группы государств (Болгария, Югославия и др.) характерно лишь незначительное обновление элиты. Здесь на место бывших лидеров пришли представители среднего звена номенклатуры коммунистических времен. Для этих стран характерна низкая динамика состава политической элиты, перспективы ее значительного обновления в дальнейшем весьма ограничены.

Россия относится скорее ко второй группе посткоммунистических стран. В связи с этим некоторые исследователи даже высказывают мнение, что российская политическая элита не претерпела каких-либо существенных изменений. В частности, Я. МакАлистер и С. Уайт пришли к выводу, что в России наблюдается воспроизведение «предыдущих правящих элит, определяемых как правящая номенклатура. Крах советского коммунизма и империи, которая его создала, не произвели альтернативной политической элиты»¹³. Современные элиты России имеют аналогичные формы привилегий, сходные социальные источники и тип рекрутирования, иначе говоря, очевидно воспроизведение прошлых групповых интересов.

Данная точка зрения представляется несколько преувеличенной. Тем не менее она содержит значительное рациональное зерно. Проведенные исследования действительно свидетельствуют, что для нынешней российской политической элиты характерна достаточно высокая степень преемственности по отношению к политической элите советских времен, примерно на две-три нынешняя элита состоит из представителей старой номенклатуры. Особенно высока их доля в составе региональных элит, а также федеральных исполнительных органов власти. Этот процент существенно ниже среди руководителей новых политических партий, общественных движений и т.п. (таблица 3)¹⁴.

¹³ Цит. по: Lane D. Ruling Elite in Transformation: Nomenklatura or Political Class? Paper prepared for workshop on "Elites and New Rules of the Games at Budapest University of Economic Sciences, 25—27 April 1997. P. 2.

¹⁴ См., например: Крыштановская О.В. Указ. соч.; Ершова Н. Указ. соч.

Таблица 3.

Состав российской политической элиты высшего уровня, сер. 90-х гг.
(в % к общей численности элитной группы)¹⁵

	Всего из советской номенклатуры	Из партийной	Из комсо- мольской	Из советской	Из хозяйст- венной	Из другой
Окружение президента	75	21,2	0	63,6	9,1	6,1
Лидеры партий	57,1	65	5	25	5	0
Региональная элита	82,3	18,7	1,8	79,5	0	0
Правительство	74,3	0	0	26,9	42,3	30,8

Интересной представляется точка зрения российского социолога О.Г. Мясникова, который считает, что «социальный» лифт и приток интеллигенции создали иллюзию обновления элиты¹⁶. Он выделяет следующие группы, вступившие в конкурентную борьбу за открывшиеся вакансии в новой элите:

1. интеллигенция;
2. приверженцы демократических ценностей, люди, пострадавшие от прежнего режима (репрессированные, диссиденты);
3. интеллектуалы из партийной элиты, которые, имея доступ к средствам массовой информации, могли нанести ощутимые удары по официальной идеологии;
4. демократически, реформистски, рыночно ориентированные представители хозяйственной элиты;
5. прагматики во всех звеньях властных и управленческих структур;
6. аутсайдеры-карьеристы из самых различных властных и управленческих структур, стремившиеся использовать демократическое движение как социальный «лифт».

Ядро новой элиты, по мнению О. Мясникова, составили представители последних трех групп, что в целом отражает реальную картину.

Встает вопрос: какое значение имеет происхождение нынешней политической элиты России для политического процесса? Ответ на него далеко не так однозначен, как может показаться на первый взгляд. С одной стороны, как показывают результаты исследований,

¹⁵ Сост. по: Известия. 1996. 10 янв.

¹⁶ Мясников О.В. Смена правящих элит: консолидация или вечная схватка//Политика, 1993, № 1. С.58.

представители бывшей номенклатуры демонстрируют достаточно высокие деловые показатели по сравнению с представителями «демократической волны», что не может позитивно не сказываться на процессе принятия решения с точки зрения дня сегодняшнего. С другой стороны, многие представители бывшей номенклатуры не обладают гибкостью и новаторством, необходимыми для работы в нынешних условиях. Их деятельность зачастую способствует консервации традиционных практик и алгоритмов. Кроме того, как показывает опыт развития посткоммунистических стран, слабое обновление политической элиты отрицательно сказывается на перспективах политической конкуренции.

Данные особенности накладывают отпечаток на структуру политической элиты, специфику способов ее деятельности и т.п. Среди данных характеристик особенно часто исследователи выделяют следующие:

1. использование преимущественно неформальных каналов рекрутирования, обновление в основном за счет элитарного резерва (родственники, знакомые «полезные» люди и т.д.)¹⁷;
2. преимущественное использование неформальных каналов воздействия на процесс принятия политических решений как наиболее эффективных¹⁸;
3. неравномерное распределение инновационного потенциала на различных эшелонах политической элиты: большая консервативность региональных элит, чем федеральных;
4. консолидация элит, приводящая не к плюрализму элитных групп, а к нивелированию ценностных и идеологических различий и внутриэлитному согласию ради общих экономических и социальных интересов¹⁹.

Как справедливо отмечает Г.Г. Дилигенский, «любая дальнейшая структурная трансформация усиливает ситуацию неопределенности для элитных групп»²⁰. Учитывая данное обстоятельство, нельзя не согласиться с мнением французской исследовательницы М. Мендрас,

¹⁷ Головачев Б., Косова Л. Высокоstatusные группы: штрихи к социальному портрету//Социологические исследования. 1996. № 1.; Мясников О.Г. Указ. соч.

¹⁸ Крыштановская О.В. Указ. соч.; Озерная М. Российская демократия как перпетуум-мобиле реформ и др.//Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. Под ред. Т. Заславской, Л. Арутюнян. Часть 2. М., 1995, и др.

¹⁹ См., например: Куколев И.В. Трансформация политических элит в России//Общественные науки и современность. 1997. № 4.

²⁰ Дилигенский Г.Г. Институциональные структуры и общественная трансформация//Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 1. С. 51.

что в целом современная политическая элита не заинтересована в изменении сложившейся в России экономической, социальной и политической ситуации, в проведении дальнейших реформ²¹.

Вопросы для самоконтроля

1. В чем заключаются современные тенденции эволюции социальной структуры западных стран?
2. Как эти тенденции влияют на политический процесс?
3. Чем характеризуется изменение социальной структуры посткоммунистических обществ?
4. Как сказываются эти тенденции на политическом процессе?
5. Каковы критерии принадлежности к политической элите?
6. Каковы достоинства и недостатки основных методов изучения политической элиты?
7. В чем состоят особенности российской политической элиты?

Литература для самостоятельного изучения

1. Афанасьев М.Н. Правящие элиты и государственность в посттоталитарной России. М., 1996.
2. Ашин Г.К. Курс элитологии. М., 1999.
3. Иноземцев В.Л. Социальное неравенство как проблема становления постэкономического общества // Полис. 1999, № 5.
4. Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995, № 1.
5. Куколев И., Штыков П. Становление элитоведения (1991—1996) // Социальные исследования в России. Немецко-российский мониторинг. М., 1998.
6. Политические элиты в Центральной и Восточной Европе // ИНИОН РАН. М., 1998.
7. Рукавишников В.О. Социология переходного периода: закономерности и динамика социальной структуры и массовой психологии в посткоммунистической России и восточно-европейских странах // Социс. 1994. № 6, 8, 9.

²¹ Mendras M. La préférence pour le flou: Pourquoi la construction d'un régime démocratique n'est pas la priorité des Russes // Debat. Paris, 1999. № 107.

Глава 5 Политические партии и группы интересов

Вопросы

1. Институты политического представительства: этапы эволюции.
2. Современная эволюция представительской функции партии.
3. Развитие партий в России и странах Восточной Европы.
4. Группы интересов.

1. Институты политического представительства: этапы эволюции

Как известно из курса по основам политологии, авторы теории политической системы значительное внимание уделяли рассмотрению институтов и механизмов, посредующих взаимоотношения между политической системой и средой. «Привратники», как называли эти институты, выполняют функцию артикуляции и агрегирования групповых интересов, их переноса на политический уровень в результате реализации представительских функций. Под «привратниками» понимались, прежде всего, организации, специально созданные для выполнения функций посредничества и влияния на принятие политических решений. К таким организациям, в первую очередь, относятся партии и группы интересов.

При анализе их специфики и роли в политическом процессе важно учитывать процесс их появления и эволюции. Партии и группы ин-

тересов как институты политического представительства появились относительно недавно, примерно в период Нового времени. Многие ученые связывают становление партий в странах Западной Европы и США с XIX — началом XX в., отмечая при этом, что протопартийные организации и зачатки групп интересов появляются примерно на рубеже позднего Средневековья и Нового времени. Вместе с тем мы знаем, что и в период Древнего мира, в период Средних веков также существовали дифференцированные социальные группы и групповые интересы. Тем не менее специальных организаций, посредующих взаимоотношения этих интересов и государства, не было.

С момента своего возникновения политические партии и группы интересов претерпели значительную эволюцию. Изменились характер их функционирования, их роль в политическом процессе. Возникает вопрос: с чем связано появление этих организаций, чем обусловлены те изменения, которые они претерпели за период своего существования?

В целом можно утверждать, что их появление и эволюция обусловлены спецификой социально-политического развития и особенностями отдельных эволюционных этапов. Важно отметить, что дифференциация ролей и институтов происходит под влиянием функциональных потребностей политической системы. Это означает, что политические партии и группы интересов, так же как и другие политические институты, появляются лишь тогда, когда возникает функциональная потребность в их существовании.

Эволюционно их возникновение в странах Западной Европы связано с процессом модернизации, становлением единых национальных государств (точнее наций-государств, Nation-State), выделением и развитием гражданского общества как некоей антитезы государству.

Появление политических партий связывают чаще всего с возникновением новых социальных классов, присущих индустриальному обществу, а также с появлением институтов представительного правления и введением всеобщего избирательного права. Не оспаривая очевидного влияния этих факторов, отметим, что они относятся к внешним проявлениям действительных причин возникновения и развития политических партий и групп интересов.

В качестве действительных причин можно отметить дифференциацию внутри самого гражданского общества, происшедшую на этапе Среднего Модерна¹. Именно неоднородность гражданского общества (состоящего первоначально лишь из достаточно ограниченного круга жителей той или иной страны, включавшего в себя в основном

¹ О Среднем Модерне см. главу 12.

иков), необходимость выражения на политическом уровне групповых интересов повлекли за собой возникновение политических партий и ассоциаций, клубов и т.д. Эти организации, отражавшие неоднородность, выступили своеобразным дополнением институтам, призванным выражать интересы всего гражданского общества в целом как равноправного актора (в первую очередь, институт выборов как механизм формирования выборной и ответственной власти).

Политические партии и группы интересов возникают не сразу после установления республиканской формы правления и близким к ней формам конституционной монархии, они формируются постепенно. Первоначально появляются институты, способные выполнять функции представительства и защиты интересов гражданского общества в целом (выборы, парламенты) и лишь затем развиваются партии. Хотя хронологически появление протопартийных образований связано с периодами буржуазных революций (революция 1640 г. в Англии, Великая французская буржуазная революция и т.д.), они не играли того функционального значения в политическом процессе, которое будут играть впоследствии политические партии. Напротив, как показала историческая практика, политическое раздробление гражданского общества на том этапе, когда его «равноправно-партнерские» отношения с государством еще не были закреплены институционально, приводило к политическим потрясениям и попыткам реставрации старого порядка.

Симптоматично, что и отношение к группам интересов и протопартийным образованиям было первоначально отрицательным. В период XVII—XVIII вв. весьма популярными были идеи о том, что существование партий приводит к мятежам (Т. Гоббс), что партии («факции») могут выступать орудием узурпации государственной власти какой-либо группой в противовес реализации принципа народного суверенитета (Дж. Вашингтон и некоторые другие «отцы-основатели» США).

Лишь в конце XVIII — в начале XIX в. появляется идея функциональной полезности политических партий и групп интересов. Так, уже Дж. Мэддисон подчеркивал объективный и неизбежный характер существования «факций». Отмечая все же возможность нежелательных последствий их деятельности для реализации принципов народного суверенитета, он предлагал введение некоторых институтов и принципов, которые позволили бы избежать отрицательных последствий деятельности подобных образований. Объективный характер существования политических партий и ассоциаций признавал и А. де Токвиль, который вместе с тем считал, что эти организации являются благом для демократического правления, так как обеспечивают необходимый плюрализм интересов и помогают тем самым предотвратить узурпацию власти.

Эволюция взглядов на политические партии и группы интересов отражает сложный и противоречивый характер становления этих организаций. Достаточно долгое время партии существовали в виде механизма «предприятия претендентов (Interessentenbetrieb)»². М. Вебер называет организации, возникшие на первом этапе развития таких «предприятий», «партиями уважаемых людей, получивших повсеместное распространение вместе с распространением власти бюргерства». Ему принадлежит наиболее точная характеристика этого эволюционного типа: «Образованные и состоятельные» круги, духовно руководимые типичными представителями интеллектуальных слоев Запада, разделились, частично по классовым интересам, частично по семейной традиции, частично по чисто идеологическим соображениям, на партии, которыми они руководили... На этой стадии по всей стране еще вообще не существует интерлокально организованных партий как постоянных союзов. Сплоченность обеспечивают только парламентарии; решающую роль при выдвижении кандидатов в вожди играют люди, уважаемые на местах... И лишь в больших городах постоянно имеются партийные юзы (Vereine) с умеренными членскими взносами, периодическими встречами и публичными собраниями для отчета депутатов»³.

На следующем этапе организуется интерлокальное взаимодействие и единая партийная сеть. «Заинтересованность парламентариев в возможности интерлокальных предвыборных компромиссов и в ответственности единых, признанных широкими кругами всей страны программ и единой агитации вообще по стране становится движущей силой все большего сплочения партий. Но если теперь сеть местных партийных союзов существует также и в городах средней величины и даже если она растянута «доверенными лицами» по всей стране, а с ними постоянную переписку ведет член парламентской партии как руководитель центрального бюро партии, то это не меняет принципиального характера партийного аппарата как объединения уважаемых граждан»⁴. М. Вебер отмечал, что такого рода партии существовали в Германии и Франции вплоть до второй половины XIX в.

Таким образом, партии на первом и втором этапе своего развития, несмотря на то что существующие социальные разногласия сыграли свою роль в процессе их образования, не столько выполняли роль институтов политического представительства социальных

² Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные сочинения. М., 1990. С. 670.

³ Там же. С. 672—673.

⁴ Там же. С. 673.

ресов, сколько являлись инструментом «политического предприятия» обеспечивающим конкурентную соревновательность элитных группировок.

Лишь с введением всеобщего избирательного права, открывшим доступ к законному участию в политической жизни широким слоям населения, возникают принципиально иные массовые организации с более развитым управленческим аппаратом. Именно с этого периода можно говорить о том, что партии обретают массовую социальную базу; специфика этой социальной базы, а также позиции партий по основным вопросам социально-политической жизни в целом отражают основные социальные расколы в обществе. Вместе с тем с усилением функции социального представительства партии не перестают быть инструментом «политического предприятия». Напротив, как точно подметил М. Вебер, возникновение массовых организаций явилось «детисцем... необходимости массовой вербовки сторонников и массовой организации, развития единства руководства и строжайшей дисциплины»⁵. Обретение партиями социальной базы со всеми вытекающими последствиями соответствует в целом индустриальному этапу общественного развития.

Превращение партии в институт политического представительства социальных интересов сопровождалось усилением идеологической составляющей их деятельности. Это выразилось в появлении партийных программ, разработке политических курсов, отражающих интересы определенных социальных групп (или, точнее, претендующие на отражение этих интересов). Постепенно партии превращаются в инструменты легитимации политических курсов, а не позиций элитных группировок. Феномен лидерства отодвигается на второй план, хотя и не утрачивает полностью своего значения. Такое развитие соответствует периоду перехода к Зрелому Модерну, при котором основная суть политического соревнования заключается в соревновании политических курсов. Партии становятся необходимыми признанными гражданами инструментом легитимации.

Анализ тенденций возникновения и развития институтов представительства позволяет вывести типологию партий, основанную на организационных и коммуникационных особенностях и той функциональной роли, которую они играют в политическом процессе. Ядром подобной типологии применительно к индустриальной стадии общественного развития, остается бинарная классификация партий, разработанная М. Дюверже в середине 50-х гг.

⁵ Там же. С. 674.

Все существующие партии М. Дюверже разделил на кадровые и массовые. Возникновение и становление *кадровых партий* восходит ко времени зарождения демократии в Европе, когда избирательное право было ограничено, а из активной политической жизни были исключены основные массы населения. Кадровые партии, деятельность которых нацелена на выборы, опирались на представителей социальных и экономических элит, пользующихся авторитетом благодаря своему влиянию на избирателей или имеющих состояние, помогающее покрыть расходы на избирательную кампанию. Предпочтение отдавалось качеству, а не количеству членов партии. Деятельность кадровых партий достигает пика в период выборов (основными направлениями работы становятся пропаганда и движения в поддержку кандидатов) и заметно сокращается в периоды между ними.

В результате замены ограниченного избирательного права всеобщим возникают *массовые партии*, знаменующие появление политики «нового типа», ориентированной на массовую политическую мобилизацию.

Логика организации массовых партий можно проиллюстрировать на примере становления социал-демократических организаций, а также предложений по партийному строительству, исходивших от их организаторов. В целом эту логику упрощенно можно представить следующим образом. Если партия является политическим выражением интересов класса, то надо постараться привлечь его целиком к политической активности, политически воспитать и сформировать из его среды управленческую элиту. Для такого воспитания необходимо проведение регулярных собраний партийных секций, которые являются «вечерними политическими курсами». Главная задача — выдвинуть на выборах кандидатов от рабочих и добиться их победы. Для этого необходимо заменить частное капиталистическое финансирование коллективным, что становится возможным путем привлечения большего числа членов, выплачивающих партийные взносы, полняя партийную казну и финансируя партийную прессу.

Такая структура, основанная на фиксированном членстве и взносах, требует гораздо более жесткой организационной и кадровой партии. Поэтому возникает разветвленный управленческий аппарат, опирающийся на отлаженный административный механизм, имеющий четко выраженный иерархический характер, управляемый партийными функционерами или «освобожденными» партийными

ботниками.

2 Эволюция представительской функции партии

В последние десятилетия в западных странах наблюдается значительное падение влияния традиционных институтов политического представительства, в первую очередь политических партий. На уровне политического сознания это проявляется в падении доверия политическим партиям и в ослаблении идентификации с ними. На уровне политического поведения наблюдается повышение нестабильности партийно-политических предпочтений на выборах и сокращение числа членов политических партий (таблица 4). Сокращение численности членов партий позволяет даже в некоторых случаях говорить о кризисе партийного активизма. Так, например, во Франции на рубеже 80—90-х годов лишь 39% граждан были удовлетворены выполнением партий своих представительских функций (54% — не удовлетворены), а сами политические партии за период 80-х годов потеряли около половины своих членов.⁶ Согласно опросам в Германии в 1997 г. только 24% респондентов выразили доверие партии как политическому институту (73% — недоверие)⁷.

Таблица 4.

Динамика членства в политических партиях

(в % от количества всех избирателей в стране)⁸

	Первые выборы, проходившие в 1960-х гг.	Последние выборы 1980-х гг.
Австрия	26,2	21,8
Бельгия	7,8	9,2
Дания	21,1	6,5
Финляндия	18,9	4,2
Италия	12,7	9,7
Норвегия	15,5	13,5
Швеция	22,0	21,0
Великобритания	9,4	3,3

⁶ Dalton R. J. Responsiveness of Parties and Party Systems for the New Politics//Politische Klasse und Politische Institutionen. Opladen, 1991. P.40; Colar D. Auch Frankreich sucht Regierungsmehrheiten//Dokumente. 1989. J.45, H. 4. S.306; L'Etat de l'opinion. Clef pour 1990. P., 1990. P. 162.

Диманис М.Д. Будущее демократии и перспективы многопартийности в Европе: политические партии Европы: стратегия и тактика в период между выборами. Пробл.-тем. сборник. М., 1999. С. 17.

⁷ Katz R. Party Organizations and Finance//Comparing democracies: Elections and Voting in Global Perspective. Ed. by LeDuc L., Niemi R., Norris P. Thousand Oaks etc., 1996. P. 121.

Основные причины данного явления лежат в социокультурной сфере, в изменениях, связанных с переходом к постиндустриальной стадии развития общества (см. главу 4 и 7). Уже в 60—70-е гг. утрачивают прежнюю остроту социальные и идеологические различия, приведшие в свое время к образованию политических партий, — между трудом и капиталом, между государством и церковью, между конфессиями. Повышение уровня жизни, увеличение заработной платы, улучшение условий труда и т.д. радикальным образом переменяли социальную и демографическую структуры общества. В силу этого ослабла традиционная связь партий с некогда ориентировавшимися на них социальными группами, что сделало социальную базу партий менее устойчивой.

Кроме того, технологические достижения современного информационного общества создают принципиально иную ситуацию в политическом общении. Для того чтобы определиться в политической ситуации прежде гражданин должен был предпринять какие-то действия, позволяющие получить информацию: посетить партийное собрание или митинг, купить партийную прессу. Получение политической информации было в значительной степени сопряжено с непосредственным межличностным общением: членов партии между собой, партийных агитаторов с избирателями, лидеров с большими или малыми группами граждан. Телевидение изменило ситуацию кардинальным образом — оно пришло в каждый дом, внося с собой и политическую информацию. Теперь нет нужды посещать партийные собрания, чтобы найти единомышленников, — достаточно найти нужный телевизионный канал. Таким образом, бурное развитие СМИ приводит к тому, что партиями монополии в формировании общественного мнения уже не могут успешно конкурировать с прессой, телевидением, гражданскими инициативами.

Другой причиной падения доверия к партиям является логика их развития. Речь идет не только о тех отрицательных последствиях, которые влечет за собой становление и развитие самой организации, о чем писали еще Р. Михельс и М. Острогорский. Речь идет о том, что большинство традиционных (существующих давно) политических партий в тот или иной период своего развития побывало у власти. Участие в государственном управлении способствует не только гегемонизации позиции любой политической силы, сталкивающейся с необходимостью приводить свои действия по управлению в соответствии с объективными обстоятельствами (наглядный пример — такая практика социалистической партии после прихода социалистов к власти в 1981 г.). Такое участие в ста-

бствует тому, что в партии появляется «каста маленьких сеньоров» — претендентов на монопольное исполнение определенных управленческих функций.

В целом данный процесс хорошо характеризует высказывание Бурдьё: «Чем дальше развивается процесс институционализации политического капитала, тем больше борьба за умы уступает место борьбе за «посты» и все больше активисты... отступают перед «держателями доходных должностей»... на практике в настроениях беспрерывно усиливается весомость императивов, связанных с воспроизводством аппарата и предлагаемых им постов... Становится понятным, что партии могут таким образом приводиться к тому, чтобы жертвовать своей программой ради удержания власти или просто выживания»⁹. Эти явления приводят к тому, что эти организации теряют способность представлять на политическом уровне социальные интересы. В особенности это касается европейских левых партий, которые постепенно утрачивают способность канализировать социальное недовольство и социальный протест.

Сегодня тенденцию к сокращению числа членов партий в странах развитой демократии можно считать установленной. Кроме того, качественно изменился их состав. Во-первых, выросла доля людей старшего возраста. Во-вторых, мотивация молодых людей, вступающих в партии, носит все более откровенно карьерный характер. В-третьих, отношение к партийной организации становится все менее идеологизированным и более инструментальным: при голосовании за ту или иную партию граждане руководствуются прагматическими соображениями, для них большое значение приобретает способность партии решать назревшие политические проблемы, компетентность руководящих органов.

В этих условиях партии в целях поддержания своей позиции вынуждены приспосабливаться к изменяющимся условиям. Изменения касаются кадровой политики, идеологии и программы, стиля деятельности, отношений с социальной базой, партнерами и противниками. Сегодня эволюция партий осуществляется в двух основных направлениях — формирование универсальных партий и партий «новой волны».

«Универсальные», «электорально-профессиональные» или «партии — хватай всех» (catch-all-parties) уже не претендуют на интеллектуальное и моральное командование массами, ориентируясь на непосредственный успех на выборах. Эти «интерклассовые» организации считают вторичным рост своих рядов, но стараются объединить вокруг

⁹Бурдьё П.С. Социология политики. М., 1993. С. 216—217.

себя максимальное количество избирателей самой разной социальной, этнической и прочей принадлежности для решения главных вопросов текущего момента. Такие партии образуются вокруг прагматического лидера (лидеров), чаще всего общенационального масштаба, который предлагает обществу идеи согласия, компромисса, баланса интересов.

На сегодня некоторые исследователи считают, что процесс превращения партий в универсальные продолжается в направлении укрепления их непосредственной связи с государством, а также усиления связей между партиями. На этой основе возникает тип «картельных партий» (Р. Катц, П. Мэйер). Этот тип партий становится механизмом распределения государственных постов между профессиональными группами политиков. Такой механизм основывается, в первую очередь, на непосредственной связи политика и избирателя, без посредства партийной организации. Кроме того, он базируется на широкой коалиционной основе и на сокращении дистанции между избирателями и политическими лидерами. Одним из его ресурсов являются также значительные государственные субсидии для партийной деятельности.

Отмеченные тенденции приводят к тому, что электоральная конкуренция становится более управляемой: партиями руководит «коллективная солидарность» и в некоторых случаях «стимул к соревнованию... заменяется позитивным стимулом не конкурировать»¹⁰. Партийные избирательные кампании становятся более капиталоемкими и в то же время более профессиональными и организованными, а лидеры партий все больше начинают походить на предпринимателей. Постепенно стираются различия между членами и нечленами партий.

Картельные партии малоразличимы по своим программам. Это приводит к тому, что ответственность за государственную политику с точки зрения избирателей начинают нести все партии, а ответственность конкретной партии снижается. Исчезает четкое различие между правящей партией и оппозицией. Выборы обеспечивают вхождение во власть всем более-менее значимым партийным группам. Следствием этого становится превращение демократии в «публичное заискивание элит, а не включение населения в производство политической стратегии»¹¹.

Партии «новой волны» возникают в 70-е гг. на базе социальных движений (например, партия «Зеленых» в Германии). Партии

¹⁰ Katz R., Mair P. Changing Models of Party Organization and Party Democracy. The Emergence of the Cartel Party//Party Politics. 1995. 1995 Vol. 1. № 1.

¹¹ Ibid. P. 20.

па выступают под лозунгом расширения гражданских прав, обеспечения эмансипации и равноправия граждан, борьбы за мир и защиты окружающей среды. Целями партий «новой волны» является создание альтернативных (традиционным партиям) представительных структур, способных эффективно реализовывать функцию политического представительства. Эти партии, как правило, отличаются значительной идейной гибкостью, демократичная организация и стиль деятельности, отсутствие четких границ между членами и сочувствующими. Вместе с тем эти партии также сталкиваются с вопросами, связанными с развитием организации и «институционализации капитала». Смогут ли партии «новой волны» противостоять отрицательным последствиям этого процесса, покажет время.

4. Развитие партий в России и странах Восточной Европы

На первый взгляд процесс развития партий в России имеет довольно много общих черт с современной эволюцией партий в Европе и США. Размывание электората, возникновение партий — команд одного лидера, незначительное число партийных активистов, отсутствие интереса к членству в партиях и политическому участию — вот те характеристики, которые могут быть применены для описания партийного развития как в странах Западной Европы, так и в России. Данные Нового Европейского Барометра, собранные в 9 посткоммунистических странах в 1994 г., свидетельствовали, что в среднем менее 1 человека из 7 доверяли политическим партиям¹². По данным исследований 1998 г., лишь 26% россиян и 13% украинцев считали себя приверженцами какой-либо партии, 60% россиян и 71% украинцев не поддерживали ни одну из существовавших партий¹³. Можем ли мы сказать, что подобное положение дел свидетельствует в пользу того, что партийный кризис в Западной Европе и отсутствие стабильной партийной системы в посткоммунистических странах и, в частности, в России — это явления одного порядка?

В среде российских ученых сложилось несколько мнений на этот счет. С. Пшизова, например, считает, что «складывающиеся (в России) — А.Н., М.Е.) партии, можно, рассматривать не как «недоразвив-

¹² Rose R., Mishler W. Negative and Positive Party Identification in Post-Communist Countries//Electoral Studies. 1998. Vol. 17. № 2.

Miller W.L., White S., Heywood P. Political Values Underlying Partisan Cleavages in Post-Communist Countries // Electoral Studies. 1998. Vol. 17. No. 2. P.197—216.

«шия» варианты уже известных западных моделей, а, напротив, как воплощение наиболее радикальной версии современного этапа эволюции этих институтов, обусловленное сочетанием глобальных факторов со специфическими условиями постсоветского общества»¹⁴. Г. Голосов, напротив, определяет российские партии именно как «недоразвитые», даже по сравнению с партийными организациями Восточной Европы. Р. Саква, анализируя особенности сложившейся в России ситуации, также наделяет ее скорее архаичными, чем современными характеристиками.

Плодотворные результаты для выявления специфики российских политических партий дает сравнительный анализ данного процесса в посткоммунистических странах. Наиболее основательное теоретическое исследование развития партийных организаций в Восточной Европе дано в работах П. Копецкого, Г. Китчельта и Г. Голосова.

По мнению П. Копецкого, в странах Восточной Европы формируются партийные образования с рыхлой электоральной базой, ведущую роль в них играет партийное руководство. Данный процесс связан с несколькими обстоятельствами. Во-первых, партии вынуждены обращаться к широкому кругу избирателей главным образом потому, что не могут рассчитывать на поддержку электората с устоявшейся партийной приверженностью, поскольку при авторитарном правлении подобная приверженность отсутствовала. Во-вторых, партии не стремятся к увеличению членства, так как их финансовые ресурсы не зависят от количества членов, а при меньшем числе членов сокращается вероятность потенциально мощных вызовов существующему партийному руководству. В-третьих, деполитизированные граждане посткоммунистических стран не проявляют особой склонности к идентификации с идеологиями и партийными символами, они скорее предпочитают солидаризироваться с сильными личностями. Поэтому утверждает П. Копецкий, наибольшие шансы в посткоммунистической политике имеют партии наподобие «универсальных» или «электорально-профессиональных», где партийное руководство играет доминирующую роль, а партийная организация — второстепенную. Недостатком схемы Копецкого является то, что в ней не выявляются национальные особенности развития партий в разных странах Восточной Европы. Из его рассуждений следует, что общее для стран региона «ленинское наследие» предполагает их тождественность в развитии партий. На самом деле это не так. По крайней

¹⁴ Пшизова С.Н. Какую партийную модель воспримет наше общество // Политический процесс: основные аспекты и способы анализа. 1998. №4. С. 113.

учитывается специфика России по отношению к восточноевропейским странам, в большинстве которых сформировались и более или менее успешно функционируют партийные системы.

ряд теоретических установок для анализа партийной организации Восточной Европе и бывшем Советском Союзе предлагает и Г. Китчельт. Он выделяет три «идеальных типа» партий, существование которых возможно на посткоммунистическом пространстве, — харизматический, клиентелистский и программный, и определяет условия их возникновения.

Харизматические партии, по мнению Китчельта, представляют собой немногим более чем неструктурированную массу людей, сплотившуюся вокруг лидера. Такие партии от природы нестабильны, поскольку, чтобы сохранить приверженность последователей, харизматические лидеры должны рано или поздно обеспечить своему электорату избирательные стимулы и вступить на путь организационного развития.

Для клиентелистских партий характерен упор на персональный патронаж. Они вкладывают много средств в создание организации, которая эффективно снабжает ресурсами своих последователей. Подобные организации, однако, избегают расходов на координацию деятельности своих членов, так как от них требуется не вера в некий набор идеологических целей, а личная лояльность. В таких партиях, как и в прежних кадровых, заправляет политическая элита, а партийная организация подчинена партийному аппарату. Клиентелистским партиям также свойственно относительно широкое членство, хотя привязывает членов к этим организациям не идеологическая программа, а наличие связей патрон — клиент и заинтересованность в электоральной победе.

Программные партии учреждаются для рекламы идеалов «желаемого общества как коллективного блага, которое они обещают обеспечить, и привлечения активистов и лидеров, готовых пропагандировать и воплощать в жизнь эти идеалы»¹⁵. Эти партии обладают некоторыми чертами массовых партий, к числу которых относится, прежде всего, сохраняющееся влияние партийной организации и партийных активистов. Такие организации труднее создать, нежели другие виды партий. Однако они в большей степени способны усилить консолидацию и стабильность демократического режима, чем два других типа.

¹⁵ Цит. по: Ишияма Дж. Партии-преемницы коммунистических и организационное Развитие партий в посткоммунистической политике // Политический процесс: основные аспекты и способы анализа. 1999. № 4. С. 15.

В целом Китчелт считает, что степень вероятности появления программных партий определяется четырьмя факторами: давностью индустриализации, институциональными характеристиками (такими как наличие президентской или парламентской системы), особенностями демократического транзита, «системным временем», прошедшим с момента первых свободных выборов (измеряемым числом такого рода выборов).

Исходя из конфигурации данных факторов, Китчелт высказывает предположение, что шансы на появление программных партий наиболее высоки в Чешской республике, Венгрии, Польше и Словении и несколько меньше в Словакии, государствах Балтии и Хорватии. В Болгарии, Румынии, большинстве республик бывшего Советского Союза и Югославии гораздо вероятнее формирование клиентелистских и харизматических партий.

Г. Голосов дает объяснение особенностям развития партий в Восточной Европе в рамках институционального подхода, сочетающегося с теорией рационального выбора¹⁶. Анализируя институциональные факторы становления партийных систем в странах Восточной Европы, Г. Голосов приходит к выводу, что организационные характеристики партий являются продуктом не самой демократии, а «авторитарного прошлого и трансформативных политических процессов. Нельзя сказать, что национально-специфические черты авторитаризма жестко детерминируют особенности приходящей ему на смену демократии. Но, будучи той основой, на которой разворачивается процесс демократизации, они определяют возможности основных его участников... Так возникает организационная инерция, благодаря которой порожденные трансформативным процессом политические диспозиции транслируются в структуры партийных систем... Основным механизмом такой трансляции выступают «учредительные выборы». Дальнейший процесс протекает в рамках, задаваемых как институциональным дизайном демократии, так и реакциями избирателей на процесс экономических преобразований... В результате унаследованные факторы постепенно отходят на второй план, а партийные системы вступают в полосу структурной стабилизации»¹⁷.

¹⁶ Голосов Г.В. Партийные системы России и стран Восточной Европы. М., 1999; Он же. Развитие политических партий в России // Основные проблемы политического развития России и их отражение в процессе преподавания политологии в вузах. Самара, 2000; Он же. Форматы партийных систем в новых демократиях: институциональные факторы неустойчивости и фрагментации // Полис. 1998. № 1.

¹⁷ Голосов Г.В. Партийные системы России... С. 126.

Ключевым аспектом недоразвитости российской партийной системы становится отсутствие условия для ее организационного становления. основной причиной этого, в свою очередь, является политический контекст смены режима в России. Для того чтобы политические партии развивались в организационном отношении, необходимы группы условий, связанных с различными стимулами к участию в партийной организации. Эти стимулы, вслед за А. Панибьянко, определяются как коллективные и селективные. Под категорию коллективных стимулов попадают мотивы, связанные с индивидуальными потребностями по поводу идеологической приверженности и идентичности. Селективные стимулы — это стремление извлечь из участия в работе партии материальные выгоды, к которым относятся не столько денежные выгоды, сколько возможности сделать политическую карьеру, занять государственные должности, повысить социальный статус.

Важной особенностью процесса смены режима в России послужило то обстоятельство, что она произошла без проведения учредительных выборов, и партии оказались не у дел. Многочисленные демократические движения конца 80-х — начала 90-х гг., поддержавшие Б. Ельцина во время августовских событий, не были вознаграждены за свое участие в его приходе к власти. Партийные деятели отсутствовали в правительстве реформ, сформированном в ноябре 1991 г. Идеологические цели демократических движений были реализованы, но стимулов к дальнейшему партийному строительству не было. Кроме того, не последнее значение здесь имело и то обстоятельство, что парламентские выборы были проведены лишь спустя 2 года — в 1993 г. В промежутке между двумя этими событиями политическая соревновательность в России имела весьма ограниченный характер. Это блокировало процесс становления политических партий и, более того, самым негативным образом сказалось на устойчивости тех организаций, возникших в 1990—1991 гг.

На этот фон накладывались дополнительные характеристики, связанные с российской спецификой политического процесса. И именно они, как считает Г. Голосов, до сих пор препятствуют успешной институционализации российских партий.

Во-первых, российские политические партии развивались путем территориальной дисперсии, то есть путем объединения существующих на местах групп.

Во-вторых, в силу отсутствия внутренних ресурсов для развития партийных организаций, особую роль в их развитии сыграло и внешнее спонсорство, которое тоже рассматривается как фактор, препят-

ствующий формированию политических партий. При этом спонсорами по отношению к партиям служат разного рода государственные органы, экономические корпорации, общественные объединения и т.д.

В-третьих, в организационной истории многих российских политических партий преобладающую роль сыграли харизматические лидеры. Классическим примером в данном случае является партия В. Жириновского.

На эти негативные стороны формирования партийной системы в России накладывается, в свою очередь, институциональный дизайн который тоже препятствует формированию партий. Здесь имеется в виду сравнительно сильный президентализм и развитый федерализм.

Представленную концепцию можно оценить как достаточно интересную, но весьма неоднозначную. Так, Ю. Коргунюк критикует трактовку становления партийной системы, данную Г. Голосовым, за излишний, по его мнению, ситуативизм. Ситуативизм в данном случае проявляется в значительном акцентировании на факторе «отложенности» учредительных выборов после перехода к демократическому режиму.

В свою очередь, Ю. Коргунюк определяет партийную систему России не как недоразвитую, фрагментированную и неустойчивую, как представлено в работах Г. Голосова, а как многопартийную, не дозревшую до уровня партийной системы или как становящуюся партийную систему¹⁸.

Согласно концепции Ю. Коргунюка, «основной причиной недоразвитости российской многопартийности и отсутствия в стране партийной системы является безусловное доминирование чиновничества в политической элите... По сути чиновничество не нуждается ни в каких партиях, поскольку и без того является политически организованным... А возникновение в России самостоятельных политических партий стало возможным в силу отсутствия единства в рядах самой бюрократии, в силу жесткой конкуренции между различными ее слоями»¹⁹.

Возможность становления в стране партийной системы Ю. Коргунюк связывает с «изменением самой структуры общества, порождающей политическое доминирование чиновничества, и прежде всего — с выходом на большую политическую сцену класса предпринимате-

¹⁸ Коргунюк Ю.Г. Избирательные кампании и становление партийной системы в РФ с точки зрения социального представительства // Выборы в посткоммунистических обществах: Пробл.-темат. сб. ИНИОН РАН. М., 2000.

¹⁹ Там же. С. 75—76.

лей начинающего осознавать необходимость защиты своих корпоративных интересов на политическом уровне»²⁰.

Недостатком концепции Ю. Коргунюка, на наш взгляд, является автор не проводит широкого кросснационального исследования партийных систем посткоммунистических стран. Поэтому выделяемый им фактор «чиновничества» в качестве основополагающего при формировании партийной системы невозможно проверить в сравнительной перспективе в странах с общим политическим прошлым. Кроме того, автор недостаточно учитывает институциональные условия, а также характер демократического транзита в России, наложившего значительный отпечаток на процесс возрождения многопартийности.

Многообразие подходов, выявляющих факторы структурной институционализации партийных систем Восточной Европы и России, по нашему мнению, свидетельствует о том, что взгляды на становление партий, выработанные западной политической наукой, невозможно применять без определенной адаптации к политическому процессу посткоммунистических стран.

4. Группы интересов

Как известно из курса по основам политологии, группы интересов — организации, целью которых является объединение граждан для выражения и защиты каких-либо специальных, конкретных интересов (например, по определенной конкретной проблеме или специфических интересов небольшой социальной, профессиональной, поселенческой, религиозной или культурно обособленной группы). Их основное отличие от партий лежит не только в организационной области. Оно также заключается в способах взаимодействия с государственной властью: группы интересов не ставят перед собой задачу прийти к власти и бороться за ее завоевание. Они пытаются лишь оказывать воздействие на механизм принятия политических решений с целью реализации групповых интересов.

В политической науке и политической мысли существуют два основных подхода, по-разному трактующих роль групп интересов в политической жизни и дающих разную нормативную оценку этому институту представительства.

Представители первого подхода считают их существование явлением отрицательным, оказывающим негативное влияние на функцио-

²⁰ Коргунюк Ю.Г. Современная российская многопартийность. М., 1999. С. 25.

нирование демократической политической системы в силу того, что они служат проводниками частного влияния на принятие политических решений. Все, что происходит в мире политики, рассматривается представителями этого подхода как следствие махинаций различных бизнес-групп, корпораций, мафии и т.п.

Аргументы, приводимые сторонниками данного подхода, можно в целом свести к следующим.

Во-первых, существование групп интересов создает неравенство возможностей различных групп относительно влияния на процесс принятия политических решений; в частности, таких возможностей больше у бизнес-групп, в то время как у групп, не обладающих достаточными ресурсами, они значительно ниже.

Во-вторых, существование групп интересов способствует неэффективности экономической политики и препятствует проведению активной социальной политики: более «сильные» группы интересов добиваются экономических и прочих благ, начинают в дальнейшем препятствовать перераспределению и переменам, а действительно нуждающиеся так и остаются без поддержки.

В-третьих, существование групп интересов может привести к утверждению монополии на представительство групповых интересов или неокорпоратизма, когда заинтересованные группы присваивают право на монопольное представительство интересов общества. При этом извращается сам принцип представительства, который сводится к сделкам заинтересованных групп и бюрократии. Заинтересованные группы начинают представлять скорее самих себя, чем граждан. Наиболее точную, на наш взгляд, характеристику этому явлению дал Ф. Шмиттер, описавший неокорпоратизм как «систему представительства интересов, составные части которой организованы в несколько особых, принудительных, неконкурентных, иерархически упорядоченных, функционально различных разрядов, официально признанных или разрешенных... государством, наделяющим их монополией на представительство в своей области в обмен на известный контроль за подбором лидеров и артикуляцией требований и приверженностей»²¹. Такая монополия характерна, как правило, для недемократических политических режимов. Вместе с тем элементы корпоративизма отмечаются и в странах развитой демократии.

Представители другого направления признают объективный характер существования заинтересованных групп и отмечают их положительную роль в политическом процессе. В частности, «родоначаль-

²¹ Шмиттер Ф. Неокорпоратизм//Полис. 1997. № 5. С. 15.

теории групп интересов А. Бентли в своей работе 1908 г. «Проправления. Изучение общественных давлений» отмечает, что все явления государственного управления есть результат деятельности давящих друг на друга и выделяющих новые группы и группопредставителей для посредничества в общественном соглаше-

нии²². В целом сторонниками данного подхода выдвигаются три основных аргумента.

Во-первых, не все общественные группы имеют возможность участвовать в ресурсно-затратных видах политической деятельности: в выборах, в правительственных структурах и т.п. Существование групп интересов не подрывает принцип представительства, а, напротив, повышает его эффективность, так как предоставляет шанс мелким группам влиять на процесс принятия политических решений.

Во-вторых, существование заинтересованных групп является одним из элементов обеспечения необходимого для демократического правления плюрализма интересов.

В-третьих, группы интересов, так же как и партии, способны выполнять посреднические функции между государством и гражданским обществом, обеспечивая при этом не только реализацию собственных интересов, но и лояльность со стороны отдельных социальных групп.

Представители данного направления считают (и с ними нельзя не согласиться), что чем более демократическим является общество, тем больше в нем существует различных механизмов, способов, организационных форм, облегчающих влияние на процесс государственного управления, тем больше в нем разнообразных групп интересов.

В политической науке и смежных дисциплинах разработано несколько типологий групп интересов. Типологией, в наибольшей степени отражающей эволюционные особенности того или иного типа, является типология Ж. Блонделя²³. Ее основанием выступает способ связи между членами группы и характер деятельности. Он выделяет два противоположных «идеальных типа» групп, которые не встречаются в действительности в чистом виде: группы общинные и группы ассоциативные. Их конструкция построена на противопоставлении традиционного современному (институтов, практик и т.д.).

Члены общинной группы связаны между собой, прежде всего, принадлежностью к сообществу, а только затем — своими мыслями и стремлениями. Можно сказать, что человек рождается, будучи уже

²² Bently A. The Process of Government. Cambridge etc., 1967.

²³ Blondel J. Comparing Political Systems. London, 1973.

членом группы. Близкими к таким группам можно считать существующие в действительности племенные и некоторые этнические группы.

Ассоциативные группы создаются людьми вполне сознательно для реализации достаточно ограниченных интересов. Например, похожей на явления такого типа можно считать организацию, созданную в целях ликвидации атомной электростанции или химического завода.

Остальные типы групп интересов располагаются между этими двумя по мере их удаления от традиционных форм и приближения к современным: группы «по обычаю», институциональные группы, группы защиты, группы поддержки.

Группы «по обычаю» чаще всего встречаются в странах «третьего мира», где обладание властным статусом рассматривается, прежде всего, как средство обеспечения своих родных и близких доходными местами и привилегиями. При этом к группам «по обычаю» относятся и группы, созданные с менее корыстными целями, например религиозные. Главная особенность этих групп заключается в том, что они действуют в обход формальных институтов, используя личные контакты с представителями государственной власти. В современных обществах роль таких групп невелика, исключение составляют некоторые религиозные организации.

Институциональные группы — группы, чья деятельность базируется на формальных организациях внутри государственного аппарата (органах исполнительной власти, законодательных органах, армии, силовых структурах и т.п.). Их влияние связано с близостью к процессу принятия политических решений. Эти группы интересов (кланы), имеющие влияние внутри каких-либо организаций (партий, армии и т.д.), выполняют посредническую роль между государством и обществом в основном в странах «третьего мира». Однако существование подобного типа групп имеет место и в странах развитой демократии.

Группы защиты и поддержки — наиболее распространенные в странах развитой демократии типы заинтересованных групп. Например, в США около 50% взрослого населения состоит в различных ассоциациях. Группы защиты — это, прежде всего, предпринимательские ассоциации и профсоюзы. Они призваны отстаивать, в первую очередь, материальные интересы своих сторонников. В силу распространения государственного вмешательства в экономическую и социальную сферы эти группы достаточно активно взаимодействуют с государством для решения основных вопросов. Некоторые из них являются постоянными участниками двухстороннего диалога с правящими структурами или трехстороннего диалога групп защиты (предпринимательских и профсоюзных) с участием государства.

Необходимо отметить, что роль групп защиты в настоящее время в странах развитой демократии постепенно эволюционирует, а их влияние неуклонно снижается. Наблюдается кризис профсоюзного движения, а трехсторонние отношения бизнеса, профсоюзов и государства постепенно утрачивают свое значение. Эти тенденции обусловлены в первую очередь, социальными процессами, связанными с переходом к постиндустриальной стадии общественного развития: с изменением социальной структуры, с эволюцией отношений в сфере производства, с индивидуализацией массового сознания и социального протеста. Как справедливо отмечает С.С. Перегудов, одним из главных недостатков сложившейся в 50—70-е годы системы трехсторонних отношений явилась «ее неспособность адекватно реагировать на необходимость далеко идущей структурной перестройки экономики, новые повышенные требования к менеджменту и рабочей силе в условиях НТП... Укрепивший свои позиции бизнес предпочитает теперь решать проблемы напрямую с правительством и лишь в отдельных случаях соглашается на участие профсоюзов в переговорах и консультациях»²⁴.

Группы поддержки — такие группы, которые стремятся к достижению определенных ограниченных целей. К ним относятся различные экологические движения, антивоенные организации и т.п. Эти группы, как правило, отличаются аморфной структурой, отсутствием четкого членства, иногда им присуще спонтанно организованное руководство. Вместе с тем некоторые из них с течением времени могут превращаться в постоянно действующие структуры, обладающие значительной степенью организованности и более/менее разветвленной структурой управления. Иногда группы поддержки оказывают существенное влияние на политический процесс и обладают солидным политическим весом.

Следует отметить, что разные группы интересов используют различные каналы влияния на принятие политических решений. Можно отметить определенную закономерность: чем «современнее» группа интересов, тем меньше она использует непосредственные каналы и механизмы воздействия на государственные институты, тем больше она стремится воздействовать на общественное мнение.

Следует отметить, что способы воздействия на власть, так же как и сами группы интересов, претерпевают эволюцию с течением времени. В частности, как отмечают исследователи, многие заинтересован-

²⁴Перегудов С.С. Политическое представительство интересов: опыт Запада и проблемы России//Полис. 1993. № 4. С. 119.

ные группы успешно осваивают роль активного участника электорального процесса, выступая помощником определенных политических партий в обмен на поддержку групповых целей. Другой тенденцией является то, что группы интересов активно интегрируются в систему «функционального представительства», созданную во многих странах в XX в. (комитеты, советы и проч. при исполнительных органах власти, состоящие из представителей групп интересов, трипартистские органы и проч.). Причем в настоящее время эта система активно используется не только группами защиты, но и группами поддержки. Третьей тенденцией является широкое распространение лоббирования и профессионализация лоббистской деятельности.

На современное развитие групп интересов в России наложили большой отпечаток проблемы социально-политической трансформации и политические традиции. Речь идет, в первую очередь, о том, что гражданское общество переживает лишь стадию своего становления, интересы отдельных групп лишь выкристаллизовываются, организационные формы их выражения только начинают складываться. Другим важным моментом является незавершенный характер модернизации, параллельное существование традиционных и современных практик и форм организации политической деятельности. Поэтому можно отметить наличие в России практически всех типов групп интересов, выделенных Ж. Блонделем. Кроме того, на деятельность заинтересованных групп, существующих сегодня в России, накладывают свой отпечаток традиции групп интересов советского периода, составивших систему корпоративно организованного представительства. Незрелость демократических принципов конкуренции и формирования органов власти, несовершенство институциональных условий существенно ограничивает возможности развития «современных» групп интересов.

К особенностям отечественных групп интересов можно отнести то, что они предпочитают использовать различные механизмы воздействия на аппарат государственной власти, нежели на общественное мнение. При этом преобладают механизмы неформального влияния. Уровень институционализации функционального представительства интересов достаточно низок, однако наблюдается сравнительно быстрое развитие его форм.

Анализ развития групп интересов в России показывает, что эти организации играют своего рода компенсаторную функцию в условиях «недоразвитой» системы политического представительства, способствуя тем самым канализации политических интересов и политической стабилизации.

Вопросы для самоконтроля

1. Каковы причины возникновения политических партий?
2. Как изменялись основные функции политических партий на каждом этапе их развития?
3. Чем вызваны основные тенденции современной эволюции партий?
4. Каковы особенности функционирования партий в Восточной Европе?
5. В чем заключаются различия между развитием партийных систем Восточной Европы и России?
6. Каковы достоинства и недостатки основных подходов к роли групп интересов в политической жизни?
7. Каковы особенности российских групп интересов?

Литература для самостоятельного изучения

1. Вебер М. Политика как призвание и профессия//Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
2. Голосов Г.В. Партийные системы России и стран Восточной Европы. М., 1999.
3. Голосов Г.В. Форматы партийных систем в новых демократиях: институциональные факторы неустойчивости и фрагментации//Полис 1998, № 1.
4. Ишияма Дж. Партии-преемницы коммунистических и организационное развитие партий в посткоммунистической политике//Полис 1999, № 4.
5. Коргунюк Ю.Г. Избирательные кампании и становление партийной системы в РФ с точки зрения социального представительства//Выборы в посткоммунистических обществах: Пробл.-темат. сб. ИНИОН РАН/Отв. ред. и сост. Е.Ю. Мелешкина. М., 2000.
6. Первый электоральный цикл в России (1993-1996 гг.)/Под ред. В.Я. Гельмана, Г.В. Голосова, Е.Ю. Мелешкиной. М., 1999. Гл. 3, 4.
7. Перегудов С.С., Лапина Н.Ю., Семенов И.С. Группы интересов и Российское государство. М., 1999.
8. Шмачкова Т.В. Мир политических партий//Полис. 1992. № 1—2.
9. Katz R. Party Organization and Finance//Comparing Democracies: Elections and Voting in Global perspective. Eds. by LeDuc L., Niemi R., Norris P. Thousand Oaks et al., 1996.
10. Bashevkin S. Interest Groups and Social Movements//Comparing Democracies: Elections and Voting in Global perspective. Eds. by LeDuc L., Niemi R., Norris P. Thousand Oaks et al., 1996.

Глава 6

Политическая культура

Вопросы

1. Сущность и содержание политической культуры.
2. Типы политической культуры.
3. Политическая культура России.

1. Сущность и содержание политической культуры

Еще в древности политические мыслители обратили внимание на то, что на политическую жизнь оказывает влияние образ мыслей людей, их ценности и настроения. Например, еще Аристотель говорил о «состоянии умов» и его влиянии на стабильность общества.

В политической науке для обозначения различных «субъективных» элементов политических процессов используются разные понятия, в частности термин «политическая культура».

В обыденном сознании политическая культура часто понимается как мера «культурности» или «цивилизованности» политика. Нередко можно услышать утверждения, что политическая культура служит некой изощренной добавкой к политике, своего рода украшением политики, что какому-то политику не хватает политической культуры, а российская политика ее и вовсе лишена. Вместе с тем такое понимание политической культуры значительно отличается от научного.

Термин «политическая культура» впервые был использован немецким философом-просветителем И. Гердером в XVIII в. К рассмотрению вопросов, связанных с политической культурой, обращалось

до-ольно много политический мыслителей различных исторических среди них можно назвать Н. Макиавелли, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, А. де Токвиля и других. Вместе с тем научная теория политической культуры возникла достаточно поздно — в 50—60-х гг. XX в. Зарождение теории политической культуры в 50—60 гг. было связано с состоянием политической науки, а также с теми политическими процессами, которые происходили в первой половине и в середине столетия.

«Классическая» политическая наука, в рамках которой в первой половине столетия господствовали нормативный, институциональный и бихевиоральный подходы, оказалась неспособной объяснить происходящие в мире перемены, в частности гибель Веймарской республики в Германии и победу национал-социализма. Произошедшие события никак не укладывались в «классические» представления о путях развития этой страны (согласно либеральной трактовке, Германию, как страну с самым высоким уровнем образования, должно было ожидать светлое демократическое будущее; согласно марксистской трактовке, Германия как страна с высокоразвитым капитализмом и рабочим классом, должна была развиваться по «социал-демократическому пути»).

Неспособность «классической» политической науки объяснить приход к власти национал-социалистов поставил на повестку дня вопрос о необходимости выработки нового научного подхода к рассмотрению этой проблемы. Своеобразным знаком явилась особая популярность в рамках немецкой традиции тем, связанных с изучением иррациональности и субъективности в политике (Т. Адорно, О. Киркхаймер, Г. Маркузе, П. Лазерсфельд, Э. Фромм и др.).

«Классическая» политология оказалась не в состоянии объяснить не только события, связанные с установлением тоталитарных режимов, но и политические изменения, происходившие в странах «третьего мира». В частности оставался без ответа вопрос, почему не удалось в Африку пересадить Вестминстерскую модель демократии.

Важным вкладом в появление теории политической культуры явилось методологическое наследие М. Вебера, одного из представителей «неклассического типа научности», писавшего о необходимости «отнесения» гуманитарного знания «к ценностям» и исследовавшего влияние культурных норм и образцов на поведение и далее на социальную структуру.

Основной вклад в развитие этого подхода применительно к теории политической культуры внес Г. Алмонд. В своих работах 1950—1960-х гг. он проанализировал взаимосвязи политической культуры с

различными типами политических систем, охарактеризовал и структуру политической культуры и предпринял попытку сформулировать концепцию этого явления.

Первая работа Г. Алмонда, посвященная этим сюжетам, — большая статья под названием «Сравнительные политические системы»¹. Дальнейшую разработку эта концепция получила в книге Г. Алмонда и С. Вербы «Гражданская культура» (или «Культура гражданственности»), а также в работе «Политическая культура и политическое развитие», в которой представлен сравнительный анализ политической культуры 13 стран².

Помимо Г. Алмонда и С. Вербы вопросам политической культуры уделяли внимание в своих работах такие известные исследователи, как С. Липсет, Л. Пай, М. Дюверже, М. Крозье и многие другие. В настоящее время существует более ста определений политической культуры и множество подходов к ее изучению.

Вместе с тем многие попытки определения этого явления, принятые «в развитии» теории, способствуют размыванию смысловой нагрузки этого понятия: политическая культура часто трактуется расширительно и утрачивает функциональное значение, заданное «классиками». Как справедливо отмечает Р. Далтон, «с легкой руки М. Каазе, измерение политической культуры стали сравнивать с приколачиванием желе к стене, имея в виду, что данному понятию не хватает точности и оно является скорее субъективной, стереотипизированной характеристикой нации... Одни авторы усматривали проявления политической культуры практически в каждом явлении политической жизни, другие использовали это понятие по «остаточному принципу» для объяснения того, что не поддавалось анализу иными средствами... Надо также отдавать себе отчет, что наше понимание элементов политической культуры и отношений между ними не намного продвинулось по сравнению с «Гражданской культурой», опубликованной Алмондом и Вербой в 1963 г.»³. Поэтому при определении политической культуры целесообразно обратиться, в первую очередь, к наследию «классиков».

Основным мотивом, который способствовал занятиям Г. Алмонда политической культурой, был следующий. Г. Алмонд считал, что тра-

¹ Almond G. Comparative Political Systems//Journal of Politics. 1956. Vol. 18. № 3.

² Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Countries. Princeton, 1963; Political Culture and Political Development. Eds. by Pye L., Verba S. Princeton, 1965.

³ Далтон Р.Дж. Сравнительная политология: Микроповеденческий аспект//Политическая наука: Новые направления. М., 1999. С. 332, 334.

диционные подходы в политической науке, например институциональные, не в состоянии объяснить, почему одинаковые по форме политические организации действуют по-разному в разных странах. Для объяснения этого Г. Алмонд предложил соединить изучение формальных и неформальных компонентов политических систем с анализом национальной политической культуры.

Г. Алмонду принадлежит функционально точное определение политической культуры, приемлемое для изучения политического поведения и политических процессов. Он считает, что политическая культура состоит из «особых форм ориентацией на политические объекты» которые лежат в основе политической системы. Г. Алмонд и С. Верба пишут: «Термин «политическая культура» подразумевает специфические политические установки (attitudes) в отношении политической системы и ее различных частей и установки по отношению к собственной роли в системе»⁴.

В целом можно сформулировать следующее определение политической культуры:

Политическая культура — система ориентации и установок относительно политической системы и ее составляющих, а также относительно образцов политического поведения.

Политическая культура как совокупность политических ориентации, строго говоря, не принадлежит ни миру собственно политического, ни среде, окружающей политическую систему (социальной, культурной). Политическая культура как бы посредует отношения между миром политического и средой, обеспечивая взаимодействие между областями социальных отношений, культурных норм и стереотипов и политических процессов. Поэтому вполне объяснимо влияние на политическую культуру, например, господствующих мировоззренческих ориентации и ценностей. Так, важное влияние может иметь принадлежность граждан к так называемой западной или восточной цивилизации. Различное решение вопроса о месте человека в мире, о допустимой степени человеческой активности и т.п. может оказывать влияние на степень вовлеченности человека в политический процесс, преобладание реформаторских или ретроградных установок и т.п. Вместе с тем необходимо учитывать, что сами мировоззренческие ориентации не являются частью политической культуры и могут рассматриваться лишь как факторы, оказывающие на нее влияние.

⁴ Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Countries. Princeton, 1963. P. 13.

Достаточно важным является вопрос о структуре системы ориентаций, образующих ту или иную политическую культуру. Этот вопрос значим не только с точки зрения сугубо теоретической, но и с точки зрения задач эмпирических исследований (особенно необходимо отметить его важность для социолога, которому необходимо решить проблемы измерения того или иного явления). Существует большое количество вариантов операционализации понятия «политическая культура», предложенных учеными, занимавшимися политической культурой. Приведем в пример несколько основных.

Г. Алмонд и С. Верба предложили свое видение структуры системы ориентации, составляющей политическую культуру. Они считали, что эта структура состоит из ориентации различных типов:

- «когнитивные ориентации» — знание и убеждение о политической системе, ее роли и тех, кто выполняет политические роли;
- «аффективные ориентации» — чувства относительно политической системы, ее роли и тех, кто выполняет политические роли;
- «оценочные ориентации» — убеждения, мнения о политических объектах (своеобразная комбинация ценностных стандартов, знаний и аффективных ориентации).

Другую типологию ориентации, составляющих структуру политической культуры, артикулировал, вслед за Г. Алмондом и С. Вербой, американский исследователь В. Розенбаум⁵. Он выделяет несколько групп политических ориентации в зависимости от объекта, составляющих в совокупности, по его мнению, политическую культуру:

1. *Ориентации относительно институтов государственного управления.* Эта группа, в свою очередь, состоит из нескольких типов:
  - Ориентации относительно политического режима, включающие в себя оценку и реакцию индивида на государст-

⁵ Rosenbaum W.A. Political culture: Basic Concepts in Political Science. N.Y., 1973.
Г. Алмонд и С. Верба рассматривали политическую культуру как явление, существующее в трех измерениях: «сущностное содержание», разнообразие политических ориентации и взаимодействие первого и второго. «С точки зрения «сущностного содержания» мы можем говорить о «системной» культуре, «процессуальной» культуре и культуре «политического курса». «Системная» культура нации включает в себя распределение установок относительно национальной общности, режима и властей... «Процессуальная» политическая культура нации включает в себя установки относительно самого себя в политике... Культура «политического курса» состоит из распределения предпочтений относительно входов и выходов политики...» — Almond G. The Intellectual History of the Civic Culture Concept/The Civic Culture Revised. Boston, 1980. P. 28.

венные институты, официальные нормы и символы, на официальных лиц.

— Ориентации относительно «входов» и «выходов» политической системы, включающие оценку и реакцию на решения государственных властей, на различные требования по отношению к ним. Таким образом, этот тип включает в себя удовлетворенность (или неудовлетворенность) политикой, представления о том, какие требования человек может выставить по отношению к властям, насколько и как, по его мнению, может быть эффективной государственная политика.

2. *Ориентации относительно «других» в политической системе.*

— Политическая идентификация, то есть осознание принадлежности к какой-либо группе, политическому образованию (нация, государство, город, район, политическая партия и т.д.).

— Политическая вера, то есть убежденность индивида в том, что другие акторы политической жизни означают для него нечто хорошее (или плохое), готовность сотрудничать с различными группами или, наоборот, противостоять им.

— Ориентации относительно правил игры, включающие в себя представления о том, какие правила игры должны соблюдаться в политической жизни, отношение к правам и обязанностям, к политическим мнениям, к диссидентам и т.п.

3. *Ориентации относительно своей собственной политической деятельности*

— Политическая компетентность, то есть ориентации на регулярное или нерегулярное участие в политической жизни (частота участия в выборах и других видах политической активности, знание о политических событиях, интерес к политике).

— Политическая действенность, то есть представления о степени ответственности власти за свои действия, о важности гражданской активности и участия в политической жизни, о возможности оказывать влияние на политические решения посредством участия.

Важным показателем, характеризующим структуру национальной политической культуры, является степень ее однородности. Обычно под влиянием социально-культурных и политических условий складываются не только общие для всей нации черты политической культуры,

но и групповые типы политической культуры, характерные для отдельных социальных, этнических, конфессиональных и т.п. образований групп. Такие особые типы, характеризующиеся специфической купностью политических ориентации на политическую систему, власти и их представителей, на определенные формы политической активности, называются субкультурами.

Политические субкультуры есть во всех странах. Вместе с тем в некоторых из них они сосуществуют относительно бесконфликтно, что является показателем однородности политической культуры. В тех же между представителями различных субкультур существуют серьезные противоречия и даже расколы. Наличие сильных, во многом самостоятельных субкультур, часто антисистемных, отсутствие политического консенсуса между представителями различных субкультур, значительный раскол в структуре политических ориентации, неравномерность развития отдельных субкультур являются показателями неоднородности политической культуры.

Данная характеристика политической культуры, наряду с некоторыми другими показателями, легла в основу типологии политических систем, предложенной Г. Алмондом и С. Вербой. Более поздние исследования (например, анализ функционирования демократии и демократического строительства в многосоставных обществах, предпринятый А. Лейпхартом⁶) показали продуктивность использования данного критерия.

2. Типы политической культуры

В современном мире наблюдается большое разнообразие национальных типов политических культур. В целях их исследования и классификации необходимо иметь адекватный инструмент, то есть некую идеальную модель (или модели) политической культуры. Из чего же она должна состоять? Принимая во внимание основные положения структурно-функционального подхода к анализу политических систем, Г. Алмонд и С. Верба в качестве основных объектов ориентации выделили политическую систему в целом, ее «вход» и «выход» (то есть требования и поддержку, а также реакцию на принимаемые решения и их реализацию), индивида как политического актора. По их мнению, каждой модели политической культуры (каждому «идеальному типу») соответствует своя комбинация ориентации на эти объекты.

⁶ Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: Сравнительное исследование. М., 1997. Гл. 1.

Исходя из этих посылок, Г. Алмонд и С. Верба выделили три основные модели («идеальных типа») политической культуры:

- ◆ «Парохиальная» (parochial culture) политическая культура (иногда ее называют приходской, традиционной, патриархальной). Этот тип политической культуры характеризуется полным отрывом населения от политической системы, полным отсутствием знаний о ней. В таких обществах отсутствуют специализированные политические роли, основные акторы (вожди, шаманы и др.) реализуют одновременно и политические, и экономические, и религиозные функции. Кроме того, не дифференцируются политические, экономические и религиозные ориентации населения. Преобладает территориальная и социально-культурная идентификация: человек идентифицирует себя, в первую очередь, как часть локального сообщества (рода, деревни и т.п.).
- «Подданническая» политическая культура (subject culture). Этому типу политической культуры свойственно пассивное политическое поведение, ориентация на господствующие официальные ценности и нормы, отсутствие самостоятельного осмысления этих ценностей. В целом у людей преобладает своего рода потребительско-патерналистское отношение к политической системе: члены сообщества либо ожидают благ, либо боятся наказания. Такой тип политической культуры можно встретить в обществах, где отсутствует четкое выделение входных каналов политической системы, а индивиды не рассматривают себя в качестве политических акторов.
- * «Партисипаторная» политическая культура (participant culture) или культура участия (активистская политическая культура). «Партисипаторному» типу политической культуры свойственно активное участие индивидов в политической жизни, основанное на достаточно высокой политической грамотности граждан и их убежденности в способности повлиять на процесс принятия политических решений посредством собственного участия. Такие общества характеризуются относительно высокой степенью функциональной дифференциации: различные сферы общественной жизни относительно автономны, а подсистемы достаточно развиты и разветвлены (в частности, политическая подсистема).

Данную типологию можно представить в виде таблицы, в которой отмечено наличие (+) или отсутствие (-) ориентации на основные политические объекты.

Таблица 5.

«Идеальные» типы политических культур как комбинация ориентации на политические объекты.

	Восприятие политической системы в целом	Ориентации на «вход» системы	Ориентации на «выход» системы	Самовосприятие человека как актора политического процесса
Парохиальная	—	—	—	—
Подданическая	+	—	+	—
Партисипаторная	+	+	+	+

В современном мире эти типы политической культуры в чистом виде отсутствуют. В частности, в демократических странах невозможно в чистом виде найти партисипаторный тип политической культуры «граждане демократических стран редко живут в соответствии с этой моделью. Их нельзя назвать ни хорошо информированными, ни глубоко включенными в политику, ни особо активными, а процесс принятия электоральных решений является чем угодно, только не процессом рационального расчета»⁷.

В действительности национальные политические культуры сочетают в себе различные типы, то есть являются смешанными. Комбинации этих типов могут быть разные. Г. Алмонд и С. Верба при сравнительном изучении политических культур задались вопросом, существует ли демократическая политическая культура, то есть некий набор ориентации, который благоприятствует стабильности демократии, то есть «подходит» демократической системе.

Их основной вывод заключался в том, что наиболее оптимальным для стран стабильной демократии является смешанный тип политической культуры, выявленный в Великобритании и США, — гражданская политическая культура (или политическая культура гражданственности). В рамках этой культуры «многие граждане могут быть активными в политике, но многие другие играют более пассивную роль подданных... даже у тех, кто исполняет гражданскую роль, качества подданных и прихожан не полностью вытеснены... Это означает, что активный гражданин сохраняет свои традиционалистские, неполитические связи, равно как и пассивную роль подданного... Политическая деятельность представляет собой лишь часть интересов гражданина, причем как правило, не очень важную их часть. Сохранение других ориентаций

⁷ Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полит. 1992. № 4. С. 122.

ограничивает степень его включенности в политическую деятельность и поддерживают политику в надлежащих рамках. Более того, ориентации прихожанина и подданного не просто сосуществуют с ориентациями участника, они пронизывают и видоизменяют их. Так, например личные связи важны в становлении типов гражданского влияния. Кроме того, взаимопроникающие структуры общественных и межличностных связей имеют тенденцию воздействовать на характер политических ориентаций — делать их менее острыми и разделяющими»⁸.

Согласно Г. Алмонду и С. Вербе, для гражданской культуры характерны два «противоречия»: между высокой оценкой своей потенциальной влияния на политические решения и более низким уровнем реального влияния, между степенью распространения вербального признания обязательности участия граждан в политической жизни и реальной значимостью и объемом участия. Эти два противоречия, по мнению авторов «Гражданской культуры», помогают понять, каким образом в странах стабильной демократии разрешается дилемма, оптимальное сочетание сторон которой крайне важно для поддержания стабильности: между активностью и влиятельностью неэлитных групп и их пассивностью и невлиятельностью, между властью правящей элиты и ее подконтрольностью и ответственностью. С одной стороны, бездеятельность обыкновенного человека помогает обеспечить правящие элиты властью в той мере, которая необходима для эффективного решения проблем. С другой стороны, роль гражданина, как активного и влиятельного фактора, обеспечивающего ответственность элит, поддерживается благодаря его приверженности нормам активного гражданства и его убежденности, что он может быть влиятельным политическим актором.

Таким образом, гражданин в стране с гражданской политической культурой является потенциально активным. Он не выступает как постоянный участник политического процесса, редко активен в политических группах, но при этом обладает резервом потенциальной влиятельности. То есть он считает, что в случае необходимости может мобилизовать свое социальное окружение в политических целях. Гражданин, живущий в такой стране, в большей степени склонен поддерживать на высоком и постоянном уровне политические связи, входить в какую-либо организацию и участвовать в неформальных политических Дискуссиях. Эти виды деятельности сами по себе не указывают на активное участие в процессе принятия политических решений, но делают такое участие более вероятным.

⁸ Там же. С. 122—123.

Каждый из предложенных Г. Алмондом и С. Вербой идеальных типов политической культуры на практике, как считали авторы типологии, отражает специфику той или иной «идеальной» субкультуры. Особое сочетание этих субкультур обуславливает национальные особенности политической культуры в той или иной стране. На основе анализа результатов социологических исследований они сделали попытку описать примерные пропорции, в которых сосуществуют субкультуры, соответствующие идеальным типам, в национальных политических культурах. Примерная «формула» гражданской культуры выглядела следующим образом: 60% «участников», 30% «подданных» и 10% «парохиалов». Были также выделены и другие «формулы», соответствующие авторитарной переходной системе, «демократической» доиндустриальной системе и т.д.

Приведенная «классическая» типология политической культуры и идея гражданской культуры вызвала серьезную критику со стороны различных исследователей. В частности, критику вызвали методы измерения наличия или отсутствия гражданской политической культуры. Например, во время социологического исследования респонденту предлагалось отметить черты его страны, которыми он гордится, поскольку Г. Алмонд и С. Верба выдвинули гипотезу, что гражданская культура предполагает высокий уровень гордости населения за свою страну и в особенности за ее политическую систему (один из показателей легитимности). Наиболее высокий уровень был в Великобритании и США. Вместе с тем авторы не учитывали разные исторические и общекультурные традиции различных стран, а также смысловую нагрузку тех или иных выражений, используемых при выработке инструмента (в частности, например то, что слово «гордость» имеет несколько разное значение в рамках различных культур).

О несовершенстве предложенной типологии и исследовательского инструмента свидетельствует и тот факт, что модель гражданской политической культуры, результаты операционализации этого понятия и применения предложенного инструмента приводили порой к парадоксальным выводам. В частности, по мнению некоторых советологов, они во многом отражали советскую реальность. Политическая культура США и Великобритании оказывалась во многом идентично политической культуре СССР. Вместе с тем сам подход к анализу политической культуры, основанный на сравнении «реальных» политических культур с идеальными типами, следует признать достаточно плодотворным.

Г. Алмонд предложил и другую типологию политической культуры, а точнее, выделил два «полярных» типа политической культуры, основанных

на дополнительном критерии (наличие или отсутствие консенсуса). По этому критерию политические культуры можно разделить на поляризованный и консенсусный типы (большинство национальных культур можно расположить на оси от поляризованного к консенсусному типу).

В поляризованной политической культуре преобладают крайние и леворадикальные ориентации. К центру относятся только 25% населения, в то время как к крайним — около 45%. Нет согласия большинства по поводу приоритетных ценностей развития. Консенсусная политическая культура базируется на согласии большинства. В ней преобладают центристские, умеренные ориентации (примерно 55%), лишь около 10% граждан занимают радикальные позиции.

В настоящее время использование данного критерия (наличие или отсутствие консенсуса) является достаточно распространенным и дает неплохие результаты. Вместе с тем типологическая схема, основанная на выделении различных совокупностей политических ориентации, также получила дальнейшее развитие.

Так, например голландские исследователи Ф. Хьюнкс и Ф. Хикспурс в середине 1990-х гг. пытались усовершенствовать типологию политических культур Алмонда и Вербы, дополнив ее новыми типами: «гражданская партисипаторная культура» (civic participant culture), «клиентелистская культура» (client culture), «протестная культура» (protest culture), «автономная культура» (autonomus culture) и «культура наблюдателей» (spectator culture)⁹. Эти типы политической культуры также необходимо рассматривать как идеальные типы, отражающие основные характеристики субкультур, представленных в рамках национальных культур.

Исходя в целом из заданной Г. Алмондом и С. Вербой схемы операционализации понятия «политическая культура», Ф. Хьюнкс и Ф. Хикспурс предложили следующую совокупность индикаторов измерения этого явления. В качестве индикатора ориентации в отношении политической системы в целом (про- или антисистемной) они рассматривали степень интереса индивидов к политике. В качестве индикатора ориентации относительно «выхода» системы использовался уровень доверия к государственным институтам и управленческому аппарату. Индикатором ориентации относительно собственной политической компетентности выступала оценка возможности личного уча-

⁹ Heunks F., Hiksloops F. Political Culture 1960—1990/Values in Western Societies. Ed by De Moor R. Tilburg, 1995.

ствия в политической жизни и воздействия на политику. Каждый из выделенных типов политических культур описывался особым сочетанием значений данных индикаторов.

Таблица 6.

Типы политических культур (Ф. Хьюнкс и Ф. Хикспурс)

(- отсутствие или слабо выраженная ориентация, + присутствие ориентации).

Наименование типа	Ориентации на объекты						
	Ориентации на систему			Ориентации на «выход»		Ориентации в отношении собственной политической компетентности	
Индикаторы ориентации							
	Интерес к политике		Политическое доверие		Участие в политических акциях		
	Высокий	Средний	Низкий	Высокое	Низкое	Высокое	Низкое
Пассивные культуры							
Парохиальная	—	—	+	—	+	—	+
Подданическая	—	—	+	+	—	—	+
Наблюдателей 4	—	+	—	—	+	—	+
Наблюдателей 3	—	+	—	+	—	—	+
Наблюдателей 2	+	—	—	—	+	—	+
Наблюдателей 1	+	—	—	+	—	—	+
Активные культуры							
Протестная	—	—	+	—	+	+	—
Клиентелистская	—	—	+	+	—	+	—
Автономная	—	+	—	—	+	+	—
Гражданская	—	+	—	+	—	+	—
Партиципаторная	+	—	—	—	+	+	—
Гражданская партиципаторная	+	—	—	+	—	+	—

Как видно из таблицы, все представленные типы политических культур делятся на две группы: пассивные и активные. Такое разделение проведено в соответствии со значениями уровня ориентации индивидов на самих себя как акторов политического процесса, измеряе-

в рамках социологического исследования посредством вопроса готовности принять участие в различных политических акциях, в том числе и протестных, и о реальном участии в таких акциях.

Уровень интереса к политике и политического доверия использовался для выявления различных типов внутри этих двух больших политических культур. Обосновывая расширенную типологию, авторы указывали на существование различных типов политических культур внутри западного общества, а также отмечали необходимость пересмотра «классической» типологии Г. Алмонда и С. Вербы в связи с произошедшими за последние тридцать лет изменениями.

Рассмотрим отличия выделенных групп и типов. Во второй группе политических культур люди убеждены в своей возможности влиять на политические решения и высказывают намерение участвовать в политических акциях. В первой группе, напротив, граждане не считают, что могут оказывать влияние на политику и не желают участвовать в политических акциях. Для первой группы политических культур в целом характерна политическая апатия, а для второй группы активизм как ориентация на прямое действие, позволяющее достичь определенных позитивных политических или общественных результатов. Политические культуры первой группы наиболее характерны для динамичных, развивающихся обществ (по мнению авторов, западных обществ), в то время как политическое культуры второй группы — для стагнирующих, застывших обществ.

Политическая апатия типична для подданической политической культуры, где сочетаются доверие к чиновникам, минимальные знания о системе и правительственном курсе. Также типична она и для парохиальной культуры, которая характеризуется отсутствием доверия к государственному аппарату и интереса к политической системе. Группа политической культуры «наблюдателей» также характеризуется политической апатией, хотя и отличается более высоким по сравнению с парохиальной и подданической культурами уровнем интереса к политике.

Ф. Хьюнкс и Ф. Хикспурс, вслед за Г. Алмондом и С. Вербой, предприняли попытку описания национальных политических культур и их динамики с помощью выявления совокупности субкультур (идеальных типов политических культур), характерной для той или иной страны. Результаты расчетов, проведенных по данным опросов 1990 — 1991 гг., свидетельствовали, что во современных западных обществах более распространены субкультуры из группы «активных политических культур».

Таблица 7
Характеристика национальных политических культур в 1990-х гг.
(в %).¹⁰

Типы политической культуры	Страна					
	США	Великобритания	Западная Германия	Италия	Мексика	РФ, ¹¹
	1990	1990	1990	1990	1990	1996
Парохиальная	3	3	4	9	12	9
Подданическая	4	2	3	6	5	5
Наблюдателей	3	2	5	1	3	56
Гражданская	26	16	16	5	8	2
Гражданская партиципаторная	8	5	9	1	1	1
Партиципаторная	7	7	14	5	6	5
Клиентелистская	17	20	8	15	13	0
Автономная	16	19	24	16	19	22
Протестная	16	26	17	42	33	0

Анализ динамики особенностей национальных субкультур за три десятилетия (конец 50-х — начало 60-х гг. — начало 90-х гг.) позволил сделать следующие выводы. «Гражданская» культура, для которой характерны относительно высокий уровень доверия населения к представителям власти, относительно высокий интерес к политике, осталась важным типом политической субкультуры в Великобритании, США, а также широко распространилась и в Германии. В англосаксонских странах по сравнению с 60-ми гг. стала менее распространенной «гражданская партиципаторная» субкультура, для которой характерно отсутствие доверия к государственным служащим в сочетании с высоким уровнем интереса к политике.

В западных странах появилась и сохраняется «автономная культура», для которой характерно отсутствие доверия властям при невысоком интересе к политике. Наряду с этим в этих обществах постепенно исчезают пассивные типы политической субкультуры (парохиальная и подданическая).

Ф. Хьюкс и Ф. Хикспурс показали, что распространенность отдельных субкультур среди различных социальных групп неодинакова

¹⁰ Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и изменения. Международные сравнения. М., 1998. С. 194.

висит от социально-демографических и социально-статусных характеристик. В частности, гражданская субкультура имеет достаточно широкое распространение только среди высокостатусных категорий населения, автономная и партиципаторная субкультуры также широко представлены среди представителей высших социальных групп, а также лиц с высшим образованием и мужчин, клиентелистская, парохальная и подданическая в наибольшей степени распространены среди представителей низкостатусных групп.

3. Политическая культура России

Интерес к российской политической культуре в западной науке возник за несколько лет до открытия концепции «гражданская культура». Этот интерес во многом объяснялся ситуацией послевоенного периода, когда произошло расширение социалистического лагеря, а тоталитарный режим продемонстрировал свою жизнеспособность. В 1950—1951 гг. в рамках Гарвардского проекта было опрошено свыше трех тысяч беженцев из СССР¹¹. Годом раньше ученые Колумбийского университета под руководством М. Мид создали группу по изучению отношения советского общества к власти¹². Основным предметом анализа этих исследований явились предполагаемые установки и ценности жителей СССР, которые способствовали возникновению тоталитарного строя и обеспечили возможность его длительного и устойчивого существования. Эти элементы выделялись при анализе исторического прошлого, традиций, особенностей национального характера. Выводы исследований в рамках Колумбийского и Гарвардского проектов подтверждали тезис Г. Алмонда и С. Вербы о необходимости соответ-

¹¹ Проект осуществлялся Русским исследовательским центром Гарвардского Университета. Одной из задач исследования было создание рабочей модели Советского Союза, которую можно было бы применять к анализу других промышленных стран.

¹² Эксперты обнаружили, что модели власти, характерные для советского строя, адекватны традиционным народным предпочтениям россиян, которые, по мнению М. Мид, склонны к «чрезвычайным колебаниям в настроении... ненавидят власть и все же чувствуют, что сильная центральная власть необходима для сдерживания их собственных импульсов». Исследователи, в свою очередь, опирались на исследования Д. Горера, который попытался создать модель «русского характера». Ученый утверждал, что русские люди предрасположены в некоторые моменты к насилию и в тоже время готовы подчиняться произволу власти. Эти моменты объясняются практикой тугого пленения младенцев.

ствия между политическими институтами и политической культурой для стабильности политической системы.

Вскоре после публикации работы Алмонда и Вербы «Гражданская культура» стали осуществляться попытки применить предложенную ими концепцию к анализу российской политической культуры¹³. Всплеск интереса к ней в 60-е гг. связан не только с открытием нового методологического подхода, но и с желанием применить его для анализа новых реалий общественной жизни Советского Союза («хрущевская оттепель», процессы демократизации и т.д.).

С 80-х гг. интерес к политической культуре России среди западных и российских ученых объясняется стремлением понять процессы трансформации, реформирования, происходящие в российском обществе, и создать жизнеспособную прогнозную модель дальнейших преобразований. Вопрос о роли «субъективного» фактора в этом процессе является центральным: насколько преобразования вызваны общественно-политическими установками, насколько одно соответствует другому.

Исследователи пытаются описать политическую культуру России с точки зрения актуальных в настоящее время теорий модернизации, транзитологии, демократизации, рассматривая способность России перейти к подлинно демократическому режиму. Попытки эти осуществляются в нескольких направлениях: поиски демократической субкультуры в рамках национальной, подлинно демократических институтов (или их зачатков) в современном российском обществе, демократических традиций в национальном сознании (например, традиции самоуправления в крестьянских общинах, успешный опыт предпринимательства промышленников-старообрядцев и т.п.).

В целом можно выделить два основных подхода к анализу российской политической культуры: первый опирается на исследование особенностей российского национального характера и причин, их обуславливающих. При таком подходе анализ начинается с рассмотрения культурных традиций, исторической специфики России, ее геополитического положения и прочих «примордиалистских» факторов.

Второй подход не столько отвергает, сколько дополняет предыдущий: национальная политическая культура описывается с точки зрения внутренней специфики закономерных (универсальных) процессов модернизации. Состояние социополитической системы определяется

¹³Через два года вышел сборник под ред. Вербы и Пая, в котором анализировались результаты исследований большого количества государств, в т.ч. и Советского Союза (Barghoorn F. Soviet Russia: Orthodoxy and Adaptiveness//Political Culture and Political Development. Ed. by Pye L., Verba S. Princeton, 1965).

не столько особенностями ценностей, норм, установок, сколько логикой объективных процессов¹⁴.

По 80-х гг. во взглядах на российскую политическую культуру господствовала монистическая («монотилистическая») модель. Возникновение и существование тоталитарной политической культуры связывалось с национальной культурной спецификой (генотипом), уходящей корнями в глубокую древность, которая обусловила особенности российского общественного устройства: сначала абсолютизм, затем социалистический строй. Предметом исследования являлись взаимодействие государства и общества, традиционное отношение к власти, формы протестного поведения.

По мнению многих исследователей, особая роль государства в России объясняется своеобразием ее геополитического положения и изначальной этнической неоднородностью, что вызывало необходимость в жесткой силе, способной структурировать и организовать географическое и социальное пространство. «Реальность страны такова, что огромность пространства служила причиной усиления централизованного государства. Разнородные этнонациональные, конфессиональные, культурные и иные общности, нередко конфликтовавшие между собой... оказывались заинтересованными жить под крышей империи. Сильное централизованное государство служило объединяющим все эти общности началом... В этом плане в России не было каких-либо негосударственных структур и норм, призванных обеспечить порядок, целостность и жизнеспособность общества»¹⁵.

Такая вседвоящая роль государства сформировала ситуацию, в которой индивид и общество выступали не как полноправные акторы, а как пассивные субъекты политического процесса. Интересы личности изначально приносились в жертву коллективному благу, понятия «личное» и «общественное» выстраивались как взаимоисключающая оппозиция, антагонизм. Вытекающий из специфики государственности характер государственной власти (тотальность, контроль за всеми сферами жизни, отчужденность от общественной сферы) формировал неоднозначные установки в отношении нее в массовом сознании: с одной стороны, завышенные ожидания от власти (причем не столько в форме

¹⁴ Например, пассивность масс в начальный период процесса, когда происходит разрушение старой институциональной системы, объясняется тем, что роль общественного мнения невелика, но значительно влияние элитных групп, которые иницируют и направляют этот процесс. См., например: Вайнштейн Г. Общественное сознание и трансформационные процессы в России//МЭМО. 1999. № 12.

¹⁵ Аджиев К. Размышления о политической культуре современной России//МЭМО. 1996. № 2. С. 32.

конкретных правил и законов, регулирующих общественную жизнь, сколько в виде конкретной помощи и поддержки), а с другой стороны, страх, недоверие и ненависть¹⁶. Такое амбивалентное отношение к государству и власти, нечеткость разделения государственной и других сфер жизни послужили причиной и одновременно результатом мифологизации политики, персонализации власти (характерно, например, что большинство российских политических партий, организаций, движений формировалось вокруг известных личностей, получивших популярность на экономическом, общественном или политическом поприще).

Таким образом складывался негативный многовековой опыт: существование в крайне неблагоприятных для внутреннего мира условиях, не поддающихся изменениям, сформировало способность к достижению особой приспособляемости к внешним обстоятельствам. Сформировалась склонность скорее подстраиваться под среду, а не ее изменять ее.

Активное начало проявляется скорее в бунтарском, нежели в протестном поведении, то есть в эмоциональных, по большей части взрывных и разрушительных действиях в отличие от рациональных, планомерно преобразовывающих действительность.

В целом обычным, стабильным состоянием общественного сознания в России является ориентация на приспособление к окружающему миру, выживание в существующих условиях, а не их переустройство¹⁷.

Все вышеперечисленные обстоятельства позволили сделать вывод, что «в условиях тотального запретительства и укрощения естественных человеческих устремлений сформировался тип людей социально апатичных, отчужденных, иронично-скептических»¹⁸. Эту цитату можно обобщить как модель тоталитарного сознания, созданного средой и воспроизводящего элементы тоталитарной политической культуры на всех последующих исторических этапах.

¹⁶ Эта установка — «властенавистничество» — по мнению Ю. Олешука, приобрела в России «характер особой, широкой и стойкой общественной эмоции ... когда оправданный протест и гнев превращаются в дикие предрассудки и обвинения». Олешук Ю. Властенавистничество // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 4. С. 37.

¹⁷ Характерно в этом смысле мнение Ю. Левады, считающего, что конкретные социологические данные указывают на сохранение долготерпения в качестве одного из главных параметров российского общественного сознания — Левада Ю. Социальные типы переходного периода: попытка характеристики // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень ВЦИОМ. 1997. № 2.

¹⁸ Гаджиев К. Указ. соч. С. 24.

Особенности национального менталитета, согласно представителю монистического подхода, сформировали основные черты советской политической культуры: общинность трансформировалась в коллективизм, ориентация на власть — в этатизм и патернализм, пассивность — в апатию, патриархальность — в персонификацию власти, мифологизированность стала основой для советской веры в светлое будущее, мессианство — в представления о ведущей роли СССР в мировой политике.

По мере проведения систематических исследований, взгляд на советскую политическую культуру начинает усложняться. Возникнув первоначально в работах западных авторов, новый взгляд на политическую культуру советского и российского общества начинает утверждаться и в отечественных исследованиях (П. Вайля и А. Гениса, П. Кречмара, В. Паперного, Л. Ионина и др.). Особенно популярной становится идея раскола. При многообразии подходов к анализу этого явления, когда рассматриваются периоды и причины его возникновения, главенствующей становится точка зрения о модернизационном расколе, вызванном антагонизмом между процессами модернизации и традиционалистскими ценностями¹⁹.

Именно этот раскол в различных его модификациях и в настоящее время, по мнению многих ученых, определяет специфику современного состояния российской политической культуры²⁰.

Эта специфика заключается в неинтегрированности и фрагментированности политической культуры России. Отечественные исследователи отмечают характерную для политической культуры России гетерогенность, отсутствие национального согласия по базовым социально-политическим проблемам, наличие конфликтующих субкультур²¹.

В 1990-е гг. проводились многочисленные социологические исследования, выяснявшие отношение россиян к происходящим в стране переменам, их установки к новым социальным условиям, политическим институтам и т.п. Опросы показали, что в конце 1990-х гг. наблюдалось разочарование в демократических идеалах и всплеск патерна-

¹⁹ Так как процесс модернизации в России характеризовался большей драматичностью, чем в других странах, то его результатом явился глубочайший раскол общества. См., например Холодковский К. Г. Идеино-политическая дифференциация российского общества: история и современность // Полития. 1998. № 2 (8).

²⁰ Ван А. Россия: критика исторического опыта. Новосибирск, 1997; Пивоваров В. Политическая культура пореформенной России. М., 1994; Сергеев Н., Бириков В. Российский путь к демократии. М., 1993; Гаджиев К. Указ. соч. С. 34.

²¹ Политическая культура: теории и национальные модели. М., 1994. С. 95.

листских установок. Это дало основание многим ученым считать, что подъем демократических настроений был лишь временным эпизодом, в целом не подрывающим авторитарную традицию российской политической культуры. Другие ученые полагают, что эти тенденции обусловлены разочарованием россиян в результатах проводимых реформ, итогом которых стал кризис во всех областях жизни. И если в восточноевропейских странах отмечается поддержка демократических институтов, даже несмотря на низкую эффективность экономических реформ, а престиж демократических идеалов при этом остается по-прежнему высоким, то в России основы политической лояльности и поддержка гражданами политического режима «оказывается в зависимости от степени удовлетворения их конкретных потребностей со стороны властей. Поэтому низкие оценки деятельности органов власти и демократически институтов в России сопровождаются неверием в их будущее. Рождается противоречие: низкая легитимность российской политической системы вытекает из неэффективности политического курса, проводимого руководством страны, в то время как нелегитимность правления препятствует проведению эффективной политики. Преодоление этого кризиса зависит от того, в какой мере элементы «гражданской культуры» укоренены в массовом сознании»²².

Итак, можно сделать вывод, что политическая культура России включает в себя разнородные пласты и множество элементов, которые с трудом укладываются в рамки традиционных типологий и классификаций. Ее многослойность и гетерогенность, проявляющаяся в существовании множества субкультур, фрагментарность и многомерная конфликтность (то есть наличие размежеваний по нескольким осям) осложняют процесс изучения. Тем не менее наличие данных особенностей не свидетельствует о неприменимости «классических» подходов к исследованию политической культуры России. Их выявление лишь подчеркивает необходимость адаптации «классических» моделей к анализу российского политического процесса.

Вопросы для самоконтроля

1. В чем состоит отличие научного определения понятия «политическая культура» от его обыденного понимания?

²² Гельман В.Я. Политическая культура, массовое участие и электоральное поведение//Политическая социология и современная российская политика. Под ред. Г.В. Голосова, Мелешкиной Е.Ю. СПб., 2000. С. 11.

2. Как возможно изучение отдельных политических культур, существующих в различных странах?
3. Какие идеальные типы политической культуры выделяют исследователи?
4. Какое значение для анализа политических процессов имеет выявление степени однородности политической культуры?
5. Какие существуют подходы к анализу российской политической культуры?
6. В чем специфика российской политической культуры?

Литература для самостоятельного изучения

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии//Полис. 1992. № 4. С. 122—134.
2. Гаджиев К. Размышления о политической культуре современной России//Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 2.
3. Гельман В.Я. Политическая культура, массовое участие и электоральное поведение// Политическая социология и современная российская политика. СПб., 2000.
4. Далтон Р.Дж. Сравнительная политология: Микроповеденческий аспект//Политическая наука: Новые направления. Под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингемана. М., 1999. С.331—335.
5. Пивоваров Ю.С. Политическая культура: Методол. очерк. ИНИОН РАН. М., 1996.
6. Гаджиев К.С. и др. Политическая культура: теории и национальные модели. М., 1994.
7. Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М.: Совпадение, 1998. С. 90—94, 163—194.
8. Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Countries. Princeton, 1963.
9. The Civic Culture Revised/ Ed. by Almond G., Verba S., Boston: Little Brown, 1980.

Политическое сознание

Вопросы

1. Понятие и структура политического сознания.
2. Политические установки и ценности.
3. Политическая идентичность.

1. Понятие и структура политического сознания

Как и термин «политическая культура», понятие «политическое сознание» обозначает некий «субъективный» компонент политических процессов. Вместе с тем эти понятия обозначают разные «субъективные» компоненты. К сожалению, как обыватели, так и отдельные исследователи, достаточно часто их не различают, употребляя выражение «политическое сознание» в качестве синонима политической культуры, и наоборот. Чем же отличаются эти два термина?

Как отмечалось в главе 6, политическую культуру мы можем определить как систему ориентации и установок на политические объекты, а также на образцы поведения по отношению к ним. Политическая культура предстает, в первую очередь, не как изменчивая характеристика индивидуального актора, а как относительно устойчивая характеристика сложного актора (например, политической системы) или как один из параметров политического процесса, происходящего в определенных границах (в первую очередь, территориально-политических, например, мы можем говорить о политической культуре какой-либо страны или европейской политической культуре). Политическая куль-

— понятие, с помощью которого характеризуют «субъективную» [оставляющую политического процесса, протекающего в масштабах тической системы в целом или ее отдельных достаточно крупных ставных частей. В большинстве исследований, посвященных политической культуре, используются показатели, представленные в обобщенном виде (то есть исследователи не делают выводов о политической культуре какого-либо человека на основе выявленных присущих лично ему установок). Иными словами, мы можем анализировать единичные действия отдельных людей или институтов с помощью этого понятия, лишь изучая влияние политической культуры на их поведение и сознание, а также анализируя их вклад в эволюцию политической культуры. Вместе с тем с помощью этой категории мы можем анализировать повторяющиеся параметры повседневного политического процесса или другие, более высокие его уровни.

Под понятием «политическое сознание», как правило, понимается достаточно сложный, многоаспектный комплекс явлений. В политической науке отсутствует его единая трактовка. Более того, зарубежные авторы достаточно редко обращаются к этому понятию, предпочитая употреблять такие слова, как «установки», «ценности», «менталитет» и т.п. В рамках отечественной науки данный термин находит более широкое применение, что связано с отечественным теоретическим наследием (выделением категорий «общественная практика» и «общественное сознание»). Однако большинство российских авторов ограничивается самыми общими определениями, подчеркивая рефлексивную природу рассматриваемого явления. Так, А.А. Дегтярев пишет, что «политическое сознание в основном имеет дело с рефлексивной «субъективацией» политики, то есть с субъективной рефлексией и умонастроениями тех или иных агентов политических отношений. Политическое сознание имеет при этом весьма сложную структуру, включающую в себя множество различных субъектов и типов рефлексии, а также обусловленные ими отдельные уровни и компоненты: общественное, групповое и индивидуальное сознание, политическую психологию и идеологию, чувства и эмоции, представления и идеологемы, ориентации и установки, а также все другие духовные, рефлексивные образования, связанные с познанием и освоением мира реальной политики, требующие, конечно же, каждый в отдельности специального анализа»¹. Другими словами, как пишет известный отечественный исследователь в области политической психологии Е.Б. Шестопал, «политическое сознание представляет собой восприятие субъ-

¹ Дегтярев А.А. Основы политической теории. М., 1998. С. 95-96.

ектом той части реальности, которая связана с политикой, с вопросами власти и подчинения, государством и его институтами»².

Как показывает практика, в рамках данной категории очень часто объединяется множество различных явлений. Для иллюстрации можно привести и другие определения политического сознания, фигурирующие в учебниках по политологии: «Наиболее общей категорией, отражающей всю совокупность чувственных и теоретических, ценностных и нормативных, рациональных и подсознательных представлений человека, которые опосредуют его отношения с политическими структурами, является «политическое сознание»³. «политическое сознание можно определить как комплекс идей, теоретических концепций, взглядов, представлений, мнений, оценочных суждений, эмоциональных состояний субъектов политических отношений»⁴. Таким образом **политическое сознание** определяется как *совокупность ментальных явлений, в которых выражается восприятие политики индивидуальным субъектом политического процесса.*

Несмотря на то, что политическое сознание является результатом не только индивидуального опыта (на него влияют также социальная среда, политические отношения, политическая конъюнктура и другие объективные факторы), с помощью этого понятия мы можем давать характеристику в основном индивидуальным субъектам политического процесса, внутренним процессам, происходящим в сознании индивида. Понятие «политическое сознание» едва ли может применяться также для характеристики сложных субъектов политического процесса (к примеру, нельзя сказать, что для той или иной конкретной политической системы характерно то или иное политическое сознание, в то время как такое употребление понятия политической культуры вполне допустимо). Другими словами, мы можем сказать, что понятие «политическое сознание» по сравнению с понятием «политическая культура» отражает более субъективные явления.

Вполне закономерно возникают вопросы: как относиться к употребляемому словосочетанию «массовое сознание», правомерно ли выделение двух видов политического сознания: индивидуального и массового? С нашей точки зрения, употребление этого словосочетания следует признать правомерным, если оно используется как мет-

² Шестопап Е.Б. Психологический профиль российской политики. М., 2000. С. 157.

³ Соловьев А.И. Политология. Политическая теория. Политические технологии. М., 2000. С. 330.

⁴ Общая и прикладная политология. М., 1997. С. 660.

Рассматривать «массовое сознание» как научную категорию фора. вряд ли уместно. Дело здесь не только в том, что категория политического сознания является недостаточно разработанной, и не в том, что к массовому сознанию часто относят проявления политического поведения (например, массовые психозы), и даже не только в том, что индивиды массового сознания судят по явлениям, получившим название «общественное мнение»⁵.

Под массовым сознанием чаще всего понимают некую сумму индивидуальных ценностей, установок и т.п., полученную в результате эмпирического исследования⁶. При этом определения массового сознания достаточно нечетки. В частности, Б.А. Грушин определяет этот феномен как совокупность «самых разнообразных по их гносеологической и социальной природе духовных образований, не ограниченных лишь формами психики, а относящихся к «разделам», сферам, уровням... психологии и идеологии, эмоций и логики, образов и реакций, обыденного и теоретического сознания, рациональных и иррациональных (в том числе фантастических) представлений и т.д.»⁷

Следует отметить, что политическое сознание, наряду с ценностями, установками и т.п., включает в себя психологический механизм их выработки, поиска собственной позиции. Несмотря на то что влияние среды при этом достаточно очевидно, следует признать, что данный процесс носит индивидуальный характер. Поэтому применение понятия «политическое сознание» к групповым акторам или другим сложным субъектам политического процесса вызывает сомнения. Вместе с тем использование этого словосочетания как метафоры для обозначения статистически выявленной совокупности наиболее распространенных в том или ином обществе ценностей и установок, вероятно, допустимо при наличии необходимых пояснений и оговорок.

⁵ Как известно, существуют различные точки зрения по поводу того, что представляет собой общественное мнение, отражает ли оно истинные настроения и мнение людей. Одна из наиболее распространенных точек зрения на этот счет заключается в том, что «общественного мнения не существует», общественное мнение — некий искусственно созданный фантом. — См., например: Бурдые П. Социология политики. М. 1993; Шампань П. Делать мнение: новая игра политических сил. М., 1997, и др.

⁶ См., например: Башкирова Е.И. Трансформация ценностей российского общества//Полис. 2000. № 6.

⁷ Грушин Б.А. Массовое сознание: опыт определения и проблемы исследования. М., 1987. С. 287.

Политическое сознание тесно связано с политическим поведением (см. главу 8), является его подготовительным этапом, наполняя политическое поведение смыслом, а также делает возможным политическое взаимодействие между субъектами политического процесса. Можно охарактеризовать политическое сознание как «внутреннее политическое поведение, влияющее на «внешнее» поведение человека, то есть на его активность и деятельность.

Что же включает в себя политическое сознание?

Обычно, анализируя политическое сознание, выделяют две основные группы составных частей этого явления: познавательные и мотивационные. К познавательным относят знания о политике, интерес к политическим явлениям и убеждения. К мотивационным — потребности, ценности, чувства и установки. В действительности достаточно сложно выделить тот или иной элемент политического сознания в чистом виде и однозначно отнести его к познавательному блоку или мотивационному. Все эти элементы достаточно тесно переплетаются между собой и оказывают друг на друга взаимное влияние. Так, убеждения могут формироваться преимущественно под влиянием какого-либо чувства или потребности и выступать основой той или иной политической установки.

2. Политические установки и ценности

Одним из важных компонентов политического сознания являются политические ценности. По сравнению с другими компонентами, в частности с политическими установками, ценности, как правило, рассматриваются как более фундаментальные ментальные образования, как «абстрактные идеалы... не связанные с конкретным объектом или ситуацией, как своего рода представления человека об идеальных моделях поведения и идеальных конечных целях»⁸. Таким образом, **ценности** — это оценка идеального объекта в терминах «хорошо», «плохо», представление о том, что желательно и необходимо.

Ценности — характеристика индивидуального сознания, имеющая ярко выраженную социальную природу. Другими словами, можно сказать, что политические ценности — это усвоенные, приспособленные индивидом (под влиянием личного интереса, ситуации и т.д.) социально-групповые представления. Эти представления усваивают-

⁸ Stone W.F., Schaffner R.E. The Psychology of Politics. N.Y., Berlin, 1988. P. 63.

ся личностью в процессе социализации и служат своего рода «фильтром», с помощью которого формируются конкретные политические установки.

Каково же отличие политических ценностей от политических установок? Ценности являются представлением человека об идеальном или ряде объектов (например, о политической партии вообще или о свободе слова), в то время как установки характеризуют отношение людей преимущественно к конкретным объектам (данное раз- является, конечно, условным). Кроме того, ценности оказывают значительное влияние на формирование конкретных политических установок, поэтому могут рассматриваться как один из элементов установок⁹.

Ключевую роль во взаимоотношениях «внутреннего» и «внешнего» поведения человека играет политическая установка: она «предшествует действию, являясь его начальным этапом, настроен на действие»¹⁰.

Что же такое политическая установка? Несмотря на то что это понятие достаточно широко используется в политической науке, среди исследователей нет единого мнения, что представляет собой это явление.

Отечественные специалисты в области политической психологии трактуют установку вслед за грузинским психологом Д.Н. Узнадзе как «специфическое состояние субъекта, которое характеризует его готовность к совершению действия, направленного на удовлетворение данной потребности в данной ситуации»¹¹.

В зарубежной политической науке для обозначения сходного явления существует термин attitude, который не имеет точного соответствия в русском языке. Для обозначения данного явления, как правило, используются разнообразные понятия, как «ориентации», «социальные установки», «отношения» и т.д. Под данным термином понимается чаще всего предуготовленность субъекта к некоему восприятию объекта, оказывающему влияние на поведение в отношении этого объекта: «Говоря об индивидуальном аттитюде по отношению к какому-то объекту, мы имеем в виду предрасположенность человека вести себя определенным образом (по отношению к объекту — Е.М.), воспринимать, думать и чувствовать (что-либо — Е.М.) об объекте», «аттитюды — убеждения человека в том, что предмет

⁹ Об этом см. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М., 1994. С. 162.

¹⁰ Шестопап Е.Б. Указ.соч. С. 160.

¹¹ Там же. С. 160.

представляет нечто хорошее или плохое для него, приемлем или для него...»¹². Таким образом, понятие аттитюда имеет более широкий смысл, чем понятие установка. Однако в силу отсутствия явного перевода мы для простоты будем употреблять термин установка для обозначения аттитюда.

Таким образом, применительно к уровню политического подновками (**attitudes**) следует понимать отношение человека к тем или иным политическим объектам (институтам политической темы, лидерам и т.д.), его субъективную готовность вести определенным образом по отношению к этим объектам.

При этом важно отметить, что на формирование политической установки значительное влияние оказывает социальный контекст: политические установки служат выражением глубоких социально обусловленных мотивационных потребностей, таких как ощущения включенности в структуру социальных связей, близости с социальным окружением, безопасности, самопознания и самоутверждения и т.п.¹³

Важной функцией установки, помимо преобразования потребностей и мотивов в действия, является и оценочно-ориентационная функция: «она обеспечивает человека способностью реагировать на ситуацию и внешние объекты (например, на ситуацию неудовлетворенной потребности и объекты, способствующие или препятствующие ее удовлетворению) на основе прошлого опыта. Установка приводит в действие психические процессы и практические действия, адекватные ситуации и объектам, потому что в ней содержится предшествующая ситуации готовая «модель» этих процессов и действия»¹⁴. Другая существенная функция установок состоит «в их способности не только предвидеть... возникшие на бессознательных глубинах психики потребности, но и практически выступать в качестве относительно самостоятельных потребностей и мотивов»¹⁵.

Установки неоднородны по своему происхождению и объектам. В политологии и других общественных науках существуют различные точки зрения относительно их структуры и типологии. Один из распространенных подходов к типологии основывается на таком критерии, как природа элементов, лежащих в основе той или иной установ-

¹² Collins B.E. Social Psychology. Los Angeles, 1970. P.69; Steck P. Grundzuege der politischen Psychologie. Bern et al., 1980. P. 38.

¹³ Stone W.F., Schaffner P.E. The Psychology of Politics. N.Y., Berlin, 1988; Katz D., Stotland C. Preliminary Statement to a Theory of Attitudes. // Psychology: A Study of a science. Ed. by Koch S. N.Y., 1959. Vol. 3 etc.

¹⁴ Дилигенский Г. Указ. соч. С. 135.

¹⁵ Там же. С. 137.

ки. В структуре установки (attitude), как правило, выделяются три элемента:

- 1) когнитивный (связанный со знаниями о политических объектах или явлениях и их нормативной оценкой);
- 2) аффективный (связанный с чувствами, испытываемыми индивидом по отношению к объекту);
- 3) поведенческий (склонность к определенному поведению в отношении объекта)¹⁶.

Одна из известных типологий установок, используемая в рамках отечественной науки и частично основанная на этом критерии, была предложена социологом В.Я. Ядовым. Он выделяет несколько типов установок, занимающих различное функциональное положение в системе личностных диспозиций. Система личностных диспозиций, то есть различных «потребностно-мотивационных структур субъекта, которые... регулируют его социальное поведение», образует «иерархически организованную систему, вершину которой составляет общая направленность интересов и система ценностных ориентации, средние уровни — система обобщенных социальных установок («аттитюдов») на многообразные социальные объекты и ситуации, а нижний — поведенческие готовности к действию в максимально конкретизированных социальных условиях»¹⁷.

Преобразуем данную схему применительно к миру политического. «Вершину» системы установок (attitudes) образует система политических и иных ценностей, имеющих отношение к политическим явлениям, характеризующая направленность в восприятии человека тех или иных явлений политики. Средний уровень — уровень установок, характеризующих отношение граждан к институтам политической системы и политическими лидерам и группам, а также оценка своего места и роли во взаимоотношениях к политической системе (ориентации на политическую систему и на «свои» взаимоотношения с ней). Третий уровень — поведенческие установки (предготовленность к действию) по отношению к конкретным политическим объектам в конкретных условиях.

Некоторое уточнение данной структуры можно сделать на основе классификации политических установок, предложенной американским исследователем В. Розенбаумом и приведенной нами в главе 6. Напомним, что он выделяет три большие группы политических устано-

¹⁶ Ср. выделение экспрессивных, когнитивных и оценочных аттитюдов, характеризующих политическую культуру, Г. Алмондом.

¹⁷ Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, Объяснение, понимание социальной реальности. М., 1998. С. 306.

вок (attitudes), характеризующих, по его мнению, политическую культуру того или иного общества. Эти установки могут быть в основном несены к середине представленной иерархической структуры. Первую группу составляют установки относительно политической системы в целом, восприятия политического режима, господствующих норм правил, органов власти и властных элит (очевидно, что в данную группу попадают не только «обобщенные социальные установки», но и индивидуальные составляющие системы ценностных ориентации). Вторую группу составляют установки, определяющие политическую идентификацию человека, то есть установки по отношению «к другим» в политике (общностям, группам, организациям и т.д.). Наконец, третью группу составляют установки, характеризующие восприятие гражданином «себя» в политике, возможности своего влияния на политическую систему.

Взаимодействие политических установок и их влияние на конкретные политические предпочтения избирателей можно проанализировать с помощью использования «воронки причинности», которая предполагает анализ накопления установок различного уровня и выявление результирующего эффекта такой кумуляции¹⁸.

Зависимость установок и ценностей от социально-исторического контекста проявляется во влиянии на их специфику существующих социальных и социокультурных расколов. В частности, для западных стран долгое время в целом была характерна структура ценностей и установок, сформированная под влиянием социальных расколов индустриального общества. Многим жителям этих стран были присущи «материалистические» или «достижительские» ценности: материальное благополучие, карьера, личная безопасность и т.п.

Как отмечалось в главе 4, переход к постиндустриальной стадии развития сопровождался значительными изменениями в социальной структуре. Сопровождался он и изменениями в структуре ценностных ориентации и, соответственно, политических установок. Известный исследователь Р. Инглхарт охарактеризовал этот процесс как «тихую революцию».

Как отмечал Р. Инглхарт, на этот процесс значительное влияние оказали условия развития Западной Европы: успехи в экономическом развитии и отсутствие военных конфликтов в послевоенный период. Под влиянием этих факторов послевоенное поколение в меньшей

¹⁸ См. Мелешкина Е.Ю. Политические установки // Политическая социология и современная российская политика. СПб., 2000. Подробнее о методологии «воронки причинности», а также о ее применении к анализу демократизации см. гл. 13 данного учебного пособия.

степени оказалось вынужденным заботиться о материальном благополучии и безопасности, чем представители более старших возрастных категорий, переживших Великую депрессию и Вторую мировую войну. Данное обстоятельство обусловило тот факт, что молодое поколение больше внимания стало уделять реализации нематериальных («постматериальных») потребностей, таких как «чувство коллективизма», качество жизни и т.п. Исследования, проведенные в 70-х г., подтвердили эти предположения. Была обнаружена значительная разница между системой ценностей, присущей представителям различных поколений в целом: среди тех, чей возраст превышал 65 лет, соотношение «материалистов» и «постматериалистов» составляло 12:1, среди родившихся после 1945 г. количество «постматериалистов» значительно превышало количество «материалистов». Кроме того, «постматериалисты» преобладали среди студентов, в частности среди участвовавших в студенческих выступлениях 60-х годов¹⁹.

Как показали более поздние исследования, наличие «постматериальной» системы ценностей оказывает значительное влияние на политические установки и ориентации. В частности, отмечается то, что «постматериалисты» чаще, чем «материалисты», симпатизируют левым, неправительственным и нетрадиционным организациям и группам²⁰. Как верно отмечает Р. Дэлтон, в странах Запада современное политическое развитие обуславливается конфликтным сосуществованием двух типов ценностно-ориентационных противоречий: традиционного и нового, основанного на отношении к постматериальным ценностям²¹.

Особенности структуры политических ценностей и установок в посткоммунистических странах определяются спецификой их социально-экономического и политического развития (в частности, переходным характером развития), а также национальными традициями. Трудности в экономической сфере, относительно невысокий уровень экономического развития, нерешенность проблем личной и социальной безопасности, политической стабильности способствуют тому, что

¹⁹ См.: Inglehart R. The Silent Revolution in Europe: International Change in Post-Industrial Societies // American Political Science Review. 1971. Vol. 65. P. 991—1017; Inglehart R. Post-Materialism in an Environment of Insecurity // American Political Science Review. 1981. Vol. 75. P. 880—900.

²⁰ См., например: Inglehart R. Political Value Orientations // Continuities in Political Action: A Longitudinal Study of Political Orientations in Three Western Democracies. Jennings M.K. et al. Berlin, N.Y., 1990.

²¹ Dalton R.J. Responsiveness of Parties and Party System of the New Politics // Politische Klasse und politische Institutionen. Opladen, 1991. P. 40.

«постматериальные» ценности и соответствующие политические ориентации не имеют широкого распространения в России и других странах постсоветского пространства. Вместе с тем «постматериальные» ценности и ориентации представлены и в посткоммунистических обществах, для которых характерно сочетание социально-экономических и политических проблем индустриальной и постиндустриальной стадии развития (таблица 8).

Таблица 8.

Соотношение «материалистов» и «постматериалистов» в 1990 г. (в %)²²

	Материалисты		Постматериалисты	
	«чистые»	«смешанные»	«смешанные»	«чистые»
Нидерланды	11	28	28	33
Западная Германия	15	33	25	28
Франция	21	30	24	25
США	16	30	31	23
Великобритания	20	32	29	20
Россия (Москва)	27	30	30	13
Болгария	31	37	23	9
Польша	37	32	23	18
Восточная Германия	20	35	30	15
Чехия	34	41	21	4
Венгрия	49	30	18	3
Румыния	48	35	12	5

Для большинства посткоммунистических стран характерен процесс трансформации системы ценностей и политических установок, характеризующийся ломкой старой системы ценностей и установок и выработки новой. Как справедливо отмечают В.В. Лапкин и В.И. Пантин, «сегодня практически каждый гражданин постсоветской Роса пребывает в состоянии неопределенности и вариативности выбора между различными направлениями трансформации прежней советской системы ценностей, важнейшими из которых являются русский (советский) традиционализм, умеренное («патриотическое») западничество, радикальный западнический либерализм и потребительский

²² Сост. по: Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М., 1998. С. 241.

М. В связи с этим приходится констатировать не только незавершенность процесса формирования единой непротиворечивой системы ценностей современного российского общества, но и симптомы углубляющегося разложения системы ценностей, существовавшей прежде, ее распада на конфликтующие друг с другом ценности и ценностные блоки. При этом конфликты ценностей наблюдаются не только между различными профессиональными и социально-демографическими группами, но и внутри основных социальных групп российского общества. Ни одна из этих групп не является однородной в отношении ценностных ориентации, которые часто выглядят непоследовательными и противоречивыми²³.

Характеризуя особенности политических установок граждан посткоммунистических стран, необходимо отметить следующее. Завышенные ожидания по отношению к властным структурам, обусловленные во многом прошлым опытом, высокий уровень неудовлетворенности итогами социально-экономического развития, характерный для граждан многих государств посткоммунистического блока, оказывают отрицательное влияние не только на отношение к конкретным политическим силам, но и на восприятие демократических институтов и принципов.

3. Политическая идентичность и ее формирование

С понятием «политическое сознание» тесно связано понятие «политическая идентичность»: политическая идентичность является одним из продуктов политического сознания. Вместе с тем политическая идентичность является также продуктом «объективных» факторов, таких, например, как структура политического пространства и его динамики.

Политическая идентичность сама может оказывать значительное влияние на специфику политического сознания. Поэтому она, при определенных условиях и с известными оговорками, может рассматриваться как составляющая политического сознания.

Политическая идентичность играет существенную роль в процессе формирования «внешнего поведения» индивида: с помощью политической идентичности индивид или группа становится субъектом политических отношений и политического процесса.

²³ Лапкин В.В., Пантин В.И. Ценности постсоветского человека//Человек в переломном обществе: Социологические и социально-психологические исследования/Отв. Ред. Г.Г. Дилигенский. М., 1998. С.28.

Социальную идентичность мы можем определить как отождествление индивидом себя с определенной социальной позицией, социальным статусом. Это явление основывается на саморефлексии индивида, то есть на его восприятии ролевых ожиданий, носителем которых являются окружающие социальные субъекты, а также его способности к интериоризации социально значимых ценностей и образцов, связанных с определенным социальным статусом. Такая саморефлексия основывается на «тождестве и различии, субъективном и объективном». Это означает, что, с одной стороны, «от психологической идентичности социальная отличается тем, что она соотносится с объективно существующими социальными позициями и не может быть «чистым» субъективным опытом»²⁴, а с другой стороны, идентичность представляет собой результат сравнения себя и других социальных субъектов, выявления сходства и различия.

Как правило, занятие определенного места в социальной иерархии связано с принадлежностью к определенной социальной группе, деятельностью в рамках какого-либо социального института. На основе такой принадлежности индивид выделяет из социального окружения «близких» (по социальной позиции), «своих» и «чужих» (то есть происходит формирование бинарной оппозиции «мы» — «они»). При этом такое отождествление связано, с одной стороны, с формированием или воспроизводством чувства групповой принадлежности, а с другой стороны, с восприятием индивида как «своего» со стороны ближайшего социального окружения. Таким образом, мы можем определить социальную идентичность также как ощущение принадлежности к определенной социальной группе на основе выявления сходства и различия по отношению к представителям других социальных групп.

Субъектом социальных отношений, занимающим определенную социальную позицию, может выступать не только индивид, но и целая социальная группа. В таком случае для нее также становится актуальной проблема идентичности.

Социальная идентичность тесно связана с процессом идентификации. Понятие идентификации обозначает соотнесение субъектом себя с определенной социальной позицией на основе саморефлексии. Это же понятие обозначает и соотнесение субъекта с определенной социальной позицией, производимое другими субъектами социальных отношений. То есть процесс идентификации включает в себя также оценку окружающих соответствия занимаемой позиции (в пре-

²⁴ Качанов Ю.Л. Опыты о поле политики. М., 1994. С. 110, 112.

де... но упрощенном виде можно сказать, что окружающие оценивают ответственность субъекта ролевыми ожиданиями). Сходные выводы можно сделать и в отношении политической идентичности.

Как справедливо отмечает Ю. Качанов, «политическая идентичность субъекта установлена, когда другие субъекты политических отношений кодифицируют его как... определенного агента путем приписывания ему тех же значений идентичности, которые он признает для себя или объявляет сам»²⁵.

Таким образом, под **политической идентичностью** следует понимать отождествление субъектом политического процесса себя с определенной политической позицией, признаваемое другими субъектами политических отношений.

Для ясности приведем примеры. Представим себе позицию Президента РФ. Для этой позиции характерен определенный набор ролевых ожиданий, связанных как с формальным и функциональным ее значением, так и с «субъективными» мнениями, суждениями и т.п., имеющимися у рядовых граждан. В процессе идентификации претендент на пост Президента (и в последствии Президент в случае победы на президентских выборах) как бы «примеряет» на себя президентские одежды. С другой стороны, такую же примерку осуществляют и другие субъекты политических отношений. Процесс идентификации завершается успешно в том случае, если претендент начинает воспринимать эти одежды как свои, а другие субъекты убеждаются в том, что эти одежды ему подходят, то есть он соответствует ролевым ожиданиям. В случае с Президентом кульминацией этого процесса выступают президентские выборы.

«Значения идентичности» (возникающие у самого субъекта или у окружающих) формируются под влиянием явлений трех типов: психологической деятельности субъектов, системы ценностей и стереотипов, которые интериоризируются субъектами, и спецификой политической позиции (ее функциональными особенностями, а также «смыслом», придаваемым ею со стороны участников политического процесса).

Политическая идентичность, так же как и социальная, имеет групповую природу. Она проявляется в ощущении принадлежности к какой-либо группе (например, партии, идеологическому течению и т.д.) и/или как отождествление группой себя с какой-либо политической позицией и признание этого со стороны других субъектов политического процесса (например, борьба партий за возможность сформировать прави-

²⁵ Там же. с. 113.

тельство и проводить определенный политический курс, а также последующее поведение ее как правящей партии с целью доказательства своего соответствия этой позиции). Политическая идентичность и идентификация также тесно связаны с легитимностью и легитимацией, ибо идентичность и идентификация предполагает признание правомочности занятия той или иной позиции со стороны других субъектов политических отношений.

Исследователи выделяют различные типы политической идентичности. Некоторые исследователи характеризуют типы идентичности в зависимости от длительности этого состояния, а также степени его интериоризации индивидом. В частности, Ю. Качанов, основываясь на этих критериях, выделяет ситуационную и трансверсальную (надситуационную) политические идентичности. Ситуационная идентичность — это идентичность, непосредственно обусловленная той или иной ситуацией, она связана непосредственно с политической практикой и относительно легко изменчива. «Агент, обладающий ситуационной политической идентичностью, еще не является субъектом в полном смысле этого слова, так как не выступает в качестве «созидателя» своей идентичности. Отличительным признаком ситуационной идентичности служит то, что в ней отсутствует «принятие» личностью интериоризированных норм и правил практики, схем мышления, восприятия и оценивания, которые присущи идентифицируемой политической позиции, в качестве своей политической идентичности. В силу того, что личность не принимает «значения» позиции, ситуационная политическая идентичность не интегрируется с личностными смыслами... непроизвольно навязывается агенту извне...»²⁶

Трансверсальная политическая идентичность длится во времени, то есть обладает устойчивостью. Она появляется на основе «внутренней работы» субъекта по оценке и принятию (или непринятию) ситуационных идентичностей, их интериоризации. Таким образом, «в случае трансверсальной личностной политической идентичности индивидуальное значение политической позиции агента должно отражать значимые для него политические отношения, должно быть интегрировано с личностным смыслом позиции и чувственной тканью политической практики»²⁷. Формирование такой идентичности зависит не только от осознания какой-либо позиции, с которой предстоит идентификация, но и от ценностных ориентации, политических установок и других элементов политического сознания. Если позиция соответствует

²⁶ Там же. С. 115—116.

²⁷ Там же. С. 117.

этим элементам, она может приниматься субъектом, если нет — от субъекту идентичности можно выделить идентичность индивидуального субъекта политического процесса и группового.

По объекту идентификации с определенной группой можно выделить идентичность члена группы интересов, партии, идеологического течения, жителя города или региона, гражданина государства и т.п. При этом следует отметить, что, как правило, у людей преобладает смешанная идентификация. Так, житель Петрозаводска может ощущать себя одновременно коммунистом и жителем города. Он может чувствовать свою принадлежность к Республике Карелия как государственному образованию в составе РФ и к России в целом.

у субъектов политических отношений множество идентичностей выстраивается в иерархическую организацию. Некоторые идентичности оказываются более значимыми, другие занимают подчиненный характер. На массовом уровне специфика этой иерархии зависит от ряда факторов. Такими факторами являются сформированность (или несформированность) современного государства, наличие или отсутствие значимых социальных и политических расколов, кризисный или стабильный характер развития и т.д. В частности отмечено, что в странах развитой демократии Западной Европы, возникших на основе формирования единого национального государства (Nation-State), преобладающей часто оказывается национально-государственная идентичность. Она базируется на ощущении гражданской принадлежности к определенному политическому сообществу — нации (формирование такой идентичности включает, конечно же, не только политический аспект, но и экономический, культурный, исторический и т.д.; следует признать, однако, что политический аспект является одним из самых важных). При этом другие типы идентичности могут существовать не вопреки ей, а, можно сказать, при ее помощи и в ее рамках.

В странах, где государство не обладает всеми чертами современности, где процесс формирования национально-государственной идентичности еще не закончился, где существуют сильные региональные, социальные, культурные противоречия и особые традиции, может преобладать политическая идентичность, связанная с ощущением принадлежности к какой-либо социальной группе, региону, местному поселению и т.д. Такого рода иерархия идентичностей характерна, как правило, для стран «третьего мира», где часто преобладает идентификация с определенным поселением, кланом, религиозной группой и т.д.

Элементы такой иерархии присутствуют и в России, в которой, в силу различных исторических особенностей, процесс формирования

национально-государственной идентичности не завершен. В качестве иллюстрации можно привести слова одного из западных наблюдателей, описывающих свои впечатления времен первой военной кампании в Чечне: «Россияне все еще не воспринимают себя как единое национальное сообщество и испытывают чувство отчуждения от своего государства и дистанцируются от него... Как следствие, для войны на Кавказе была если не абсолютно несправедливой, то уж точно не оправданной. Российские средства массовой информации, независимые от государства в значительной степени, сделали так что москвичи скорее всем сердцем сочувствовали страданиям чеченцев нежели принимали правительственные объяснения причин ввода федеральных войск в республику. Те (на Западе), кто говорит ошей в российском обществе тенденции сдвига в сторону более агрессивного национализма, должны не полениться исследовать отношение общественности к войне в Чечне»²⁸.

Особенности переходного этапа и кризисного развития, становление федеративных отношений, появление субъектов Федерации как политических субъектов способствует усилению негосударственной (нефедеральной) политической легитимности, например региональной. Так, по данным массового опроса, проведенного Фондом общественного мнения 27—28 июня 1998 г., в последнее время среди избирателей России появилась значительная доля тех граждан, у которых преобладает региональная идентификация (35% респондентов ощущают себя скорее жителем отдельного субъекта Федерации, 29% — гражданином России и у 22% респондентов преобладает смешанная идентификация).

Весьма показательным является распределение ответов на вопрос об идентификации по поселенческим группам. Чаще всего ощущают себя, в первую очередь, гражданами России жители Москвы и Санкт-Петербурга (44% опрошенных), а также жители крупных городов с населением свыше 1 млн. чел. (35%). В селах наиболее распространена ориентация на «малую родину»: 40% ощущают себя, прежде всего, жителями своей области, республики, только 22% — в первую очередь, гражданами России, 26% — гражданами России и жителями своей области, республики²⁹.

²⁸ Цит. по: Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М., 1998. С; 271.

²⁹ Про региональную идентичность см., например Мелешкина Е.Ю. Региональная идентичность как составляющая проблематики российского политического пространства//Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. Под ред. М.В. Ильина, И.М. Бусыгиной. М., 1999.

достаточно важным вопросом является проблема идентификации граждан с определенными идейно-политическими направлениями, представляемыми определенными идеологическими течениями. Наиболее — то для характеристики такой идентификации используется шкала «Левый-правый». Данная ось традиционно применяется для описания политического пространства: позиций различных политических сил, политических предпочтений избирателей и т.д. деление на левых и правых имеет достаточно длительную историю: со времен Великой французской буржуазной революции данные слова применялись для характеристики идеологической позиции политических сил. Левыми обычно называли тех, кто выступал за социальные перемены, равенство и социальную справедливость, правыми — тех, кто был сторонником status quo, выступал с поддержкой ценностей индивидуализма, частной собственности, против социального равенства.

Вместе с тем в каждой отдельно взятой стране смысл, вкладываемый в данные понятия, несколько отличается. Эти отличия обусловлены историческими традициями, например формой и содержанием основного политического раскола. Кроме того, на смысловое содержание данных понятий наложили отпечаток особенности социальных конфликтов и социально-политических проблем на определенных этапах развития. Так, например в период Великой французской буржуазной революции левыми во Франции называли сторонников республиканской формы правления, светского государства и т.д. В XX в. понятие «левый» стало в себя включать ориентацию социальную защиту, перераспределение, национализацию и т.п.

Обычно процесс изучения характера политической идентичности граждан и отдельных политических сил с применением данной шкалы включает в себя несколько составных частей. Во-первых, это определение идеологических позиций той или иной политической силы (например, партии) с помощью анализа программ, заявлений, выступлений лидеров. Во-вторых, это определение позиции политической силы по отношению к другим политическим силам (при этом важным является то, как себя позиционирует данная политическая сила и как ее позиционируют другие политические силы). В-третьих, это выявление образов левых и правых в общественном сознании и идентификация определенной политической силы с левыми или правыми. В четвертых, это самопозиционирование граждан на оси левый-правый.

Следует отметить, что данная ось не отражает реальной структуры политического пространства, которое является гораздо более сложным и многогранным. Эта шкала должна рассматриваться как

один из наиболее часто применяемых инструментов анализа. Так, например, для изучения свойств физических тел применяется линейная шкала измерения длины и ширины объекта. При этом никто не утверждает, что длина и ширина — единственные свойства объекта и объект начинается справа и кончается слева и т.д., и все согласны с тем, что для этих же целей могут использоваться и другие измерительные приборы.

Следует, однако, учитывать, что универсальность данного инструмента, а также адекватность предмету исследования составляет большую проблему. Дело не только в том, что многозначность и изменчивость (в зависимости от страны, времени и т.п.) понятий «левый» и «правый» ставит под вопрос корректность применения этой шкалы в целях сравнения, но и в том, что современные тенденции в массовом сознании, в эволюции партийно-политических систем значительно осложняют описание политического пространства с помощью этой оси. Речь идет о сближении позиций политических партий стран развитой демократии по многим вопросам, о размывании в массовом сознании образов левых и правых, о сдвиге к центру в сознании граждан и отказе опрашиваемых идентифицировать себя по шкале левый-правый.

Данные тенденции наиболее отчетливо наблюдаются в странах с традиционно высокой поляризацией политического пространства, где раньше преобладала так называемая «революционаристская» культура политической борьбы (например, Франция, Италия). Так, например, число французов, считающих устаревшим деление политического сообщества на левых и правых, выросло с 33% в 1981 г. до 46% в 1986 г. В 1990 г. процент французов, считающих, что разделение на левых и правых утратило свое значение для определения политических позиций партий и политиков, достиг 56% (против 36%)³⁰.

Вместе с тем ряд исследователей, принимая во внимание отмеченные тенденции, а также возникновение новых ценностных и политических расколов («постматериалистических»), отмечают, что деление на левых и правых в целях исследования до сих пор остается правомерным. Это объясняется тем, что понятия «левый» и «правый» являются «обобщенной характеристикой позиции людей» по важным вопросам³¹, выступают своеобразными лейблами политической идентификации. Кроме того, как показывают результаты социологических ис-

³⁰ Le Nouvel Observateur. 1986. № 1111. P. 26. L'Etat de l'Opinion. C'est pour 1990 p. 171.

³¹ Inglehart R. Cultural Shift in Advanced Industrial Society. Princeton, 1990.

ваний, идентификация на оси левый-правый до сих пор значительно коррелирует с ценностными ориентациями и политическими установками граждан, обусловленными различного рода социальными расколами в обществе³². При этом такая корреляция наблюдается только с традиционными ценностями, но и с «постматериалистическими» — как справедливо отмечает Р. Инглехарт, изменение социальной и политической проблематики выражается в появлении новых политических расколов, дополняющих старое деление на левых и правых, базирующееся на классовых и религиозных факторах, делением на новых левых и новых правых³³. Таким образом, с известными оговорками шкала левый-правый может рассматриваться как один из возможных инструментов исследования политической идентичности жителей стран развитой демократии.

Сложнее обстоит дело с применением этого инструмента для анализа политической идентичности в России (и во многих других посткоммунистических странах). Как показывают результаты многочисленных социологических опросов, среди россиян очень высок процент тех, кто отказывается идентифицировать себя на шкале левый-правый. Дело здесь не только в эффекте «спирали молчания», описанной Э. Ноэль-Нойман. Проблема, как представляется, заключается в следующем. Во-первых, в России отсутствуют традиции политической и идеологической соревновательности (точнее, они были прерваны на достаточно длительный срок). Следовательно, в сознании граждан не могли сложиться более-менее цельные и устойчивые образы левых и правых. Во-вторых, свою роль сыграла специфика употребления этих слов в перестроечный период, когда левыми именовались прореформистские силы, а правыми — противники реформ. Несмотря на то что впоследствии ситуация изменилась (во многом благодаря СМИ, а также самим политикам), употребление этих терминов во второй половине 80-х г. не могло не оставить след в общественном сознании. В-третьих, несмотря на то что строение российского электората имеет тенденцию к полярной дихотомии³⁴, для него характерно наличие множе-

³² Dalton R. Political Cleavages, Issues and Electoral Change//Comparing Democracies. Elections and Voting in Global Perspective. Thousand Oaks, 1996. P.333-334; см. также Huber J. Values and partisanship in Left-Right Orientation: Measuring Ideology//European Journal of Political Research. 1989. № 17.

³³ Inglehart R. Changing Cleavage Alignment in Western democracies//Electoral Change in Advanced Industrial Democracies. Princeton, 1984.

³⁴ Об этом см., например: Мелешкина Е.Ю. Российский избиратель: установки и выбор//Первый электоральный цикл в России, 1993—1996. М., 2000.

ства социально-экономических, культурных и политических расколов, по которым отдельный человек может занимать различные позиции, часто не вписывающиеся в простое деление на левых и правых³⁵. Вероятно, применять шкалу левый-правый для анализа политической идентичности россиян с помощью социологических опросов еще большей осторожностью, чем в западных странах, так как велика опасность навязать респондентам несвойственный им способ «внутреннего поведения».

Пример шкалы «левый-правый» наглядно свидетельствует о том, что исследовательские инструменты, выработанные в рамках зарубежной политической науки, нуждаются в уточнении и адаптации при использовании их для изучения политического сознания граждан России.

Вопросы для самоконтроля

1. В чем заключается отличие политического сознания от политической культуры?
2. Какова структура политического сознания?
3. Какова природа политических установок и ценностей?
4. Какова роль политической идентичности в политическом процессе?
5. В чем достоинства и недостатки идентификационной шкалы левый-правый?

Литература для самостоятельного изучения

1. Бурдые П. Социология политики. М., 1993. С. 80—179.
2. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М., 1994. Гл. 3.
3. Инглехарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества//Полис. 1997. № 4.
4. Качанов Ю.Л. Опыты о поле политики. М., 1994. С. 107—124.
5. Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян//Соц.исс. 1996. № 5.

³⁵ См. об этом, например: Мелешкина Е.Ю. Формирование партийных предпочтений избирателей в посткоммунистических странах Восточной Европы: Обзор исследовательской серии//Выборы в посткоммунистических обществах. Пробл.-тем. сб. ИНИОН РАН. М., 2000.

- 6 Мелешкина Е.Ю. Политические установки//Политическая социология и современная российская политика/Под ред. Г.В. Голосова, Е.Ю. Мелешкиной. СПб, 2000.
- 7 Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М., 1998. Гл. 4—8.
- 6 Шампань П. Делать мнение: новая игра политических сил. М., 1997
- 9 Шестопал Е.Б. Психологический профиль российской политики 1990-х. М., 2000. Гл. 6.
10. Dalton R.J. Citizen Politics in Western Democracies. Public Opinion and Political Parties in the United States, Britain, West Germany and France. Chatham, 1988.
11. Inglehart R. Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton, 1990.

Глава 8

Политическое поведение

Вопросы

1. Политическое поведение, политическое участие и политическая активность.
2. Факторы политического поведения.
3. Протестное поведение в политике.

1. Политическое поведение, политическое участие и политическая активность

Проблемы политического поведения, политической активности давно привлекают интерес исследователей различных стран. Ученые пытаются ответить на вопросы: почему человек участвует в политике, и что «складывается» его политическое поведение, какие факторы влияют на выбор тех или иных форм политического участия, почему индивиды выражают свою поддержку или несогласие с какими-либо политическими силами, курсами, институтами и т.п.

Существует множество ответов на эти вопросы, множество подходов, в рамках которых освещается, как правило, лишь один из аспектов проблемы. Однако проблема политического поведения гораздо сложнее, чем представляется на первый взгляд. Это объясняется не только многообразием самого явления и/или использованием различных методологических подходов для его объяснения, но и существующей терминологической неопределенностью основных понятий.

для отечественной политической науки проблема терминологической неопределенности особенно актуальна. Дело в том, что для описания феномена политического поведения используются такие понятия как «политическое участие», «политическая активность», «политическая деятельность». При этом эти понятия часто не разграничиваются и не определяются вообще. Попытки определения этих понятий предпринятые некоторыми авторами, следует признать недостаточно удовлетворительными в силу того, что в их результате не создается целостной картины политического поведения, способной послужить основой для операционализации этого понятия.

Проблема усложняется еще и отсутствием общепринятых в отечественной науке терминов, позволяющих адекватно передать смысл категорий, используемых в рамках зарубежной политической науки. Так, например, зарубежными исследователями довольно часто используется термин *political action*, который довольно часто употребляется в значении политического участия. Под термином *political behaviour* иногда понимают только электоральное поведение и т.д. В целом ситуацию можно охарактеризовать словами Е.Б. Шестоपाल: «...в политической науке под термином «политическое поведение» понимают как действия отдельных участников, так и массовые выступления, как активность организованных субъектов власти, так и стихийные действия толпы, как акции в поддержку системы, так и направленные против нее. Более того, голосование «против» или неявка на выборы тоже трактуется как формы политического поведения»¹.

Попытаемся систематизировать различные представления о том, из чего состоит политическое поведение, как может измеряться, дадим определения политического поведения и его составляющим.

Политическое поведение (для обозначения этого явления в зарубежной политической науке употребляется термин *political behaviour* или иногда *political action*) можно определить как субъективно мотивированный процесс, в котором воплощается тот или иной вид политической деятельности. При этом под политической деятельностью (*political action*) понимается вся совокупность форм действий политических акторов, обусловленных занятием определенной политической позиции и связанных с целедостижением, реализацией властных интересов. Например, политическая деятельность активиста партии предполагает чтение газет о политике, беседы со знакомыми на политические темы, участие в политических кампаниях и т.д.

¹ Шестоपाल Е.Б. Психологический профиль российской политики 1990-х. М., 2000. С. 123.

Приведем Пример ИЗ обыденной ЖИЗНИ. ВОЗЬМЕМ УЧИТЕЛЯ И ученика средней школы. Мы можем про них сказать, что учитель осуществляет преподавательскую деятельность, а ученик будет осуществлять деятельность совсем другого рода. В то же время конкретный процесс реализации деятельности (поведение) будет зависеть от многих обстоятельств: личностных качеств учителя и ученика, их мотивов, внешних условий и т.д. Поэтому поведение одного учителя может значительно отличаться от поведения другого учителя, несмотря на то, что, на первый взгляд, набор форм их действий может быть одинаковым.

Также и в политической жизни можно различить политическую деятельность и политическое поведение. Мы, например, говорим о политической деятельности депутата парламента. При этом мы подразумеваем некоторый в целом стандартный набор форм действий, хотя не исключаем и возможность вариаций. То же самое относится и к другим видам политической деятельности: деятельности активиста партии, участника митинга, президента и т.д. При этом мы знаем, что тот или иной вид деятельности может реализовываться по-разному. Процесс такой реализации может зависеть от многих обстоятельств. И поэтому мы говорим, что отдельные депутаты или избиратели ведут себя по-разному.

Тесно связанным с понятием политического поведения является понятие политического участия. Политическое участие (political participation) мы можем определить как более или менее регулярное и, прежде всего, инструментальное применение акторами различных форм политической деятельности, посредством которого граждане пытаются влиять на процесс принятия политических решений. Например, один партийный активист может читать газеты, участвовать в деятельности партийного аппарата и организовывать митинги, а другой — читать газеты, посещать партийные собрания и собирать пожертвования.

При этом известно, что разные люди могут участвовать в политике с различной интенсивностью: одни люди только читают газеты, другие еще и ходят на выборы, а третьи ведут активную политическую работу. Да и вовлеченность в один и тот же вид деятельности может быть по-разному: например, один активист может только периодически участвовать в политических кампаниях на правах исполнителя, а другой является их активным организатором, один избиратель может ходить на каждые выборы, а другой только на особо значимые для политической жизни. Для обозначения этих различий существует понятие политическая активность. Под политической активностью (political activity, political involvement) следует понимать интенсивность

участия субъекта в политическом процессе в целом, а также в рамках отдельных форм политической деятельности.

Некоторые индивиды могут не проявлять никакой активности в политике. Для обозначения такого типа политического поведения существует понятие **абсентеизм**. Однако про этих граждан нельзя сказать, что они совсем не участвуют в политическом процессе: отсутствие политической активности не означает тот факт, что человек не является субъектом политических взаимодействий. В качестве самого простого примера можно привести неучастие избирателей в выборах с целью сорвать их проведение. Другие формы абсентеизма также не свидетельствуют о том, что человек не участвует в политической жизни.

В политической науке существуют различные способы типологизации политического поведения и политического участия.

Чаще всего выделяют типы политического поведения и политического участия в зависимости от экстенсивного (количество участников; например, отличают поведение индивида, группового актора и «толпы») и интенсивного (степень активности индивидов, количество затраченных им ресурсов: Денег, времени и т.п.) характера. Другим критерием типологизации политического участия может быть уровень институционализации (от единичных нетрадиционных акций до участия в деятельности высокоинституционализированных политических организаций, например, «традиционных» политических партий). Кроме того, конвенциональный (то есть деятельность в рамках существующих в обществе правил и норм) и неконвенциональный (деятельность вне этих правил и норм) характер деятельности также может выступать критерием типологизации политического поведения и участия.

Наиболее распространенной является следующая типология форм политического участия:

I. Конвенциональные формы

1. Абсентеизм.
2. Чтение о политике в газетах.
3. Обсуждение политических сюжетов с друзьями и знакомыми.
4. Голосование.
5. Работа по продвижению имиджа политической партии или кандидата.
6. Убеждение окружающих голосовать определенным образом.
7. Участие в митингах и собраниях.
8. Обращение во властные структуры или к их представителям.

9. Активность в качестве политического деятеля (выдвижение кандидатуры, участие в выборах, работа представителя руководящего звена партии или другой организации, работа депутата, министра и т.д.).

II. Неконвенциональные формы

1. Подписание петиций.
2. Участие в неразрешенных демонстрациях.
3. Участие в бойкотах.
4. Отказ от уплаты налогов.
5. Участие в захвате зданий, предприятий и сидячих забастовках в их стенах.
6. Блокирование дорожного движения.
7. Участие в стихийных забастовках.

Формы конвенционального и неконвенционального участия, перечисленные под пунктами 1 и 2 в первом случае и 1 — во втором, предполагают низкий уровень активности или вовлеченности в политический процесс. 3 и 4 (2 и 3) — средний уровень и 5—9 (4—7) — высокий уровень. В действительности люди, как правило, участвуют в политической жизни в различных формах: например, один и тот же человек может ходить на выборы, читать газеты и участвовать в блокаде дорожного движения. Поэтому приведенная типология может рассматриваться как вариант операционализации понятия «политическое участие», а также как вариант типологии наблюдаемых форм участия, а не как типология индивидуальных субъектов политического процесса.

Приведем в пример другую типологию — Л. Милбраса. Эта типология основана преимущественно на одном критерии — активности субъекта. По нашему мнению, данная типология является одной из удачных с точки зрения операционализации понятия «политическая активность». Автор выделяет три группы форм активности, которым он дает метафорические названия: «зрительская», «переходная активность» и «гладиаторская активность». Каждая из этих трех групп включает в себя несколько форм, расположенных в порядке возрастания вовлеченности индивида в политику. «Зрительская активность» включает в себя следующие формы:

1. исполнение роли объекта воздействия политических стимулов;
  2. голосование;
  3. инициирование политических дискуссий;
  4. попытка уговорить других голосовать определенным образом.
- «Переходная активность» включает в себя:

1. общение с представителями власти или политическими лидерами;
2. пожертвования для партии или кандидата;
3. посещение собраний или митингов.

«Гладиаторская активность» состоит из следующих форм:

1. участие в политической кампании;
2. исполнение роли активиста политической партии;
3. исполнение роли членом ядра партии или участие в выработке ее стратегии;
4. аккумуляция денежных средств;
5. исполнение роли кандидата на какую-либо руководящую должность в политической сфере;
6. занятие руководящих постов в органах власти или партии².

В политической науке существуют исследования, результатом которых является построение типологии индивидуальных субъектов. Как правило, данные типологии строятся на основе учета участия индивида сразу в нескольких формах. На основе выявления преобладающих форм политического участия выделяют группы индивидов, участвующих в политике преимущественно тем или иным образом. Одной из удачных «классических» типологий является типология М. Кааза и А. Маша, построенная с учетом уровня активности, а также конвенциональности и неконвенциональности участия. Они выделяют пять групп в зависимости от преобладающих форм участия:

1. Неактивные. Большинство представителей этой категории либо вообще никак не участвуют в политике, либо, в крайнем случае, читают газеты и могут подписать петицию, если их об этом попросят, некоторые могут принимать участие в выборах.
2. Конформисты. Конформисты принимают более активное участие в конвенциональных формах. Некоторые из них могут даже участвовать в политических кампаниях. Однако в целом они избегают непосредственного политического участия.
3. Реформисты. Так же как и конформисты, участвуют преимущественно в конвенциональных формах, но более активно. Кроме того, они могут использовать и законные формы политического протеста, такие как демонстрации и даже бойкоты.
4. Активисты. Они наиболее активно участвуют в политической жизни. Формы участия — преимущественно конвенциональные, однако используют иногда и неконвенциональные.

²См. по: Uehlinger H.-M. Politische Partizipation in der Bundesrepublik: Strukturen u. Erklaerungsmodelle. Opladen, 1988. S. 19.

5. Протестующие. По уровню активности они похожи на реформистов и активистов, однако отличаются от них тем, что практически не участвуют в политическом процессе в конвенциональных формах³.

Некоторые исследователи типологизируют политическое участие в зависимости от той роли, которую играет в этом процессе сам индивидуальный субъект. По этому критерию выделяется автономное мобилизованное участие. Автономное — такое участие, когда индивид действует, принимая решение самостоятельно. Мобилизованное — участие под давлением других субъектов политики или под их влиянием, приводящим к искажению его собственных предпочтений.

Следует отметить, что две эти формы участия представляют собой некие идеальные типы. В действительности граница между мобилизованным и автономным участием трудноуловима, у отдельных индивидов наблюдается смешанный тип участия. Тем не менее эвристическая ценность данной типологии достаточно велика. С ее помощью можно выделить преобладание того или иного типа участия у того или иного человека, представителей какой-либо группы или страны, можно сделать вывод о том, насколько способны политические субъекты к рационализации политической действительности и выработке самостоятельной политической позиции.

С другой стороны, преобладание автономного участия у политического субъекта может свидетельствовать о том, что индивид плохо поддается внешнему воздействию не в силу особой самостоятельности, а в силу того, что он не придает значения политике и не рассматривает в качестве необходимого участие в политическом процессе. Как показывают результаты социологических опросов, доля граждан, активно и постоянно получающих и воспринимающих политическую информацию, невелика. Так, например, в 70-х г. лишь 10—15% американских избирателей можно было отнести к «внимательной публике»⁴.

Неверно было бы считать, что участие под воздействием мобилизации — явление отрицательное, что оно всегда связано с манипуляцией сознанием и подобными явлениями. Во-первых, мобилизация — объективное следствие интеграции какой-либо группы, действующей в политике, создания и функционирования какого-либо института

³ M. Kaase, A. Marsh. Political Action Repertory//Political action: Mass Participation in Five Western Democracies. Eds. by Barnes S., Kaase M. Beverly Hills, London, 1979. P.153—155.

⁴ Rosenau J.N. Citizenship between Election. An Inquiry into Mobilized American. N.Y., L., 1974. P. 4.

организации и т.п. Здесь механизм мобилизации выступает транслятором и следствием политической идентификации. Во-вторых, мобилизация может выступать эффективным способом вовлечения массы населения в политический процесс. Как справедливо отмечал К. Дойч, переходных обществах, переживающих процессы демократизации и модернизации, мобилизация играет особую роль: с ее помощью граждане получают доступ к новым политическим ролям, новым формам социализации и т.п.⁵ В частности, мобилизация избирателей на частично свободных и частично соревновательных выборах, результаты которых заранее известны в силу использования административной мобилизации и других рычагов, может рассматриваться как шаг прогрессивный с точки зрения овладения населением роли выборщиков, оценивающих различных политиков, политические силы и политические курсы.

В свою очередь выделяют два типа политической мобилизации: мобилизацию соревновательную и мобилизацию авторитарную. Соревновательная мобилизация преобладает в странах с однородной политической культурой, с дифференцированными и автономными политическими институтами. Ее целью является согласование целей и языка общенациональной политики и отдельных групп населения, а также персонального состава правящей элиты. Авторитарная мобилизация преобладает в обществах с недифференцированными институтами и ролями. Целью такой мобилизации является обеспечение лояльности населения на основе пропаганды.

2 • Факторы политического поведения и участия

Существует большое количество теорий, посвященных анализу форм и факторов политической активности и участия. В целом эти теории можно разбить на три группы: социологические, социально-психологические и теория рационального выбора. Каждый из этих подходов рассматривает лишь один из аспектов политического поведения, акцентирует внимание лишь на некоторых факторах, влияющих на него. Знакомство с этими теориями помогает составить комплексную картину влияния различных факторов на поведение политического субъекта.

Классической социологической теорией политического участия является «средовая» (baseline) теория, основателями которой считаются С. Верба и Н. Ни. В своей работе «Участие в Америке» они по-ясняют с помощью K.W. Social Mobilization and Political Development//Comparative Politics. A Reader. Ed. by Eckstein H., Apter D.E. Toronto, 1964.

казали зависимость участия в политике от некоторых показателей социального статуса: «стандартная социально-экономическая модель процесса политизации работает в Америке, проявляясь в преобладании среди участвующих представителей высокостатусных групп»⁶.

Впоследствии влияние статусных показателей на характер политического поведения и участия в политике исследовалось многими учеными. В настоящее время факт такого влияния не подвергается сомнению, речь идет лишь о выделении этих характеристик, анализе характера и силы их влияния, а также о национальной специфике. В частности, исследования, проведенные в странах Западной Европы и США, свидетельствуют, что более активно в политике участвуют представители среднестатусных и высокостатусных групп, мужчины. Не активны в политике в большей степени пожилые люди, женщины, граждане с низким уровнем образования. Конформистский тип политического поведения в большей степени свойственен представителям старших возрастных категорий, реформизм — мужчинам, лицам среднего возраста, с высоким уровнем образования, активизм преобладает среди мужчин, молодежи и лиц с высоким уровнем образования, неконвенциональные формы политической активности в большей степени распространены среди молодых (мужчин и женщин в одинаковой степени)⁷.

Группа социально-психологических моделей включает в себя несколько подходов. Одним из них является когнитивный подход к проблеме политического участия, основанный на учете внутреннего мира, субъективного представления о внешней реальности, которым люди пользуются по-разному (которые диктуют различные логики реакции на окружающее): для одних — это средство отгородиться от внешней экспансии, для других — орудие, помогающее организовать более или менее масштабные всплески активности.

Еще одной классической моделью политического участия является ценностная модель. Основное внимание в ее рамках отводится влиянию определенных ценностей на вовлеченность в процессы политического участия. Влияние ценностей, и в частности, «постматериальных» ценностей, раскрывается в работах Р. Инглхарта, который казывает, что граждане, у которых преобладают «постматериальные» ценности, проявляют большую склонность к участию в неконвенциональных формах (см. табл. 9). Такая зависимость наблюдается благодаря тому, что лица, которых можно отнести к «постматериальному» ценностному типу, способны вкладывать больше ресурсов в неконвенционные, неконвенциональные формы участия, их не волнует

⁶ Verba S., Nie N.H. Participation in America. N.Y., 1972. P. 336.

⁷ См., например: Kaase M. Distribution of Political Action//Political Action-

существующего порядка в неизменном виде. В целом посылки гипотезы Р. Инглхарта основываются на идее зависимости ценности от иерархически расположенных потребностей (А. Маслоу).

Таблица 9.
Неконвенциональное политическое участие
(участие в двух или более формах неконвенциональной активности)
в зависимости от ценностного типа
(в % от группы)^в

Ценностный тип в 1974 г.	Нидерланды	Западная Германия	США
«Материалисты»	3	1	17
«Смешанные материалисты» (то есть наличествуют некоторые «постматериальные» ценности)	5	2	23
«Смешанные постматериалисты»	8	12	25
«Постматериалисты»	23	34	45
Всего от опрошенных	9	4	22
Гамма	.37	.39	16

Близкой к этой модели, но не тождественной ей, является «установочная», или «аттитюдная» модель. Ее представители акцентируют внимание на влиянии всей совокупности политических установок на политическое поведение и участие. Вместе с тем, в рамках данной модели признаются факты расхождений между установками и реальным поведением. В рамках данной теории выявляются основные причины рассогласования установок и поведения. В частности Г. Дилигенский отмечает существование как минимум трех причин, отмечаемых социальными психологами:

- «существующие общественные и политические отношения и положение человека в этих отношениях ограничивают возможности свободного выбора типа индивидуального поведения; человек по объективным причинам не в состоянии реализовать свои убеждения и ценности, выработанные им в процессе осмысления действительности и заимствованные от других. В результате он вынужден руководствоваться актуальной установкой, противоречащей этим убеждениям»;

^в Inglehart R. The Impact of Values on Political Behavior//Jennings M.K. et al. Continuities in Political Action. A Longitudinal Study of Political Orientations in Three Western Democracies. Berlin, N.Y., 1990. P. 94.

^б Политический процесс: основные аспекты и способы анализа

- в психике индивида сосуществуют различные или противоположные установки в отношении одного и того же объекта либо ситуации (что объясняется в конечном счете противоречивостью сознания и социального и индивидуального опыта); одна из установок актуализируется под влиянием конкретного сочетания ситуационных факторов. Так, люди, в принципе отрицательно относящиеся к забастовкам, нередко тем не менее участвуют в них, поскольку в то же время видят в забастовках неизбежный способ действия в определенных экстремальных ситуациях;
- «непосредственной причиной рассогласования является вовлеченность индивида в социальную группу или межличностный контакт (как в казусе Лапьера), в интересы «других», побуждающая его действовать в соответствии с ролевой функцией в группе или групповыми ожиданиями»⁹.

В целом представители данного подхода, помимо установок, учитывают также и влияние других факторов, а политические установки рассматриваются как трансляторы средовых и ситуационных условий.

Сторонники социально-психологического подхода учитывают совокупность таких психологических факторов, как потребности и мотивы.

Большинство исследователей, вслед за А. Маслоу, при анализе воздействия потребностей исходят из принципа последовательного удовлетворения иерархически организованных потребностей: потребности более высокого уровня (в самореализации, самоактуализации) не могут быть удовлетворены до тех пор, пока не удовлетворены потребности более низкого уровня (например, потребности материального существования, безопасности).

Потребности побуждают человека действовать (создают предрасположенность к определенному действию). Однако для того чтобы человек осуществил какое-либо действие, необходимо действие дополнительных побудительных сил, придающих этому действию смысл. Такими побудительными силами являются мотивы.

Наиболее распространенной классификацией мотивов политического поведения является типология Д. Маклелланда и Дж. Аткинса. Они выделили три основные группы мотивов:

- мотив обладания властью и/или мотив контроля над людьми ситуацией;
- мотив достижения (цели, успеха, избегания провала и т.д.);
- мотив аффилиации (налаживание теплых, дружественных отношений с другими).

⁹ Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М., 1994. С.180.

По мнению авторов данной типологии, преобладание того или иного мотива обуславливает тот или иной тип политического поведения человека. Например, преобладание мотива аффилиации у политика может способствовать достижению компромисса на переговорах, стремлению получить одобрение партнеров и т.п.

Теория рационального выбора, основные положения которой освещались в главе 2, трактует политическое поведение и участие с точки зрения соотношения выгод и затрат политических акторов. Согласно теории рационального выбора, участвуя в политической жизни, индивидуальные акторы стремятся получить какую-то выгоду, пользу, постичь позитивного результата.

Влияние «выгоды» на политическую активность представляется очевидным большинству исследователей. Вместе с тем в рамках теории рационального выбора делается акцент в основном на инструментальном аспекте поведения и участия.

На самом деле под понятие «выгоды» подпадает более широкий круг явлений. В целом можно разделить позитивные результаты участия, или выгоды (benefits) условно на три категории: инструментальные, «развивающие» и экспрессивные. Инструментальные результаты — решение различных проблем с помощью политического участия: «для большинства людей политическое участие является лишь средством достижения других целей»¹⁰.

Под «развивающими» или «образовательными» результатами понимается изменение самих участников с помощью приобретения новых ценностей, установок, навыков и знаний. Вместе с тем эти результаты оказываются не только индивидуальными, но и коллективными, важными для всего общества. Это проявляется в том, что люди начинают понимать, как работает политическая система, приобретают навыки, позволяющие им влиять на принятие решений, приобретают навыки взаимодействия с другими акторами¹¹.

Экспрессивные результаты, влияние которых особенно акцентируется политическими психологами, заключаются в интенсификации политической идентификации с какой-либо группой, институтом, системой, а также в повышении самоуважения акторов.

На обобщенном (не индивидуальном) уровне на особенности политического поведения и участия большое влияние оказывает специфика социально-политического развития той или иной страны, а также особенности национальной политической культуры. Речь идет не

¹⁰ Huntington S., Nelson J.M. No Easy Choice: Political Participation in Developing Countries. Cambridge, 1976. P. 51.

¹¹ J.H. Nagel. Participation. 1987. P.13—14.

только о том, что в отдельных странах разные формы активно имеют различную степень распространения, но и о различном значении той или иной формы политического участия (например, в США подписание петиций может рассматриваться как одна из необходимых процедур для нормального функционирования демократии в посттоталитарном обществе такая форма активности, скорее всего, будет иметь неконвенциональный характер, а участники данной акции могут выступать против существующего политического режима).

Так, например, проведенные исследования свидетельствуют что, в отличие от стран развитой демократии, в посткоммунистических обществах наблюдается существенно больший разрыв между вовлеченностью населения в голосование и другие формы активности, особенно неконвенциональные (таблица 10). Вместе с тем и среди посткоммунистических стран наблюдаются существенные различия. В тех странах, где неконвенциональные формы активности в период либерализации рассматривались населением как средство слома старого режима (Восточная Германия, Чехословакия), уровень такой активности был гораздо выше, чем в других странах.

Таблица 10.

Участие в политической жизни, 1991 г.¹²

	Неэлекторальное участие							Электоральное участие	
	Чтение газет, %	Петиции, %	Собрания, %	Митинги, %	Бойкоты, %	Агрессивные формы, %	Любые из перечисленных, %	Общее значение	Голосование, %
Болгария	7,4	20,8	43,1	20,1	7,4	7,0	51,3	1,10	—
Чехословакия	10,0	40,4	51,4	30,5	10,9	17,9	65,6	1,66	93,5
Восточная Германия	13,7	62,1	66,7	43,4	4,5	4,4	82,3	2,04	84,4
Эстония	4,8	16,5	16,1	8,4	1,8	3,0	29,6	0,54	—
Венгрия	2,3	7,0	6,9	6,6	3,7	2,4	15,1	0,28	76,2
Польша	4,3	13,8	11,6	8,8	5,9	9,7	26,5	0,56	76,5
Россия	9,1	15,4	5,0	9,9	4,8	8,0	30,1	0,58	84,6
Словения	3,6	19,1	16,3	13,2	8,9	5,6	32,4	0,68	—
Западная Германия	19,2	55,3	48,3	27,2	11,5	7,6	68,9	1,79	88,6
США	28,7	80,1	71,1	22,0	21,1	8,5	90,3	2,83	70,3

¹² Сост. по: Kluegel J.R., Mason D.S. Political Involvement in Transition. Who Participated in Central and Eastern Europe?// International Journal of Comparative Sociology. 1999. Vol. 40. № 1. P. 46—47.

3. Протестное политическое поведение

Одно из форм политического поведения является протестное поведение в отечественной и зарубежной литературе весьма распространяется взгляд на протестное поведение как на поведение в неконвенционального действия, не соответствующего закону и традиционным нормам режима¹³. Соответственно выделяются основные формы протестного поведения, такие как написание петиций, участие в демонстрациях, бойкоты, захват зданий, неуплата налогов, блокады, неофициальные забастовки и т.п.

Недостаток данного подхода заключается в следующем.

Во-первых, как показывает опыт проведения подобных акций в странах Западной Европы и США, они могут иметь конвенциональный характер, соответствуя как юридическим нормам, так и традициям национальной политической культуры. Так, демонстрации и пикеты часто осуществляются, например, для защиты гражданских и социальных прав населения, закрепленных законодательно. Чаще всего участники таких акций протестуют против нарушения неких договоренностей (закрепленных в виде законов, формальных и неформальных норм) со стороны органов власти или других политических субъектов. Они не выступают за кардинальные преобразования политической системы, а призывают лишь к корректировке проводимого политического курса, институционального контекста и т.п. Поэтому в странах стабильной демократии уровень протестной активности населения, часто конвенциональной по своей сути, может рассматриваться как один из показателей зрелости гражданского общества.

Во-вторых, сторонники определения протестного поведения как неконвенционального неоправданно заужают сферу протестной активности, исключая из этого понятия, например, все действия, которые не носят открытый публичный характер. На самом деле функцию политического протеста могут выполнять и другие виды политического поведения, в условиях демократического политического режима являющиеся конвенциональными по определению: электоральный абсентеизм или определенные формы голосования как выражение политических ориентации, несущих протестный заряд, — разновидности «тихого» протеста, следствия которых для социально-политической жизни не менее значимы, чем участие в активных формах протеста.

¹³ См., например: A. Marsh. Political Action in Europe and the USA. London, 1990.

В качестве одной из форм политического протеста может рассматриваться электоральный абсентеизм, точнее абсентеизм, связанный с определенной протестной мотивацией неучастия в выборах (недоверие или неудовлетворенность правилами игры, неверие в возможность повлиять на процесс принятия политических решений, недоверие основными политическими силами). Как показывают результаты социологических опросов, мотивация значительной части российских избирателей, не участвующих в парламентских выборах, носит протестный характер. Весьма удачной попыткой выявления анатомии причин электорального абсентеизма является вопросник, разработанный Р. Роузом и использованный после декабрьских выборов 1995 г. в России. В качестве протестной мотивации могут рассматриваться следующие предложенные варианты ответов: «нет партии, соответствующей моим интересам», «не доверяю политикам», «нечестные выборы, результаты будут подделаны», «Дума не имеет власти», «выборы бесполезны»¹⁴.

Другой формой протестного поведения на выборах является голосование за определенные оппозиционные политические силы либо голосование «против всех». Такое голосование может являться выражением недоверия (протеста) не только к проводимому политическому курсу, но и ко всему политическому режиму в целом и его отдельным институтам (например, политическим партиям). Яркий пример такого голосования — например, значительная поддержка ЛДПР на выборах 1993 г. Вместе с тем при выявлении протестного характера голосования особое значение имеет позитивная или негативная мотивация электорального выбора.

Известно, что не все субъекты политического процесса ведут себя протестно. Многие граждане, участвуя в политике, не выражают никакого протеста. Не все граждане довольны правилами игры, господствующими нормами, проводимым политическим курсом и т.д. Однако далеко не все недовольные выражают намерение принять участие в протестных акциях и еще меньше граждан участвует в политике, совершая протестные действия.

Для того чтобы различить степень недовольства, готовности принять участия в протестных акциях и действительный уровень протестной активности в науке существуют понятия «протестная активность» и «протестный потенциал». Под протестной активностью понимают охват (вовлеченность) граждан различными формами протестной активности и его динамику. Под протестным потенциалом

¹⁴ Rose R. New Russia Barometer V. Between Two Elections//Studies in Public Policy. Glasgow, 1996. № 260. P. 63.

нимают намерение (склонность) граждан участвовать в протестных акциях при определенных условиях (например, «если бы рабочие завода вышли на улицу с требованием отставки правительства, возможно, принял бы участие в демонстрации»; это совсем не означает, что рассуждающий так человек реализует свои намерения действительности).

Какие же факторы влияют на формирование протестного потенциала и протестной активности?

Наиболее распространенной теорией, объясняющей формирование протестного потенциала, является теория относительной депривации. Представители этой теории исходят из того, что в основе формирования протестного потенциала лежит депривация, то есть «субъективное чувство недовольства по отношению к своему настоящему»¹⁵. Основными причинами такой неудовлетворенности является то, что субъект не обладает каким-либо объектом, стремится к его обладанию, при этом сравнивает себя с другими субъектами, обладающими этим объектом, и рассматривает возможность обладания им как вполне реальную. Таким образом, для возникновения депривации важен не столько сам факт не обладания чем-либо, сколько желание обладать объектом, а также надежда на возможность изменения положения с помощью изменения социального и политического порядка. При этом большую роль играет то, что депривация возникает в определенной социальной среде: оценивая свое положение и формируя свои запросы, индивид сравнивает себя с окружающими. Если уровень потребления у окружающих невысок, то это будет способствовать занижению притязания и приглушению депривации. Если уровень потребления у окружающих существенно отличается, это способствует формированию чувства несправедливости и является одной из предпосылок депривации. Поэтому говорят об относительной депривации.

Относительная депривация связана не только с обладанием материальными и социальными благами. Она также может быть связана с потребностью в свободе, в самовыражении. Именно подобного рода потребности двигали большинством участников студенческих выступлений 60-х гг. XX в. Поэтому в целом депривацию можно также определить как несоответствие между ценностными ожиданиями и реальными возможностями субъекта¹⁶.

На протестный потенциал, помимо относительной депривации, влия-

¹⁵ См., например: Runciman W.G. Relative Deprivation and Social Justice. Berkeley, 1966.

¹⁶ Gurr T. Why Men Rebel. Princeton, 1970. P. 218.

яют такие факторы, как способность субъектов к концептуализации социальных и политических отношений и неудовлетворенность деятельностью органов власти. При этом исследователи отмечают, что больше факторов, влияющих на формирование протестного потенциала, присутствует одновременно, тем протестный потенциал больше

Таблица 11.

Готовность населения к участию в акциях протеста, 1990 г., в %¹⁷

Страна	Вид акции				
	Сбор подписей под обращениями	Бойкот	Демонстрация, митинг	Несанкционированная забастовка	Занятие помещений, блокада
Бельгия	27,2	28,1	29,4	17,9	20,7
Великобритания	16,9	34,4	34,6	18,7	9,9
Западная Германия	31,4	36,8	41,9	18,7	9,9
Испания	39,8	25,1	40,2	17,6	16,6
Италия	34,6	45,5	37,1	17,8	19,6
США	19,8	44,8	43,7	30,0	17,3
Швеция	23,8	61,6	58,9	40,9	19,4
Франция	29,0	40,2	32,4	24,9	24,8
Венгрия	29,9	14,2	25,9	27,3	3,9
Восточная Германия	25,8	30,7	35,1	14,0	13,4
Польша	34,5	23,2	36,5	14,8	11,1
Словакия	37,6	36,9	52,2	37,6	18,3
Чехия	32,2	29,5	42,4	31,9	16,6

На протестную активность дополнительно влияет ряд факторов, относящихся не только к особенностям актора и его социальной среды, но и к политическим условиям. Среди этих факторов следует отметить наличие у субъекта тех социальных качеств, которые позволяют ему быть политически компетентным, более мобильным и независимым: согласно многочисленным опросам, проведенным в странах развитой демократии, протестная активность отрицательно коррелирует с таким качеством, как возраст, и положительно — с уровнем образования и доходов. Кроме того, наблюдается положительная корреляция

¹⁷ Сост. по: Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М., 1998. С.180—181.

ляция между участием в протестных акциях и участием в традиционных формах политической активности (например, в деятельности партийной организации и т.д.).

Исследователи отмечают и такой важный политический фактор, способность системы представительства канализировать социальные интересы и социальное недовольство. Речь идет о том, что уровень протестной активности повышается там, где система представительства оказывается неспособной интегрировать те или иные социальные, этнические, религиозные и т.п. группы, либо институты политического представительства оказываются неспособными выполнять свою основную функцию. Таким образом, к различным видам протестной политической активности граждане прибегают в том случае, если традиционное политическое участие оказывается неэффективным, или в случае необходимости привлечь внимание властей и общественности к какому-либо событию. Но при этом большую роль играет также уверенность граждан в эффективности протестных действий.

Эти основные выводы подтверждаются не только на примере западных, но и на примере посткоммунистических обществ. Вместе с тем в этих обществах наблюдаются некоторые отличия, обусловленные особенностями их социально-политического развития. Как могло бы показаться на первый взгляд, россияне, демонстрирующие более низкий уровень социального самочувствия, чем граждане стран стабильной демократии, должны были быть более склонны к участию в акциях протеста. Вместе с тем данные статистики и результаты опросов свидетельствуют о том, что россияне демонстрируют более низкий уровень участия в протестных акциях и более низкую степень готовности принять в них участие. Кроме того, все массовые формы протестной активности пользуются в России меньшей популярностью, чем на Западе, — это особенно касается бойкотов, митингов, демонстраций и неофициальных забастовок¹⁸. Несмотря на резкое ухудшение социального статуса жителей и рост протестного потенциала после кризиса августа 1998 г., уровень их участия в протестных акциях остался стабильным: согласно социологическим наблюдениям последних лет, во всероссийских акциях протеста обычно участвует около 7—9% взрослого населения, при этом никаких особых всплесков, связанных с ухудшением социально-экономической ситуации, не наблюдается.

Социологические опросы, проведенные российскими исследователями, также демонстрируют значительную корреляцию между уров-

¹⁸ Там же. С. 180, 182.

нем вовлеченности в конвенциональные активные формы политического участия и условно «неконвенциональные»¹⁹.

Значимым фактором являются также невысокая способность российской системы политического представительства посткоммунистических стран интегрировать интересы отдельных групп (следствием этого является, например, протестное голосование на выборах), а также национальные особенности политической культуры, наличие своеобразия политических субкультур (в частности, в России, например, наблюдается значительная зависимость между принадлежностью к коммунистической субкультуре и протестной активностью). В целом, можно предположить, что национальные особенности российской политической культуры обуславливают несколько иное функциональное значение протестной активности, способствуя перераспределению протестной активности в сторону активизации протестного потенциала в электоральном поведении.

Вопросы для самоконтроля

1. В чем заключаются различия между политическим поведением и участием?
2. Какие формы политического участия Вы знаете?
3. От чего зависит выбор той или иной формы политического участия?
4. Как влияет уровень социального самочувствия на политическое участие?
5. Что такое «относительная депривация»?

Литература для самостоятельного изучения

1. Гончаров Д.В. Теория политического участия. М., 1997.
2. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М., 1994. Глава 3 (3).
3. Карминес Э.Г., Хакфельд. Политическое поведение: общие проблемы//Политическая наука: Новые направления/Под ред. Р. Гудина, Х.Д. Клингеманна. М., 1999.
4. Шестопал Е.Б. Психологический профиль российской политики

¹⁹ См., например: Сафронов В.В. Потенциал протеста и демократическая перспектива//Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 4. С. 123—124.

1990-х. м.: РОССПЭН, 2000. Гл. 5.

5. Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М., 1998.
6. Сафронов В.В. Потенциал протеста и демократическая перспектива//Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 4.
7. Шевченко Ю. Политическое участие в России.//Pro et contra. 1998. № 3.
8. A. Marsh. Political Action in Europe and the USA. L., 1990.

Глава 9 Электоральное поведение

Вопросы

1. Основные модели электорального поведения.
2. Тенденции динамики электорального поведения в странах развитой демократии
3. Поведение избирателей в России

1. Основные модели электорального поведения

Зарождение электоральных исследований относится к началу XX в. Первые исследования осуществлялись в рамках политической географии, фактическим основателем которой был французский ученый А. Зигфрид. Он предложил первую аналитическую модель, объясняющую голосование. На основе анализа электоральной статистики за тридцатилетний период исследователь провел сравнение географических, экономических и социокультурных переменных с результатами выборов. Согласно его выводам, на электоральное поведение влияют три взаимосвязанных фактора: характер ландшафта, тип поселения и отношения собственности. Они, в свою очередь, тесно связаны между собой и определяют социальную структуру и религиозный климат, непосредственно воздействующие на голосование.

Эта модель сыграла значительную роль в развитии «социально-экологического» направления в исследовании электорального поведения, получившего особое распространение в странах Западной Ев-

С 50—60-х гг. это направление дополняется структурно-функциональным подходом. Основное внимание начинает уделяться выявлению структурных, в первую очередь, политических факторов электорального поведения и конфигурации электорального пространства.

С 1950—1960-х гг. в электоральных исследованиях достаточно широкое распространение получают количественные методы. Широко используются факторный, типологический, иерархический, корреляционный и регрессивный типы анализа на основе электоральной статистики. Вместе с тем еще в первой половине XX в. выявились ограничения статистических методов исследования, в частности их способность выявить особенности индивидуального поведения, его связь с непосредственным контекстом. Противоречия были связаны с тем, что, с одной стороны, исследователи стремились проанализировать и объяснить индивидуальный выбор избирателя, а с другой стороны, располагали лишь совокупными данными.

В целях преодоления этих недостатков стали широко применяться различные виды социологических опросов, дающих возможность проанализировать анкетную информацию об индивидах, составляющих электоральные общности. Используемые методы конкретно-социологического исследования дали возможность установить индивидуальные корреляции между социальными, культурными и политическими характеристиками избирателей и их поведением.

Настоящий прорыв в разрешении основных противоречий электоральных исследований был связан с развитием бихевиорального методологического направления, предложившего социально-психологическую интерпретацию электорального поведения на основе индивидуальных данных. Данное направление зародилось в 1940-х гг. благодаря исследованиям социологов Колумбийского университета под руководством П. Лазерсфельда. Впервые с помощью панельной техники было изучено формирование мнений и поведения избирателей под влиянием президентской избирательной кампании. Данное исследование представляло собой значительный прорыв в изучении индивидуального поведения на выборах. Наиболее полное развитие этот подход получил в исследованиях представителей мичиганской школы и ее последователей, которым фактически и принадлежит авторство социально-психологической модели электорального поведения.

В настоящее время существуют несколько концептуальных подходов (моделей) электорального поведения, объясняющих природу электорального выбора влиянием определенных факторов. Каждая модель делает акцент на каком-либо факторе электорального выбора, считая его основным. Ни одна модель не отрицает полностью

влияния других факторов, но, в силу их второстепенности, не уделяет им должного внимания. Остановимся на трех основных таких факторах.

1. Социологическая модель электорального поведения одна «классических» моделей электорального поведения, долгое время многом определявшая содержание работ по этой теме. Ее авторы и следовали партийно-политическое соревнование и поведения избирателей, учитывая фактор социальной дифференциации. Представители данного направления подчеркивали групповую основу формирования электорального выбора. Они объясняли групповые особенности голосования положением групп в обществе и влиянием этого положения на связи групп с политическими партиями. Таким образом представители данного направления пытались ответить не на вопрос как избиратель голосует, а пытались выяснить, **почему** он голосует за ту или иную политическую силу.

«Классическая» работа, раскрывающая положения этого направления, — статья С. Липсета и С. Роккана, посвященная обоснованию влияния социально-групповых конфликтов на идеологическую и партийную дифференциацию¹. По мнению авторов, различия между социальными группами обеспечивают потенциальную основу для политических конфликтов, создавая одновременно проблемное пространство политики и социальную базу партий. Они выделили несколько таких различий (*социальных расколов*): классовый (между собственниками и рабочими), религиозный и поселенческий раскол, а также различие между центром и периферией.

В рамках социологической модели голосования существуют различные точки зрения относительно субъективных факторов голосования, таких как политические установки (*attitudes*). Ряд ученых считает, что установки необходимо учитывать в процессе анализа влияния социальных факторов, поскольку они являются своеобразным механизмом, связывающим социальные позиции и электоральный выбор. Эта точка зрения во многом сближается с позицией представителей социально-психологической модели голосования.

Другие авторы отрицают существенное влияние политических установок избирателей, а также интерактивного взаимодействия между индивидами в первичных группах на электоральное поведение². Вме-

¹ Lipset S., Rokkan M. *Cleavage Structures, Party System, and Voter Alignments: An Introduction to Party System and Voter Alignments*. N.Y., 1967.

² См., например: Danleavy P., Husbands C. *British Democracy at the Crossroads*. L., 1985.

даже эти исследователи признают некоторое влияние субъективного фактора.

2. Социально-психологическая модель электорального поведения. Взаимовлияние институтов политического представительства и ориентации послужило одной из посылок другой классической модели электорального поведения — социально-психологической, представители которой считали голосование инструментом демонстрации избирателями своей политической идентификации, длительного чувства преданности, которые избиратели испытывают к отдельным политическим партиям. Первоначально данный подход, пришедший в политическую науку из социальной психологии, получил свое развитие среди ученых Мичиганского университета (с 50-х г.), поэтому его часто называют мичиганская школа. «Классической» работой, выполненной в этом русле, является монография «Американский избиратель», в которой дается анализ президентских выборов в США 1952 и 1956 гг.³

Представители данного направления исходили из следующих посылок:

- * для большинства избирателей характерно ощущение близости к какой-либо партии (партийная идентификация);
- * главным агентом формирования партийной идентификации является семья, где формируется партийная лояльность;
- ◆ функция партийной идентификации — помочь избирателю справиться с политической информацией и выяснить, за какую партию голосовать;
- ◆ исключая некоторые периоды, изменения в партийной идентификации являются сугубо индивидуальными; чаще всего они отражают изменение принадлежности к группе, возникающее вследствие географической или социальной мобильности.

В соответствии с социально-психологической моделью электоральный выбор формируется под влиянием установок (*attitudes*) избирателей к трем аспектам политического процесса: кандидатам, политическим курсам и связям между партиями и социальными группами. Каждая из этих установок имеет относительно независимое влияние на электоральный выбор, особенно в краткосрочной перспективе.

Влияние социальных параметров на политические предпочтения отрицается, однако оно опосредуется главным фактором: партийной идентификацией. Партийная идентификация играет роль своеобразного фильтра, через который пропускается информация, относя-

³ Campbell A., Converse P., Miller W., Stokes D. *The American Voter*. N.Y., 1960.

щаяся к трем названным аспектам (кандидатам, политическим сам, связям между партиями и социальными группами). В долгой перспективе эти установки являются своеобразными каналами, через которые осуществляется влияние партийной идентификации на электоральный выбор. Таким образом, ощущая себя условно коммунистом, избиратель склонен верить, что коммунистическая партия (кандидат, курс) наилучшим образом защищает интересы его социальной группы по сравнению с другими партиями. В данном случае срабатывает партийная идентификация, в то время как рационализации на уровне конкретных проблем или кандидатов не происходит.

Проведенные в разные периоды эмпирические исследования свидетельствовали о том, что социально-психологический подход в целом работает. Эта модель успешно использовалась при изучении поведения избирателей Западной Европы и США, а термин «партийная идентификация» стал одним из самых распространенных в исследованиях электорального поведения. Вместе с тем постепенно выявились ограничения и недостатки данного подхода.

В частности, основным вопросом, на который пытались ответить представители мичиганской школы, был вопрос, как избиратель голосует (точнее как воздействует на его голосование партийная идентификация и различные установки). При этом вопрос, почему избиратель делает тот или иной выбор, остается недостаточно проработанным в рамках данного направления. Неизученным оставался вопрос о влиянии социальных факторов на голосование, так как, говоря о групповой принадлежности, представители социально-психологической модели большее внимание уделяли ее психологическому значению, нежели позиции группы в социальной структуре.

Данная модель продемонстрировала свою относительную пригодность для изучения электорального поведения в условиях бинарного политического раскола. Однако простой бинарный политический раскол отсутствует не только в политиях с мультипартийной системой, но и в странах с двухпартийной системой, например США. Как показали исследования, значительная часть американских избирателей относит себя к независимым даже в том случае, если респондентам в ходе опроса предлагается отнести себя к демократам или республиканцам с помощью бинарной шкалы.

Гораздо сложнее обстоит дело в странах с мультипартийными системами, где существует несколько значимых расколов (левый-правый, религиозный-светский, либеральный-авторитарный и т.п.). В этом случае влияние партийной идентификации на электоральный выбор становится еще более неоднозначным. Если в такой стране избира-

идентифицирует себя с партией А, то это вовсе не означает, что на этом основании можно судить о том, что он думает о партиях В, С, Д. Таким образом, следует признать, что данная модель имеет свои ограничения, потому что не учитывает в достаточной мере сложность политической системы координат.

3. Модель рационального выбора. Напомним, что представители этой теории при анализе политического поведения людей исходят из двух основных постулатов. Во-первых, индивид эгоистичен, то есть стремится к достижению собственных целей. Во-вторых, индивид рационален, то есть он сопоставляет получаемый им результат и затрачиваемые усилия, стараясь максимизировать свою выгоду при минимизации результатов. Фундаментальное положение для рационально-инструментальной модели, выдвинутое Э. Даунсом в работе «Экономическая теория демократии», состоит в том, что каждый гражданин голосует за ту партию, которая, как он полагает, предоставит ему больше выгод, чем любая другая.

Данный подход был развит в теории «ретроспективного голосования» М. Фиорины⁴. Несколько упрощая, основные идеи данного подхода можно свести к следующим: обычным гражданам не надо знать в деталях внутреннюю и внешнюю политику действующей администрации, чтобы судить об этой политике, реально они располагают лишь одним видом данных — они знают, как им жилось при данной администрации. Иными словами, существует прямая связь между положением в экономике и результатами выборов, и при голосовании избиратель исходит из того, что именно правительство несет ответственность за экономическое состояние страны. Если жилось хорошо — голосуй за действующее правительство (действующего президента, представителей правящей партии), если плохо — за оппозицию.

Другая теория, в которой нашли свое развитие положения модели рационального выбора, — теория «избирателя как потребителя» Х. Химмельвейта, делающего акцент на процессе индивидуального и инструментального выбора избирателя в зависимости от набора конкретных существующих проблем и предложений политических сил (по сути теория Химмельвейта является теорией «перспективного голосования»⁵).

В модели рационального голосования выделяются две оси голосования: «эгоцентричное-социотропное голосование» и «ретроспективное-перспективное голосование». При эгоцентричном голосовании

⁴ Fiorina M. Retrospective Voting in American National Elections. New Haven, 1981.

⁵ Himmelweit H.T., Humphreys P., Jaeger M. How Voter Decide. Milton Keynes, 1985.

избиратель основывает свой выбор на оценке собственного экономического положения, тогда как при социотропном голосовании он ориентируется на экономическое положение страны и результаты функционирования экономики в целом. При выборе первого основания — ретроспективного — избирателю важнее оценка прошлой деятельности администрации, при выборе перспективного основания важны ожидания по поводу того, насколько успешно в будущем будет работать выбираемый орган власти.

Приведенные концепции электорального поведения проверялись на значительных массивах эмпирических данных стран Западной Европы и США. Полученные данные подтверждали большинство выводов этих исследователей, свидетельствуя в пользу теории М. Фиорины⁶. Эмпирические данные по США и Западной Европе в целом подтверждают выводы социотропной и ретроспективной версий модели экономического голосования.

2. Основные тенденции динамики электорального поведения в странах развитой демократии

Специфика и значимость факторов, оказывающих влияние на электоральное поведение, определяются особенностями исторического и эволюционного развития той или иной страны и ареала стран развитой демократии в целом. Существует две группы долгосрочных социальных и социально-психологических факторов (речь идет о долгосрочных факторах, такие краткосрочные факторы, как влияние СМИ, специфика избирательной кампании, роль лидеров и т.п. не рассматривается), оказывающих влияние на выбор избирателя: универсальные и исторически обусловленные.

К универсальным можно отнести демографические факторы. Речь идет о социально-демографических характеристиках (возраст и пол) и связанных с ними поколенческих и гендерных особенностях. Несмотря на то что влияние этих факторов в определенной мере также исторически обусловлено (например, известно, что молодежь как особая поколенческая группа выделилась не так давно), следует признать данные факторы в целом универсальными.

Другие факторы, такие как социально-классовые расколы или уровень образования, появляются или исчезают на определенном этапе общественного развития (или приобретают настолько качест-

⁶ См., например: Lewis-Beck M.S. *Economic and Election*. Ann Arbor, 1988; Lewis-Beck M.S., Rice T.W. *Forecasting Election*. Washington, 1992, и др.

отличные характеристики, что можно говорить о появлении новых факторов) и могут быть охарактеризованы как исторически обусловленные. Рассмотрим это на примере основных тенденций электорального поведения избирателей стран развитой демократии.

Возникновение основных социальных «расколов», выделенных представителями социологической модели электорального поведения связано процессами модернизации, происходящими в западных странах. То есть в период Модерна религиозные противоречия, связанные между городом и деревней, между центром и периферией, существовавшие и ранее, получили свое выражение в политических предпочтениях населения. Противоречия между рабочими и капиталистами полностью возникли и сформировались лишь в этот период. Как свидетельствует опыт исторического развития западных стран, на политическом уровне влияние этих социальных факторов выражалось в существовании идеологических расколов, долгое время определявших структуру и проблематику политического поля западных демократий (между сторонниками экономического либерализма и социальной ориентации, католиками и протестантами, верующими и неверующими и т.п.), в существовании отдельных политических субкультур.

Вместе с тем влияние социальных факторов активизировалось и благодаря формированию институтов политического представительства. Существование социальных групп облегчало партиям процесс формирования социальной базы; социальные группы составили политическую и организационную основу для партий, обеспечив членство, финансовую и электоральную поддержку. На определенном этапе общественного развития партии стали выполнять функцию представления групповых интересов на политическом уровне.

Социологические исследования, основанные на посылках С. Липсета и С. Роккана, продемонстрировали значимость базовых социальных различий, оказывающих влияние на голосование (особенно социальной и религиозной дифференциации). Опросы и статистические исследования свидетельствовали также и в пользу социально-психологической модели, показывая относительную стабильность партийно-политических предпочтений избирателей в странах Запада.

На основе результатов проводившихся исследований можно сделать вывод, что влияние отмеченных расколов проявлялось в следующих самых общих тенденциях: рабочие в большей степени были склонны голосовать за левые партии, собственники и предприниматели — за правые, представители религиозных субкультур — за партии религиозной окраски или консервативные партии, секуляристы —

за левые партии, жители села — за правые партии традиционалистского толка, города — за левые. Следует отметить, что эти тенденции далеко не однозначны и не всегда проявлялись в явном виде.

С 1960—1970-х гг. в связи с процессами социально-политической трансформации, происходящими под влиянием структурного кризиса индустриального общества, наблюдается активизация новых факторов, влияющих на поведение избирателя, а также изменение характера и интенсивности влияния «классических» расколов.

Переживаемый западными странами кризис индустриального общества повлек за собой распад классических для этого общества социально-классовых групп, усложнение социальной структуры, появление и развитие новых средних слоев населения, увеличение социальной и географической мобильности (см. главу 4). В настоящее время наблюдается тенденция значительного снижения влияния «классических» социальных факторов на политические предпочтения избирателей. Например, размер индекса классового голосования в Швеции, Великобритании и Австралии в последние десятилетия уменьшился почти наполовину, в Германии — более чем на две трети. Тенденция значительного снижения наблюдается и в США на выборах в Конгресс, в меньшей степени — на выборах президента⁷.

Отмеченные изменения повлекли за собой появление различных трактовок этого феномена в научной литературе. Ряд авторов считают, что социально-статусные различия оказывают такое же существенное влияние на голосование, только основа социально-статусной дифференциации изменилась. Исследователи вводят новые критерии социально-статусной принадлежности, такие как уровень образования и обладание информацией, различие между частным и общественным сектором (см. главу 4). Как следствие — появление более сложных моделей социальной структуры и более сложных моделей электорального поведения.

Однако даже с учетом очевидной тенденции развития сложной мозаичной социальной структуры в целом социально-групповые факторы, даже с учетом сложности социальной структуры, оказывают незначительное влияние на выбор избирателя. Относительно сильные корреляции между партийно-политическими предпочтениями и социальным статусом дает скандинавская партийная система (Норвегия, Дания, Исландия, Швеция), наименьшие корреляции — США, Канада,

⁷ Dalton R.J. Political Cleavages, Issues and Electoral Change//Comparing Democracies. Elections and Voting in Global Perspective. Thousand Oaks, 1996. P. 323.

Япония, однако во всех странах наблюдается уменьшение значимости этого показателя.

В последние десятилетия религиозный фактор также оказывает все меньшее влияние на электоральное поведение. Социальная модернизация ослабляет религиозные связи. Изменяется стиль жизни и исходит снижение уровня активности верующих, происходит постепенная секуляризация общественной жизни. Несмотря на значительные национальные различия (некоторые страны, такие как Франция, Испания, Великобритания, Скандинавские страны, — преимущественно гомогенные в религиозном отношении, другие, такие как Германия, Голландия, США, — гетерогенные, в них религиозный фактор влияет сильнее), тенденция снижения влияния этого фактора — общая. Показатели его воздействия на голосование достаточно низки⁸.

Незначительным оказывается и воздействие других социальных факторов, таких как региональные, поселенческие особенности, расовая и этническая принадлежность. Несмотря на значимость этих факторов в некоторых странах, в которых время от времени наблюдается актуализация региональных и этнических противоречий (в первую очередь, речь идет о таких странах, как Великобритания, Бельгия, Канада, хотя и в других западноевропейских странах периодически наблюдается обострение региональных и этнических противоречий, например, в связи с иммиграцией), в целом, согласно результатам сравнительных исследований, их влияние также невелико⁹.

Под влиянием усиливающейся географической мобильности, а также развития СМИ падает и значение противоречия город-село.

Вместе с тем снижение влияния социальных факторов может рассматриваться лишь в качестве тенденции, так как для современного этапа общественного развития западных стран характерно сохранение социальных различий в усложненном социальном пространстве и социальных проблем (например, таких, как проблема новых бедных, преступность, наркомания и т.п.). В целом социально-групповые факторы до сих пор продолжают оказывать определенное влияние на электоральное поведение.

Другой тенденцией эволюции политических предпочтений выступает ослабление партийной идентификации избирателей и снижение идеологического противостояния, усиление влияния краткосрочных факторов, например имиджа политического лидера. Развитие этой тенденции вызвано следующим. Современные социальные изменения, а также из-

⁸ См., например: Ibid., p. 325, 327.

⁹ См., например: Ibid., p. 325, 328—329.

менения структуры ценностных ориентаций, индивидуализация социального протеста, интеграция традиционных партий в систему власти и соответственно их олигархизация, невысокие адаптивные способности большинства политических партий способствуют ослаблению связей этих организаций с социальной базой и индивидуализации политического поведения. Это выражается не только в падении доверия избирателей партиям как институтам политического представительства и снижение уровня партийного активизма, но и ослабляет влияние фактора партийной идентификации на результаты голосования. Помимо уменьшения количества избирателей, идентифицирующих себя с определенной политической партией, снижение влияния партийной идентификации на результаты выборов косвенно проявляется в увеличении количества неустойчивых избирателей.

В числовом выражении эти тенденции выглядят следующим образом. В США в 60-е гг., когда влияние партийной идентификации на голосование было наиболее значительным, количество твердых сторонников политических партий составляло 35—37%. К 80-м гг. эта доля снизилась до четверти всех избирателей. В настоящее время примерно одна пятая часть американцев меняет свои политические предпочтения на выборах. Твердые сторонники политических партий в 60-х гг. в Великобритании составляли более 40%. К 80-м гг. эта доля уменьшилась примерно на половину¹⁰. Во Франции, где исторически уровень политизированности населения был довольно высоким, а традиции партийной идентификации были достаточно сильными, в 1978 г. более 80% взрослого населения идентифицировало себя с какой-либо политической партией, тогда как в 1985 г. эта доля избирателей снизилась до 60,7%¹¹. Как показывают результаты исследований, в других странах происходят аналогичные процессы.

Вместе с тем ослабление партийной и идеологической идентификации также может рассматриваться лишь в качестве тенденции, так как, несмотря на снижение их влияния, эти факторы продолжают оказывать значимое воздействие на электоральное поведение.

Еще одной тенденцией эволюции электорального поведения является рационализация процесса формирования политических ориентаций и появление категории «нового избирателя», составляющего около 10—15% электората. Эта группа избирателей характеризуется

¹⁰ Dalton R. Citizen Politics in Western Democracies: Public Opinion and Political Parties in the United States, Great Britain, West Germany and France. Chatham, 1988. P. 188.

¹¹ Chariot J. La transformation de l'image des parties politiques français // Revue française de science politique. 1986. N 1. P. 6; Le Monde. 1985. 23 oct.

первую очередь, мобильностью, нестабильностью политических предпочтений, несмотря на регулярное участие в выборах. Ее представители, как правило, являются выходцами из наиболее образованных средних слоев населения, «социологического центра». Они молоды, хорошо информированы, скептически настроены в отношении идеологий, положительно настроены в отношении политики «открытости» правительственных коалиций. Их отношение к электоральным процедурам определяется позицией потребителя.

Появление этой группы избирателей отражает происходящую рационализацию электорального выбора. На уровне формирования политических предпочтений этот процесс проявляется также в увеличении влияния на электоральный выбор позиции граждан по отдельным проблемам, в частности по экономическим проблемам. Если раньше влияние позиции избирателей по отдельным проблемам было опосредовано принадлежностью к социальной группе или политической партии, групповым восприятием, то теперь, как отмечают некоторые исследователи, оно в равной степени может осуществляться напрямую в связи с происходящей индивидуализацией политического сознания¹².

Параллельно со снижением влияния «классических» социальных расколов и фактора партийной идентификации возникают новые основы формирования политических предпочтений, связанные с постиндустриальной стадией развития общества, возникновением и развитием постматериальной системы ценностей. Проблемы качества жизни, защиты окружающей среды, прав женщин привлекают все большее количество избирателей.

Ориентация на «новые» ценности, новые проблемы, в первую очередь, характерна для представителей социальной группы, которая в наименьшей степени вовлечена в традиционную систему социальной дифференциации: новый средний класс, наиболее образованный, молодой, нерелигиозный, то есть для представителей тех социальных слоев, из которых происходит рекрутирование «нового избирателя».

В целом эволюция политических ориентации в странах развитой демократии в последние десятилетия характеризуется снижением влияния долгосрочных факторов формирования политических предпочтений и усилением влияния краткосрочных факторов, таких как влияние имиджа кандидата и позиция избирателей по отдельным проблемам. Вместе с тем, как показывают результаты сравнительных исследований, социально-групповые факторы и особенно фактор политической идентификации продолжают играть существенную роль при формировании политических ориентации на выборах.

¹² Dalton R.J. Citizen Politics... P. 201.

3. Поведение избирателей в России

Описывая основные модели электорального поведения, сложившиеся в зарубежной политической науке, мы не можем обойти своим вниманием проблемы использования данных теорий в России. Исследователи неоднозначно оценивают сложившуюся ситуацию. Е.Г. Морозова, например, пишет, что зачастую постановка вопроса об укладывающихся в определенное число формул голосования встречается у наших исследователей скептическое отношение. Одни продолжают настаивать на тезисе о полной непредсказуемости российского электората и непригодности каких бы то ни было теоретических моделей и формул для объяснения электорального выбора. Другие, напротив, утверждают, что результаты выборов абсолютно прогнозируемы, ибо прямо зависят от сумм, вложенных в кандидатов, степени искушенности нанятых ими команд профессионалов, доступа к средствам массовой информации и административным рычагам власти¹³.

И все же при всей неоднозначности и видимой противоречивости российского политического выбора накопленная электоральная статистика, данные социологических опросов дают возможность говорить о появлении некоторых устойчивых тенденций в электоральном поведении российских граждан. Так, Г.В. Голосов на основе анализа результатов региональных выборов пришел к заключению, что все три основные теории электорального поведения, разработанные в западных демократиях, «работают» и в российских условиях; наиболее эффективным оказывается «социально-психологический подход», далее следует теория «экономического голосования», и, наконец — «социологический» подход¹⁴.

Разумеется «социологический подход» был сформулирован для обществ с устоявшимися, хорошо изученными связями между социальными структурами, а также с предсказуемыми связями между социальным положением индивида и его политическими установками. Как показывают исследования, в России эти связи носят весьма неустойчивый и часто непредсказуемый характер. Неустойчивость и непредсказуемость связей между социальным положением индивидов и их электоральными предпочтениями привели некоторых аналитиков к заключению о том, что во многих новых демократиях, например в России, известные социальные факторы не оказывают существенного

¹³ Морозова Е.Г. Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии. М., 1999.

¹⁴ Голосов Г.В. Поведение избирателей в России: теоретические перспективы и результаты региональных выборов//Полис. 1997. № 5.

влияния на голосование, а сам этот выбор делается исходя из соображений идеологического характера, персональных качеств кандидата. Действительно, в посткоммунистических обществах практически не прослеживается наиболее популярный в западных электоральных исследованиях «раскол» между собственниками и рабочими.

Следует, однако, отметить, что новые типы связей между избирателями и политическими институтами в этих странах находятся на стадии становления. Россия только начала делать серьезные шаги на пути построения экономической модели, напоминающей рыночные условия. Поэтому при дальнейшем развитии демократических институтов и рыночной экономики можно ожидать некоторого укрепления социальных основ формирования политических предпочтений. Такой прогноз позволяет сделать то обстоятельство, что продолжение экономических преобразований сопряжено с ростом социального неравенства, результатом чего является различный или даже полярный опыт социальных групп в условиях рыночной экономики¹⁵.

Вместе с тем в России существует «раскол», отошедший на второй план как фактор электорального поведения в большинстве западных стран, — разница между избирательскими предпочтениями городского и сельского населения. Наличие подобного раскола было впервые зафиксировано в 1989 г. при анализе результатов выборов депутатов Съезда народных депутатов СССР, показавшем, что «продемократический» субэлекторат концентрируется севернее 55-й параллели, а «прокоммунистический» — южнее. Поэтому при анализе электоральных процессов в России сложилась устойчивая традиция связывать результаты голосования с процентной долей горожан в населении региона. Именно этот показатель соотношения числа горожан и сельских жителей берет Г. Голосов в качестве центрального понятия социологического подхода¹⁶. В то же время Ю. Шевченко исключает из электоральной формулы категорию социологического «раскола», объясняя это тем обстоятельством, что специфика посткоммунистического общества избавляет избирателя от багажа социальных связей и предопределенных решений, предоставляя ему широкие возможности для индивидуального выбора¹⁷.

Обращение в странах посткоммунистического блока к центральной категории социально-психологического подхода — категории

¹⁵ Эванс Д., Уайтфилд С. Социально-классовый фактор политического поведения россиян//Социс. М., 2000 — № 2. С. 39—51.

¹⁶ Голосов Г.В. Указ. соч.

¹⁷ Шевченко Ю.Д. Между экспрессией и рациональностью: об изучении электорального поведения в России//Полис. М., 1998. № 1.

«партийной идентификации» сопряжено с большими методологическими и техническими проблемами. В странах развитой демократии партийная идентификация формируется в процессе политической социализации личности. Исследования, проведенные в ряде демократий в 60-е гг., показали, что дети уже в возрасте 10—11 лет проявляют партийные предпочтения, определенные родительской приверженностью, которая оказывает продолжительное влияние в течение всей его жизни¹⁸. В России же единственно возможной партией, способной оказывать долгосрочное влияние на избирателя, была Коммунистическая партия. Что же касается новообразованных политических партий, то их крайняя нестабильность влечет за собой и неустойчивость их электората, что делает невозможным применение понятия «партийная идентификация» в чистом виде.

Значит ли это, что социально-психологическая модель голосования неприменима в России? Как отмечает Ю.Д. Шевченко, современный российский электорат пока еще находится на той стадии, когда идентификация возможна исключительно на базе идеологии, следствием чего является электоральная неустойчивость в стране. Данный процесс осложняется и неустойчивостью позиций самих партий, многие из которых также существуют от выборов до выборов. В то же время, исследования показывают, что субэлектораты каждого из идеологических блоков довольно стабильны, тогда как электоральная неустойчивость в самих этих блоках (перетекание избирателей от одной партии к другой) чрезвычайно высока. Это означает, что для избирателя важна не сама партия, а идейно-политическая позиция, что на следующих выборах он может предпочесть другую партию, но его приверженность исходной идеологической ориентации сохранится¹⁹.

Как отмечают Р. Роуз и У. Мишлер, в странах посткоммунистической Европы превалирует негативная партийная идентификация. Это означает, что избирателям гораздо легче понять, за какую партию они никогда не будут голосовать. Исследования, проведенные в 1995 г. в Венгрии, Польше, Румынии и Словении, показывают, что 77% опрошенных имели негативную идентификацию и только 30% опрошенных — позитивную. Данное обстоятельство объясняется тем, что за долгие годы существования единственно возможной Коммунистической партии сама идея партии была существенно дискредитирована. Исследователи выделяют 4 типа партийной идентификации, харак-

¹⁸ Harrop M. and Miller W.Z. 1987. Elections and Voters. A Comparative Introduction. Hampshire and L., 1987.

¹⁹ Шевченко Ю.Д. Указ. соч.

терные для стран посткоммунистического блока, — негативный, закрытый, апатичный и открытый.

При негативном типе идентификации избиратель может сказать, за какую партию он никогда не будет голосовать, при этом он затрудняется выбрать партию, за которую бы он проголосовал. Этот тип идентификации демонстрируют 52% опрошенных. Закрытый тип подразумевает наличие и негативной и позитивной идентификации у избирателей и существует в поляризованном мире электоральных отношений. Закрытая идентификация характерна для 25% респондентов. Открытый тип демонстрируют избиратели, идентифицирующие себя с определенными партиями, и при этом они не могут назвать партий, за которые бы не стали голосовать. Подобный тип характерен для обществ со стабильной партийной системой. Г. Алмонд и С. Верба характеризовали 82% американцев как избирателей с открытым типом идентификации. Результаты исследования, проведенного на материале стран посткоммунистического блока, показали, что только 5% избирателей относятся к этому типу. И, наконец, апатичный тип представляют собой избиратели, не имеющие ни негативной, ни позитивной идентификации. Данный тип характерен для 18% респондентов²⁰.

Наиболее разумным для объяснения факторов электорального поведения российских избирателей, казалось бы, является применение теории экономического голосования. Одна из проблем, связанная с использованием данного подхода, заключается в том, что практически повсеместно в странах Восточной Европы и в России в частности, падение коммунистического режима и приход демократии сопровождался значительным ухудшением экономического положения как отдельных граждан, так и государства в целом. Общество привыкло жить в перманентном кризисе, и оценка деятельности любых органов власти невозможна с позиций, свойственных западным избирателям. Между тем электоральный успех зачастую сопутствовал реформаторам и сторонникам еще более глубоких преобразований. Данное обстоятельство побудило Г. Китчелю сформулировать гипотезу о том, что, в отличие от населения западных стран, граждане новых демократий голосуют, во-первых, эгоцентрично, во-вторых, перспективно. Имеется в виду, что избиратель ориентируется в своем выборе на основе оценки того, как он лично сможет улучшить собственное экономическое положение с приходом того или иного политика.

Данное положение находит как сторонников, так и противников. Например, результаты исследования Я. Фидрмука свидетельствуют в

²⁰ Rose R., Mishler W. Negative and Positive Party Identification in Post-Communist Countries//Electoral Studies, 1998, Vol. 17, No. 2.

пользу положения Китчелта. Исходя из гипотезы о том, что решены избирателей зависит от экономической ситуации в стране на момент голосования, а также от их ожиданий по поводу будущих экономических реформ, Я. Фидрмук проанализировал тенденции в голосовании избирателей в четырех Восточноевропейских странах — Чехии, Венгрии, Польши и Словакии на протяжении нескольких электоральных циклов. Исследователь поставил своей целью проследить зависимость между экономическими реформами и результатами выборов. Результаты исследования показывают, что в посткоммунистических странах наблюдается сильная зависимость между экономическим развитием и электоральным поведением. Но «электоральное поведение в странах перехода не является ретроспективным, — избиратели поддерживают те партии, которые смогут принести им выгоду в будущем»²¹.

Однако подобный подход находит и немало оппонентов. В частности, Г. Голосов задает вопрос: «Почему восточноевропейские избиратели, демократический опыт которых весьма невелик, оказываются способными тщательно рассчитывать последствия своего выбора, выказывая тем самым уровни политической заинтересованности и информированности, недоступные гражданам западных стран?»²²

Кроме того, данные по некоторым восточноевропейским странам прямо опровергают положение о перспективном и эгоцентричном голосовании, указывая на ретроспективный и социотропный характер голосования.

Ю. Шевченко предлагает иной подход для объяснения электоральных предпочтений избирателей поставторитарных стран. Этот подход исследователь называет институциональным. Основой такого подхода является представление, согласно которому характер властных полномочий избираемого института оказывает существенное влияние на поведение избирателей. «Неравномерное распределение властных полномочий между исполнительной и законодательной ветвями власти порождает раздельное голосование. При выборе политического института, чьи полномочия ограничены, ведущей мотивацией оказывается инструментальная, тогда как на выборах политически более сильного института доминирует идеологическая идентификация»²³.

²¹ Fidrmuc J. Economic of voting in post-communist countries//Electoral studies. 2000. № 19. P. 215.

²² Голосов Г.В. Партийные системы России и стран Восточной Европы: генезис, структуры, динамика. М., 1999. С. 97.

²³ Шевченко Ю.Д. Поведение избирателей в России: основные подходы/Выборы в посткоммунистических обществах. Пробл.-тем. сборник. ИНИОН РАН М., 2000.

Подобный подход находит некоторое подтверждение в России. На выборах в Государственную Думу, являющуюся слабым политическим институтом, побеждают «оппозиционные» силы, что, согласно институциональному подходу, является следствием «наказания» за неудачных курс правительственных реформ. Тогда как при выборе Президента РФ одной из мотиваций остается идеологическая идентификация, мало связанная с текущим экономическим положением избирателей. В качестве примера данного положения Ю. Шевченко рассматривает итоги голосования в Госдуме в 1993 и 1995 гг., где наибольшее число голосов избирателей получили ЛДПР и КПРФ, и президентских выборов 1996 г.

Остается невыясненным вопрос, почему в 1999 г. на выборах в Госдуму проправительственный партийный блок «Единство» не только не был «наказан» за неудавшиеся экономические реформы, а выступил более чем успешно, и на выборах президента в 2000 г. также победил ставленник Ельцина В. Путин. По мнению Ю. Шевченко, «важнейшим фактором, повлиявшим на обе избирательные кампании, стали антитеррористическая операция в Чечне и вызванный ею подъем «патриотических» эмоций в стране. Влияние социально-экономических и институциональных условий на электоральные процессы имеет смысл изучать лишь в том случае, если на выборы не влияют проблемы терроризма и насилия. В этом случае, структурные и институциональные факторы отступают в тень»²⁴.

Вместе с тем существует и другое объяснение данной ситуации. Некоторые исследователи рассматривают голосование на парламентских выборах в России как наиболее идеологически окрашенное и многовариантное, что не исключает возможности протестного поведения (Мелешкина Е., Малютин М. и др.). Одним из факторов, влияющих на возникновение такой ситуации, является именно второстепенность выборов, обусловленная особенностями разделения властей, а также спецификой правил электоральной игры. Рядом исследователей отмечается, что в России «политические традиции придают властным отношениям такую конфигурацию, когда диспозиции политических сил относительно локусов власти, равно как и ориентации на эти средоточия власти избирателей, превращаются в основные критерии электорального поведения... Ориентации избирателей, в свою очередь, отмечены поисками «настоящей власти» — с одной стороны, отбрасывающей традиции подчинения самодержцу (тоска по «доброму царю»), а с другой стороны, способной продемонстрировать свою власт-

²⁴ Там же. С. 129.

ность («грозу», «крутость»)²⁵. Именно этими факторами объясняется победа «Единства» на парламентских выборах 1999 г. и в целом успех идеологически безликих партий власти, а также результаты президентских выборов 2000 г.

Вопросы для самоконтроля

1. В чем заключаются основные отличия социологической модели электорального поведения от социально-психологической?
2. Каковы достоинства и недостатки модели рационального голосования?
3. В чем заключаются основные проблемы изучения электорального поведения в России?
4. Какие точки зрения относительно формирования политических предпочтений избирателей в посткоммунистических странах вам известны?

Литература для самостоятельного изучения

1. Голосов Г.В. Поведение избирателей в России: теоретические перспективы и результаты региональных выборов//Полис. 1997. № 5.
2. Мелешкина Е.Ю. Формирование партийных предпочтений избирателей в посткоммунистических странах Восточной Европы: основные концепции//Выборы в посткоммунистических обществах. Пробл.-тем. сборник ИНИОН РАН. Отв. ред. и сост. Е.Ю. Мелешкина. М., 2000.
3. Шевченко Ю.Д. Между экспрессией и рациональностью: об изучении электорального поведения в России//Полис. 1998. № 1.
4. Шевченко Ю.Д. Поведение избирателей в России: Основные подходы//Выборы в посткоммунистических обществах. Пробл.-тем. сборник ИНИОН РАН. Отв. ред. и сост. Е.Ю. Мелешкина. М., 2000.
5. Comparing Democracies. Elections and Voting in Global Perspective. Ed. by LeDuc L., Niemi R., Norris P. Thousand Oaks, 1996
6. Harrop M. and Miller W.Z. Elections and Voters. A Comparative Introduction. Hampshire, London, 1987.

²⁵ Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю. Выборы 1999-2000 гг. в России: трансформация электорального пространства и властных отношений//Политическая думка. №2. С.

Глава 10 Политическое лидерство

Вопросы

1. Политическое лидерство: понятие и механизм реализации.
2. Типология политических лидеров.
3. Социологические исследования политического лидерства в России.

1. Политическое лидерство: понятие и механизм реализации

Ни один политический процесс невозможно себе представить без участия политических лидеров. Очень часто именно политические лидеры определяют содержание и характер политических событий. Это можно наглядно проиллюстрировать с помощью аналогии, предложенной Р. Такером: «Институты и другие каналы политического процесса являются электросетью сверхсложного компьютера, а президенты и другие лидеры — прерывателями этой сети». Поэтому немаловажно знать «исполнительные» свойства прерывателей, их эксплуатационные качества, поскольку, спотыкаясь в самые неподходящие моменты, теряя важную информацию и порождая другие следствия этой заминки, они порой подвергают систему опасности разрушения¹.

Лидерство обладает признаком универсальности, т.к. это явление встречается повсюду. Кроме того, лидерство имеет групповую природу.

¹ Цит по: Гринштейн Ф. Личность и институт современного американского президентства//Социально-политический журнал. 1995. № 2. С. 200.

ду: оно возникает там, где формируются группы. Лидерство возникает тогда, когда появляется потребность в субъекте, «способном продуцировать общественную идею, выражать то, что сознает общество, быть носителем коллективного сознания и организатором коллективных действий»².

Несмотря на то что феномен лидерства мы можем наблюдать повсюду, политическое лидерство отличается от лидерства других типов. Эти отличия кроются в причинах возникновения лидерства, его характере, функциях, средствах влияния и т.п. Так, в частности, политическим лидером может стать человек, не обладающий особыми личностными качествами, но занимающий какой-либо пост, связанный с доступом к властным ресурсам и механизмам их мобилизации.

Политическое лидерство, как правило, отличается опосредованным характером. Это «дистанционное» лидерство, при котором отношения между лидером и массами складываются как опосредованные, то есть с помощью средств массовой коммуникации, различных общественно-политических организаций, людей, обслуживающих органы государственного управления и т.д.

Не менее важной особенностью является многоролевой характер политического лидерства, основанный на необходимости соответствия различным ролевым ожиданиям (например, ожидания его ближайшего окружения, политической партии, административно-управленческого аппарата, населения страны в целом или отдельной его группы и т.п.).

Политическое лидерство в большей или меньшей степени отличается корпоративным характером. Это связано не только с его групповой природой, но и, прежде всего, с тем, что многочисленные роли политического лидера выполняет не он сам, а другие люди, например, его ближайшее окружение, административный аппарат и т.д.

Функциональная и социально-групповая природа политического лидера обуславливает то, что «политическим лидером» может быть и группа лиц, которая становится лидером в силу занятия определенных политических позиций. В этой связи характерно, что, как отмечают многие исследователи, для советской России было характерно коллективное лидерство.

Количество и содержание функций политического лидера зависит от целого ряда факторов: от типа политической системы и политического режима, политической культуры и т.д.

Одной из основных функций является функция сплочения, которая предполагает согласование и объединение различных интересов.

² Зеркин Д.П. Политология. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1996. С. 333.

представленных в группе или обществе. Политический лидер особенно общегосударственного уровня является не только человеком, представляющим интересы социальной группы или общества в целом, но и выступает идентификационным символом всего сообщества или определенной группы.

Не менее важной является и ориентационная функция, суть которой заключается в выработке лидером стратегических и тактических решений. Выдвигая некие предложения, например, в виде политического курса, лидер для успешного его осуществления должен заручиться поддержкой народных масс. Поэтому он и обращается за поддержкой к населению, побуждая людей к определенным политическим действиям, к проявлению политической активности. Это мобилизационная функция. Она особенно активно реализуется политическим лидером при радикальных преобразованиях общества.

В рамках политической науки и смежных дисциплин не существует согласия ученых по поводу того, почему одни люди становятся политическими лидерами, а другие нет, какова природа политического лидерства. Существует большое количество теорий, по-разному трактующих природу лидерства и его механизм. Обычно выделяют теорию черт, ситуационную теорию, интегративную, теории конституентов (последователей), психологические теории.

Теория черт возникла на основе работ Ф. Гальтона, объясняющего лидерство наследственностью. Главная идея этого подхода заключается в том, что лидер становится лидером в результате обладания особыми качествами, отличающими его от остальных людей. Так, например, А.Ф. Гринштейн считает, что политические акторы в реальной жизни распределены по своим ролям под влиянием личностных качеств³. Безусловно, лидерами не рождаются, а становятся. Но это по силам не каждому человеку, а только личности, которая отличается «самостоятельностью мышления, способностью генерировать идеи, выражать настроения масс, ставить интересы общества выше личностных, быть для объекта понятной и понятой»⁴. Таким образом, любой политический лидер, должен обладать рядом качеств, позволяющих ему занять соответствующее положение.

Ученые предпринимали многочисленные попытки выделения этих качеств. В 1940 г., обобщив имеющиеся данные, американский психолог К. Бэрд составил список 79 черт, которые различные исследователи

³ Гринштейн А.Ф. Личность и политика // Социально-политические науки. 1995. № 10. С. 69.

⁴ Андреев С.С. Политический авторитет и политическое лидерство // Социально-политический журнал. 1993. № 1—2. С. 31.

⁷ Политический процесс: основные аспекты и способы анализа

ли отмечали в числе «лидерских». Интересно отметить, что ни одна из них не занимала прочного места в перечнях: «65% названных черт были упомянуты лишь однажды, 16—20% — дважды, 4—5% — трижды, и лишь 5% черт были названы 4 раза»⁵. В 1948 году Р. Стогдилл проанализировал данные 124 исследований черт лидеров и получил более удручающий результат: полученные данные в одном исследовании противоречили данным другого. В итоге не осталось практически ни одной черты лидера, с которой были бы согласны все авторы исследований лидерских качеств. Такое несовпадение во взглядах объяснялось прежде всего субъективизмом этих теорий, которые отражали скорее особенности самих исследователей, чем черты лидера.

Вслед за теориями черт появились *ситуативные теории*, в которых утверждалось, что появление лидера происходит под влиянием места, времени и обстоятельств. Основное содержание данной концепции заключалось в том, что разные обстоятельства формируют потребность в разных лидерах. Сторонники этой теории рассматривали лидера как функцию ситуации, подчеркивая относительность качеств личности. Действительно, в разных ситуациях необходимо проявление неодинаковых качеств политического лидера. Так, например, на митинге прислушиваться будут к такому политическому лидеру, который обладает ораторским искусством, умеет увлечь и организовать массы; президент государства должен производить впечатление компетентного человека, умеющего в нужный момент принять правильное решение, учитывающее интересы большинства населения.

Следует, однако, отметить, что ее представители не учитывали тот факт, что не только ситуация может создавать лидера, но и сильная личность способна создать ситуацию. Ю. Дженнингс по этому пишет следующее: «Великие события всегда свадьба между человеком и временем. Великий лидер «чувствует» ситуацию и знает... когда он может ее использовать... обратить в свой актив»⁶.

Исследования Р. Стогдилл и К. Шатли дали начало изучению лидерства с точки зрения взаимодействия, восприятия и поведения лидера по отношению к другим членам группы. Политическое лидерство стало рассматриваться не только в качестве характеристики отдельного человека, но и как отношения между людьми. Это направление

⁵ Абашкина Е.Б., Косолапова Ю.Н. О теориях политического лидерства в современной политической психологии // США: экономика, политика, идеология. 1993. № 4. С. 16.

⁶ Цит по: Ашин П.К. Критика современных буржуазных концепций лидерства. М.: Мысль, 1978. С. 43.

получило свое дальнейшее развитие в виде группы теорий последователей (или конституентов).

Среди этой группы выделяется *теория ожидания-взаимодействия*, которая создает операциональную модель политического лидерства. Ее представителями являются Дж. Хемфилл, Ф. Фидлер и др. Основная идея заключается в выделении зависимости стиля политического лидерства от конкретной ситуации, которое влияет на эффективность группы в целом.

другим исследовательским направлением в этой группе теорий является *мотивационная теория лидерства* (С. Митчел, С. Эванс и др.). Данная концепция оценивает эффективность лидера в зависимости от его воздействия на последователей, а также на их способность к результативному выполнению задания и удовлетворению, испытываемому ими в процессе реализации поставленной цели.

Не менее важное место среди теорий последователей политического занимает *теория обмена и транзакционного анализа* (Дж. Хоманс, Дж. Марч, Г. Саймон, Г. Келли, К. Джерджен). Согласно этой теории, лидер должен чувствовать потребности и желания своих последователей и предлагать им различные способы их осуществления. Главный акцент в этой модели делается на процессе взаимодействия лидера и последователей. В качестве примера реализации этой теории на практике может рассматриваться Ф. Рузвельт. По мнению американцев, он был тем лидером, которому можно доверить решение проблем, которые волнуют всех. Ф. Рузвельт был одним из немногих президентов, который сохранил поддержку населения, несмотря на изменение направленности своей политики.

Атрибутивные теории рассматривают действия лидера (его поведение) как отражение целей группы. Согласно этой теории, для объяснения политического лидерства необходимо изучить ожидания и цели последователей. Процесс формирования политического лидера имеет двухстороннюю направленность. С одной стороны, это процесс стихийный, поэтому он рассматривается как результат творчества масс. С другой стороны он носит целенаправленный характер, происходит под воздействием средств массовой информации. В целом процесс формирования политического лидера рассматривается в контексте политической культуры общества, ее особенностей.

Различное понимание природы политического лидерства связано, в первую очередь, с тем, что исследователи подходят к изучению данного феномена с разных позиций, анализируют различные аспекты этого явления. Это обстоятельство стало причиной появления *интегративных теорий* политического лидерства.

Одной из первых была *личностно-ситуационная теория*. Еще в 1952 г. Г. Герт и С. Милз описали четыре фактора, которые необходимо учитывать при исследовании политического лидерства:

- ◆ черты и мотивы лидера как человека;
- ◆ образы лидера и мотивы, существующие в сознании его последователей, побуждающие их следовать за ним;
- ◆ характеристики роли лидера;
- * институциональный контекст, то есть официальные и правовые параметры, в которых работает лидер и в которые он и его последователи вовлечены⁷.

Более удачный вариант анализа различных аспектов представляют собой модели лидерства, основанные на анализе его различных факторов. Какие же факторы, влияющие на этот феномен, определяющие своеобразие и характер лидерства, выделяются исследователями?

Известная американская исследовательница М. Херманн отмечает следующие группы факторов:

- ◆ исторический контекст (или ситуация);
- * психологические характеристики лидера;
- ◆ последователи или сторонники лидера;
- * отношения между лидером и его последователями;
- ◆ поведение лидера.

Особое внимание она обращает на психологические характеристики. Среди них она выделяет «базовые» политические убеждения лидера, его политический стиль (например, склонность к работе в группе или в одиночку, к детальному изучению проблем или получению лишь обобщенной информации и т.д.), мотивацию достижения лидирующих позиций, реакции лидера на стрессы и давление, способ, которым он достиг своего положения, предшествующий политический опыт лидера, политический климат, в котором происходило его становление⁸.

Анализируя предложенный перечень факторов, Г. Дилигенский усматривает в нем определенную противоречивость (например, считает неправомерным отнесение поведения и политического стиля к различным группам факторов)⁹. Он предлагает выделять внешние и внутренние факторы. Внешние воздействуют на формирование и деятельность политического лидера, а внутренние включают

⁷ Абашкина Е.Б., Косолапова Ю.Н. Указ. соч. С. 16—17.

⁸ Hermann M.G. *Ingredients of Leadership/Political Psychology*. Contemporary Problems and Issues. San Francisco, L., 1986.

⁹ Дилигенский Г. Социально-политическая психология. М., 1996. С. 21¹.

в себя психологические характеристики лидера и особенности его поведения.

К внешним факторам относится национально-историческая ситуация, в которой осуществляет свою деятельность лидер. Наиболее важными ее характеристиками являются политический режим и политическая культура данной страны. Так, например, в условиях тоталитарного политического режима действуют абсолютно иные принципы и механизмы формирования и отбора политических лидеров, чем при демократии. В условиях демократического политического режима политический лидер ориентирован на завоевание популярности и доверия населения, вынужден постоянно доказывать свою дееспособность и политическую эффективность. При тоталитарном режиме лидер, популярность которому нужна не меньше, чем демократическому, использует, например, механизм сакрализации личности «первого лица», когда «сам факт его пребывания на троне или в кресле генсека признается достаточным основанием выполнения им этой роли во временных пределах, ограниченных лишь его уходом из жизни»¹⁰.

На психологию политического лидера оказывают влияние нормативные предписания, существующие в данной политической системе. Это так называемые «правила игры». Исследователи называют их «нормами—рамками», то есть требованиями, которые предъявляются к политическому лидеру и которые признаются и соблюдаются большинством населения.

Особенности политической системы и политического режима обуславливают различную роль лидеров в политическом процессе той или иной страны. Например, на функционирование некоторых политических режимов не оказывает большого влияния пребывание в качестве лидеров заметных фигур с ярко выраженными личностными качествами. Вместе с тем существуют формы правления, при которых верно совершенно противоположное суждение. В качестве примера первой ситуации можно привести Великобританию с ее традицией кабинетного правления, в которой личность премьер-министра очень часто не имеет большого значения. Во втором случае можно остановиться на современной системе американского президентства, которая благоприятствует тому, что личность президента оказывает более существенное влияние на политический процесс, чем в парламентских республиках и монархиях.

Интересно в этой связи отметить, что, например, применить атомную бомбу приказал Гарри Трумэн, а начало полномасштабной военной интервенции в Южном Вьетнаме санкционировал также конкрет-

¹⁰ Там же. с. 213.

ный человек, а именно Линдон Джонсон. Некоторые исследователи считают, что в США «президент играет доминирующую роль в процессе принятия важных для страны решений»¹¹. Это позволяет рассматривать личности президентов как один из важных параметров американского политического процесса.

На политическое лидерство оказывают влияние не только фундаментальные особенности политической системы и режима, но и конкретная фаза их исторического развития. Это влияет, с точки зрения М. Херманн, на политический климат, в котором формируется лидер, его предшествующий политический опыт, способы, которыми он достиг своего положения.

Среди ситуационных состояний политической системы, оказывающих воздействие на лидеров, можно выделить следующие:

1. становление системы;
2. ее устойчивое равновесие и поступательная эволюция;
3. стагнация системы, сопровождаемая дисфункциональными, кризисными явлениями;
4. состояние ситуационного кризиса, вызванного усложнением конкретных проблем внутренней или внешней политики, угрожающим стабильности системы;
5. общий кризис системы, выражающийся в ее необратимой дестабилизации¹².

Каждая из этих фаз предъявляет свои требования к политическим лидерам, которые могли бы наиболее успешно функционировать и принимать решения в условиях конкретной политической ситуации. Так, например, период Великой депрессии, характеризуется острым ситуационным кризисом, который перерос в общесистемный. Именно в этот период личные качества Ф. Рузвельта (качества «демократического реформатора») позволили выйти США из очень опасной фазы в состояние устойчивого равновесия, а затем и перейти к поступательной эволюции.

Не менее важными оказываются и «внутренние» факторы, то есть психологические характеристики и стиль поведения политического лидера. Большое значение имеет искусственно созданный образ, или имидж, политического лидера, позволяющий демонстрировать наличие определенных личностных и социальных качеств. Благодаря имиджу политики превращаются из простых людей в героев политической сцены, что позволяет им выполнять роль идентификационного символа. Интересно, что еще Н. Макиавелли в своей работе «Государь» от-

¹¹ Гринштейн Ф. Личность и институт... С. 198.

¹² Дилигенский Г. Указ. соч. С. 214.

мечал, главное для политика не реальное обладание необходимыми качествами, а умение их демонстрировать. Поэтому, говоря о «внутренних» факторах следует иметь в виду не только реальные особенности личности, но и отдельные составляющие имиджа лидера.

Одним из таких «внутренних» факторов является когнитивный стиль политиков. Американские исследователи изучают когнитивный стиль политиков, который характеризуется «по критерию простоты и сложности восприятия ими явлений и процессов, образующих объекты их профессиональной деятельности»¹³. На основе этого критерия возможно выделить два крайних типа политиков: первый, мыслящий в рамках примитивных жестких стереотипов, второй, стремящийся к формированию целостного образа объекта на основе представлений и оценок, отражающих различные его стороны. Выбранный стиль поведения политика будет влиять на принятие им политических решений.

Для изучения когнитивного стиля политического лидера политические психологи ввели операциональное понятие «интегративная сложность». Уровень интегративной сложности измеряется специальной методикой контент-анализа выступлений, статей и других документов, используемых политиками¹⁴. Наиболее интересные результаты в этой области были получены американским исследователем П. Тетлоком, который сравнил взгляды американских сенаторов с их когнитивным стилем¹⁵. Уровень интегративной сложности у консервативных законодателей оказался ниже, чем у умеренных политиков и либералов.

На основе полученных американскими исследователями данных было выведено два вида причинно-следственных связей между ситуацией, которая выдвигает политического лидера, и его когнитивным стилем. Осуществляемая в мирное время деятельность политиков, которые пришли к власти в конфронтационных ситуациях (например, война или революция), оказывается менее эффективной. Некоторым революционным лидерам с наиболее жесткими когнитивными стилями не удалось сохранить своих значимых позиций в ситуации, которая требовала других (иных по содержанию) психологических качеств¹⁶.

¹³ Там же. С. 220.

¹⁴ Schroder H. M., Driver M.Y., Streufert S. Human information processing. N.Y., 1967.

¹⁵ Tetlock P. Cognitive Style and Political Ideology//Journal of Personality and Social Psychology. 1983. Vol. 45. P. 118—126.

¹⁶ См., например: Suedfeld P., Rand A.D. Revolutionary leaders. Longterm success as a function of changers in conceptual complexity//Journal of Personality and Social Psychology. 1976. Vol. 34. P. 164—178.

С другой стороны, уровень интегративной сложности политического лидера может изменяться в зависимости от изменения политической или иной ситуации. Например, как отмечают исследователи в США исторически складывается такая зависимость, что у кандидат на пост президента уровень интегративной сложности ниже, чем у тех же лидеры становятся президентами. Эта особенность может быть связана с поведением избирателей, у которых очень часто нет желания, ни способностей разбираться в сложных политических программах кандидатов, поэтому они действуют по упрощенной схеме предлагая примитивные и однозначные решения.

Необходимо отметить, что в настоящее время уровень интегративной сложности любого политического лидера может быть не только реальной характеристикой когнитивного стиля политика, но и искусственно создаваемой. Это связано прежде всего с тем, что большая часть всех выступлений политиков написана специалистами («спичрайтерами»), которые и создают, с одной стороны, уровень интегративной сложности лидера, с другой стороны, оказывают существенное влияние на формирование имиджа политика.

Следовательно, можно сделать вывод, что на когнитивный стиль политиков оказывают влияние ситуационные мотивы, цели их деятельности, методы достижения этих целей и ролевые функции.

Предложенная методика изучения когнитивных стилей может быть наиболее эффективно использована для изучения политического лидерства в обществах с устоявшимися политической культурой, системой ценностей, которые обуславливают относительную устойчивость требований к психологическим особенностям политических лидеров. В России использование подобного рода методик затруднено. Это связано с часто возникающими кризисными ситуациями в государстве, которые требуют для их разрешения незаурядных способностей и особых психологических качеств от лидера, а также с происходящими переменами в политической культуре и системе ценностей.

Изучение когнитивных стилей политических лидеров предполагает решение вопроса о взаимосвязи политического лидерства и уровня интеллекта. Эта проблема волновала многих исследователей, которые пришли к выводу, что сила влияния политика возрастает при близости его интеллекта к среднему интеллектуальному уровню его сторонников и последователей. Оказывается, что самый низкий уровень влияния характерен для политических лидеров, чей интеллектуальный потенциал как в 3-4 раза ниже, так и выше среднего, наибольшей успешность в действиях была присуща тем, у кого интеллект превы-

шал средний всего лишь на 25-30¹⁷. Интересно отметить, что недавно избранный новый президент США Дж. Буш-младший по оценкам исследователей обладает средним интеллектом¹⁸. Один из бывших советников Дж. Буша-мл. в Мидленде в интервью журналу «Тайм» сказал следующее: «Если Джорджа изберут президентом, это окончательно подорвет мою веру в этот институт. Потому что он абсолютно обычный парень. Обаятельный и достойный? Бесспорно. Президентского калибра? Я бы этого не сказал»¹⁹.

Важным фактором, влияющим на характер лидерства, является его формальный или неформальный характер.

Для политического лидерства выделенная проблема соотношения между лидерством как способом поведения и определенным статусом рассматривается в двух направлениях:

1. Реальное лидерство и формальное положение не совпадают полностью, хотя могут частично перекрываться. Некоторые авторитетные политические лидеры не занимают высшего статусного положения, а часть из тех, кто занимает высшие должности, сложно назвать политическими лидерами. В качестве примера Ж. Блондель приводит королеву Великобритании или президента Германии, которые в современной политической ситуации в их странах скорее не являются политическими лидерами, минимально определяя ход политических событий.
2. Формальное положение и реальная власть практически всегда оказывают влияние друг на друга. Кто-то становится лидером в результате достижения определенного положения. Эта ситуация показывает, что политическое лидерство может быть частично зависимым от определенного положения. В.В. Путин, на наш взгляд, занимая должность главы российского правительства, предпринял все необходимые усилия для продвижения к реальному лидерству. Может иметь место и другая ситуация, при которой «должность, не приводящая к лидерству, открывает путь к нему в будущем, если какой-то лидер (в реальном смысле слова) займет эту должность»²⁰.

Таким образом, политическое лидерство представляет собой сложный феномен, изучение которого связано с выделением и харак-

¹⁷ Дилигенский Г.Г. Указ. соч. С. 229-230.

¹⁸ Антонова Л.А. Штрихи к политическому портрету Дж. У. Буша//США — Канада: экономика, политика, культура. 1999. № 11.

¹⁹ Там же. С. 55.

²⁰ Блондель Ж.. Политическое лидерство. Путь к всеобъемлющему анализу. М., 1992. С. 18.

теристикой целой совокупности факторов («внешних» и «внутренних»), оказывающих на него влияние.

2. Типология политических лидеров

Лидерство — явление достаточно многогранное. Реальные лидеры существенно отличаются друг от друга по своим качествам, стилям поведения, мотивам деятельности. Для изучения этого многообразия исследователи создают различные типологии политических лидеров которые конструируются на основе какого-либо критерия (критериев)

Наиболее признанной является типология политических лидеров основанная на типах легитимного господства, выделенных М. Вебером. Выделяется *традиционное лидерство*, которое основано на вере в святость и неизменность традиций; *рационально-легальное лидерство*, которое базируется на вере в законность существующего порядка и его «разумность»; *харизматическое лидерство*, опирающееся на веру в сверхъестественные способности вождя, который обладает харизмой, ниспосланной ему *богом*²¹.

Традиционное лидерство является типичным для доиндустриальных обществ, рационально-легальное — индустриальных, где от лидера уже требуется продемонстрировать определенный уровень компетентности и где он вынужден двигаться по ступенькам бюрократической карьеры. Традиционное и рационально-легальное лидерство характеризует функционирование стабильных политических систем, его основной целью является решение повседневных проблем. Их еще называют рутинными. Харизматическое лидерство является «специфически революционным»²². Это связано прежде всего с тем, что «оно не знает апроприации власти по образцу владения товаром ни хозяевами, ни сословными силами»²³.

Большинство политологов считают, что харизматическое лидерство особенно характерно для тоталитарных и авторитарных политических режимов. Причем необходимо отметить, что харизмой может обладать как политический лидер, так и политический институт. Например, «при избрании на должность генсека в прошлые десятилетия харизма, которой обладала монопольно правящая партия, автоматически проецировалась на нового лидера, даже на такого ничтожного, как

²¹ Вебер М. Политика как призвание и профессия//Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 646—648.

²² Там же. С. 141.

²³ Там же. С. 141.

К Черненко»²⁴. Если лидер не отвечал ожиданиям, возложенным на него последователями, харизма разрушалась различными способами. Анекдоты о Брежнев и других политических лидерах снимали с них покров официального величия и представляли их в истинном виде, ликвидируя при этом и харизму выдвинувшей их партии.

М. Берне разделил политических лидеров на две основные категории: лидеры-преобразователи и лидеры-дельцы²⁵. Преобразователи предлагают свою модель общественного развития, дельцы ставят конкретные прагматические цели и вырабатывают механизмы их достижения. Для стабильной политической системы характерен «деловой» тип лидерства, а трансформирующейся — «преобразующий».

Интересный критерий типологии политических лидеров приводит Ж. Блондель, выделяющих различную роль лидеров в зависимости от того, каким по счету ребенком он был в семье: единственным, старшим или младшим²⁶. Нельзя полностью утверждать соответствие полученных данных в отношении всех политических лидеров. Подтверждение было получено путем анализа роли американских президентов и британских премьер-министров. Первые и единственные сыновья лучше справляются с кризисными ситуациями. Разделив американские выборы на кризисные и некризисные, оказалось, что в 8 из 9 случаев кризисных выборов избирались первые и единственные сыновья, а в 12 из 21 некризисных к власти приходили младшие сыновья.

Зависимость была также установлена между положением ребенка в семье и стилем лидерства. Первенцы больше внимания уделяют внимание внешнеполитическим факторам, иногда провоцируют международные конфликты; младшие ориентируются на решение проблем путем компромиссов, а единственные пытаются ликвидировать разломы в обществе²⁷.

Еще одна достаточно обширная типология предложена российским исследователем Г.А. Авциновой²⁸. Так, например, по отношению к власти автор выделяет два типа политических лидеров: властвующий и оппозиционный. Оппозиционный делится на два подтипа — *конфронтационно-оппозиционный* (непримиримый противник существующей власти) и *конструктивно-оппозиционный* (критикует суще-

²⁴ Ашин Г.К. Политическое лидерство: оптимальный стиль//Общественные науки и современность. 1993. № 2. С. 120.

²⁵ См.: Блондель Ж. Указ. соч. С. 26.

²⁶ Там же. С. 66.

²⁷ Там же. С. 66.

²⁸ Авцинова Г.А. Политическое лидерство//Психология и психоанализ власти. Том 1. Самара, 1999. С. 517.

ствующую власть, но не ориентирован на ее немедленное свержение). В тоталитарно-авторитарных политических системах преобладает конфронтационно-оппозиционный тип лидера. Его приход к власти, как правило, ведет к радикальным трансформациям политической системы.

В стабильной политической системе преобладает конструктивно-оппозиционный тип лидера, который приходит к власти с помощью легитимных средств, и его приход не сопровождается резкими изменениями политического курса страны.

Властвующие лидеры также делятся на два подтипа — эгоцентрический и социоцентрический. Лидер эгоцентрического типа, в первую очередь, стремится к самореализации с помощью власти. Такая направленность власти рассматривается как инструмент компенсации физической или психической неполноценности (например, Дж. Кеннеди с детства страдал от травмы позвоночника, а Сталин — от дефекта руки и маленького роста). Социоцентрический видит цель своей деятельности в выполнении общественного долга. Кроме того, эгоцентрические и социоцентрические мотивы совсем необязательно выступают взаимоисключающими.

Другую типологию политических лидеров, на основе создаваемых ими имиджей, приводит Е.Г. Морозова²⁹. Она, вслед за Шварценбергом, выделяет следующие типы лидеров:

- * «спаситель отечества», который появляется в самые сложные и ответственные моменты, «он овеван славой и легендами, часто канонизируется»³⁰;
- * «отец нации», отличающийся строгостью, но справедливостью с подданными;
- * «обаятельный лидер», который стремится, скорее просто понравиться, чем убедить людей в правоте своих идей;
- ◆ «свойский мужик», демонстрирующий свою близость с народом.

Особенностью приведенной типологии является то, что определенный имидж политического лидера в большинстве случаев достаточно четко формируется в сознании населения. В связи с этим встает проблема соответствия создаваемого имиджа политика реально функционирующему в массовом сознании. Следует отметить, что позитивный имидж политика может быть сформирован в том случае, если представленный имиджмейкерами набор характеристик лидера удовлетворяет требованиям определенной группы.

²⁹ Морозова Е.Г. Менеджер избирательной кампании // Избирательная кампания. М., 1995. С. 60.

³⁰ Там же. С. 60.

Приведенные типологии не являются единственно существующими — можно было бы привести и другие варианты. Все представленные типологии, а также многие из тех, которые не упоминаются нами, обладают определенной эвристической ценностью. Вместе с тем наиболее теоретическая и практическая значимость характерна, на наш взгляд, для типологии, основанной на веберовском выделении видов легитимного насилия. Именно эта типология позволяет выделить характерные особенности различных типов лидерства как механизма организации властных отношений.

3. Социологические исследования политического лидерства в России

Проблема изучения политического лидерства сегодня является одной из самых актуальных для анализа политических процессов. Для России социологические исследования, посвященные лидерству, уже не являются чем-то совершенно новым. Вместе с тем российская политическая социология еще находится в начале освоения этой проблематики.

Одним из наиболее важных и необходимых направлений в изучении политического лидерства является разработка методологии исследования того, как политические лидеры воспринимаются российскими гражданами. Для определения характеристик востребованного российскими гражданами типа политического лидера исследователи используют ряд социологических методов:

- ◆ анкетный опрос;
- * метод ассоциаций;
- * проективные тесты;
- ◆ фокус-группа
- * контент-анализ.

В чем заключаются достоинства и недостатки выделенных методов? Анкетный опрос, проводимый с использованием анкеты, содержащей в основном закрытые вопросы, имеет одно существенное достоинство — это облегчение процедуры обработки полученных материалов. Недостатком является то, что респондент имеет суженные возможности для выделения характеристик «идеального» политического лидера, поэтому дает очень приблизительные представления о них. Использование исследователем открытых вопросов позволяет расширить возможности респондента и получить более достоверную информацию о желаемом политическом лидере, но опрашиваемый,

как правило, опирается на существующие стереотипы и представления, чем на личные требования, предъявляемые к политическому лидеру.

Метод ассоциаций и проективные тесты оказываются при изучении типов политического лидерства более эффективными. В результате их использования исследователь получает информацию о широком круге требований и возможных типах политических лидеров. Они также в большей степени выявляют бессознательные установки граждан. Ограничением этих методов выступает статичность образов лидеров, их отрыв от конкретного социального и политического контекста.

Метод фокус-групп имеет еще большие возможности при изучении идеального образа политического лидера, поскольку он позволяет учитывать особенности конкретной социальной и политической ситуации. Недостатком является, в первую очередь, субъективизм исследователя в интерпретации полученных результатов, а также влияние особенностей модератора.

Метод контент-анализа позволяет получить информацию о качествах лидера, анализируя тексты выступлений как самого лидера, его сторонников, так и других политиков, его противников. Достоинством является то, что он не требует участия большого количества людей. Недостатком — сложность в разработки методики и субъективизм исследователя.

Российские исследователи, опираясь на результаты анкетных опросов, выделили ряд требований, предъявляемых российскими гражданами к политическим лидерам. Особенно много прогнозов о наличии необходимых качеств у политического лидера появляется в период подготовки к выборам или сразу же после их окончания. Так, например, Б. Макаренко выделяет такие черты политика, как *способность понимать* (ум, кругозор, опыт) и *гарантии моральной порядочности* (честность, некоррупционность и верность закону)³¹. Таким политическим лидером хотели видеть избиратели в период выборов Президента России в июне 1996 г.

Возвращаясь к идеальному образу политика необходимо отметить, что он отражает установки и ценности населения, готовность принять определенного политического лидера. Изменение политической ситуации влечет за собой изменение требований, предъявляемых населением к политикам, и смену самих политиков. В зависимости от условий значимыми оказываются то одни требования, то другие. Например, в условиях стабильной политической системы важными качествами оказываются

³¹ Макаренко Б. Феномен политического лидерства и восприятия общественного мнения // Вестник Российского общественно-политического центра. 1996. № 2.

ся компетентность и профессионализм, нестабильной, особенно в ситуации кризисности, — отсутствие опыта может восприниматься положительно, как несвязанность с прошлой коррумпированной властью.

Правомерен ли интерес исследователей к «идеальному» типу лидера? Отражает ли он реальные предпочтения граждан? Некоторые исследователи утверждают, что «данные опросов общественного мнения показывают, что все ожидания в отношении реальных политиков достаточно далеки от идеального образа»³².

По мнению В. Лапкина, причиной, объясняющей этот феномен, является не только и не столько изменение у населения представлений о политическом лидере (хотя этот факт необходимо учитывать), а прежде всего недостаточная разработанность методов исследования личных предпочтений³³. В связи с этим он считает, что для исследователей вопрос выделения качеств российских политиков, которые приводят к успеху, остается до сих пор незавершенным.

Исследователи ВЦИОМа выделили 16 основных черт, по которым, по их мнению, необходимо сравнивать реальных политиков:

- ◆ опыт политической и хозяйственной деятельности;
- ◆ волевые качества, профессионализм;
- ◆ государственный подход к решению проблем;
- ◆ способность следовать четкой последовательной политической линии;
- ◆ активность;
- ◆ энергичность;
- ◆ стремление к порядку;
- ◆ культуру;
- ◆ образованность;
- ◆ умение связно излагать свои мысли;
- ◆ независимость;
- ◆ готовность защищать интересы простых людей;
- ◆ личное обаяние;
- ◆ честность, порядочность;
- ◆ бескорыстность;
- ◆ гибкость³⁴.

³² Нестерова С.В. Кого же на самом деле выбирают наши граждане? Соотношение идеальных прототипов и реальных лидеров в современной России // Вестник МГУ. Серия 12. «Политические науки». 2000. № 5. С. 93.

³³ Лапкин В.В. Пейзаж перед битвой. Российский электорат за 2 года до президентских выборов // Политические исследования. 1998. № 3. С. 61-73.

³⁴ Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1999. № 2. С. 18.

Важно отметить, что для получения общей оценки личности политика надо оценивать не каждое качество в отдельности, а сумму положительных оценок по всем характеристикам. Достоинством данной методики является возможность выведения корреляции между суммой положительных черт и вероятностью голосования за политиков.

Серьезные исследования по восприятию крупных политических лидеров были проведены под руководством Е.Б. Шестопаля³⁵. В этих исследованиях качества, приписываемые политикам и характеризующие их привлекательность, были разделены на три шкалы: 1) привлекательность — непривлекательность; 2) сила — слабость; 3) пассивность — активность³⁶. В качестве объектов оценок были выделены следующие:

- * внешность (одежда, манера одеваться) и телесные характеристики (здоровье — болезнь, конституция, полнота — худоба, вредные привычки, мускулиность — фемининность, возраст, темперамент, физическая привлекательность);
- ◆ психологические особенности (характер, отдельные черты, речевые обороты) и морально-этические оценки политика;
- * чисто политические, профессиональные и деловые качества.

Параллельно исследователями использовался метод ассоциаций, который позволил выявить неосознаваемые уровни установок респондентов к политикам через ассоциации с запахом, цветом, животными, литературным героем.

Интересно отметить, что на всех этапах проводимого исследования моральные и психологические черты у большинства политиков были решающими, хотя все политические лидеры воспринимались по-разному. Например, в фигуре Г. Явлинского наиболее уязвимым местом являлась внешность, которая не нравилась большинству респондентов, среди достоинств были отмечены сила и активность (данные на 1996 г.). Причем, если Г. Явлинский был самым привлекательным с точки зрения морально-психологических качеств, то В. Жириновский имел эту оценку с максимально выраженным противоположным знаком, то есть крайне негативную.

³⁵ Шестопаля Е.Б. Оценка гражданами личности лидера // Политические исследования. 1997. № 6. С. 57—73; Шестопаля Е.Б., Новикова-Грунд М.В. Восприятие образов 12 ведущих российских политиков (психологический и лингвистический анализ) // Политические исследования. 1996. № 5; Шестопаля Е.Б. Образ власти в России: желание и реальность // Политические исследования. 1995. № 4.

³⁶ Там же. 1996. №5. С. 169.

На всех этапах исследования главным недостатком у российских политиков являлся такой фактор, как отсутствие конкретного дела. Так, в исследовании 1999 г. значимым требованием, предъявляемым к политическим лидерам, было наличие деловых, а не политических характеристик. Построение избирательной кампании политических лидеров общественно-политического движения «Единства» строилось с использованием именно такой модели. Как мы сегодня можем отметить, эта кампания являлась несомненно успешной.

С 1996 г. происходит как изменение самих политических лидеров, так и требований к ним. Если в начале 90-х, по мнению исследователей, Россия нуждалась в «необыкновенном» лидере³⁷, то в 1998—1999 гг. среди качеств, необходимых Президенту России, были названы простота, близость к народу³⁸.

Конструирование образа В. Путина строилось с учетом этих требований. По данным социологического исследования (до начала выборов), в качестве одного из достоинств В. Путина респондентами отмечалась «нормальность», «обычность»: «нормальный человек, вопрос даже не в том, чтобы быть выдающимся, а в том, чтобы быть хотя бы нормальным», «скорее нормальный, нельзя сказать, что очень умный»³⁹.

Среди В. Путина опрашиваемыми были отмечены следующие: молодость и энергичность, наличие ума («ум простой, понятный»). Однако по некоторым качествам мнения разошлись: одни респонденты выделили самостоятельность и независимость В. Путина, другие, наоборот, зависимость от Б. Ельцина. Главными недостатками были признаны его скрытность и неизвестность («человек «неоткуда»; «непонятно, что ждать от него завтра»), чуть реже отмечалась непривлекательная внешность (маленький рост, неулыбчивость, хитрые глаза, взгляд)⁴⁰. В целом В. Путин воспринимается как самый сильный среди современных российских политических лидеров. По мнению респондентов, он сможет навести порядок в стране.

Несомненно, что результаты, полученные с помощью анкетного опроса, важны и интересны. Совершенно иную возможность для изучения политического лидерства дает метод фокус-групп, который, как уже отмечалось выше, позволяет встраивать качества лидера, его имидж в политический и социальный контекст. И.К. Владыкина и С.Н. Плесовских предлагают использовать метод коллективного груп-

³⁷ См.: Бурлацкий Ф.М. Русские государи. Эпоха реформации. М., 1996. С. 383.

³⁸ Нестерова С. В. Указ. соч. С. 96.

³⁹ Там же. С. 96.

⁴⁰ Там же. С. 97.

пового конструирования сказочных сюжетов для анализа характеристик прототипа идеального лидера⁴¹.

Авторы считают, что использование конструкции сказочных сюжетов, как результата коллективного творчества, способствует осознанию тех тенденций в общественной жизни, которые характерны для конкретной социальной группы, для общества в целом в тот или иной промежуток времени.

Другим социологическим методом, позволяющим изучать качества политического лидера является, контент-анализ. Одна из подобно-го рода методик контент-анализа была предложена М.В. Новиковой-Грунд⁴². В своем исследовании автор, анализируя тексты телевыступлений Г. Явлинского, Г. Зюганова и В. Путина, использует подразделение глаголов (и шире — предикаты) на две группы — «внешние» предикаты и «внутренние» предикаты. «Внешние» предикаты описывают ситуацию, свидетелем которой может быть и посторонний наблюдатель (например, глаголы «пошел», «сказал», «написал», «выстрелил»). «Внутренние» предикаты дают характеристику ситуации, которая не может быть передана никакими органами чувств и известна только тому, кто ее пережил (например, «знал», «понимал», «хотел»). Выделяется также промежуточная группа предикатов, которые обращаются не слуху или зрению, а другим органам чувств (вкус, осязание, обоняние) — это проксимальные ощущения.

«Внутренние» предикаты активно вынуждают читателя к самоотожествлению с политическим лидером. Не менее сильным манипулятивным воздействием обладают также «синтаксические конструкции, в которых субъект действия либо отсутствует в принципе, либо грамматические наличествует, но семантически расплывчат и неопределен, поскольку выражен неодушевленным существительным с абстрактным или собирательным значением»⁴³. Первый тип конструкций называется безагенными (агенса — субъекта действия), второй — псевдоагенными. Особенностью безагенных и псевдоагенных конструкций является существенное снижение критического восприятия текста, поэтому текст, содержащий большое количество выделенных конструкций воспринимается читателем как несущий истинное сообщение, даже если никакого отношения к истине не имеет.

⁴¹ Владыкина И.К., Плесовских С. Н. Конструирование сказочных сюжетов как метод выявления прототипа идеального лидера среди молодежи // Вестник МГУ. Серия 12. «Политические науки». 2000. № 5. С. 98—103.

⁴² Новикова-Грунд М.В. «Свои» и «чужие»: маркеры референтной группы в политическом дискурсе // Политические исследования. 2000. № 4. С. 82—93.

⁴³ Там же. С. 88.

Еще большим манипулятивным воздействием обладают сообщения, состоящие из безагенных и псевдоагенных конструкций с «внутренним» предикатом. Этот феномен заключается в том, что читатель приобщается к «истине», которая ни за что не даст в себе усомниться.

Результаты исследования предвыборных заявлений трех лидеров — Явлинского, Зюганова и Путина на основе предложенных конструкций представлены в таблице 12⁴⁴.

Таблица 12.

Особенности предвыборных заявлений некоторых политиков.

Лидеры	«Внутренние» предикаты	«Внешние» предикаты	Безагенные конструкции с «внутренним» предикатом
Явлинский	51	15	10
Зюганов	53	28	8
Путин	13	72	72

Полученные результаты показывают, что В. Путин почти не использует «внутренние» предикаты. По мнению автора, он в своем дискурсе «не совсем человек», он оказывается лишенным пароксимальных ощущений, то есть он живет в мире без вкуса и запаха, ему несвойственны колебания и сомнения, его же соперниками являлись «совсем люди», которые могут бояться, опасаться, надеяться...

Избирателю легче идентифицировать себя с Г. Явлинским и Г. Зюгановым, в этом отношении В. Путин им проигрывает. С другой стороны, среди избирателей существует мнение, что спасти Россию может именно «не совсем человек», т.н. «человек судьбы».

Таким образом, приведенные в этой работе методы социологического исследования, используемые для изучения такого феномена, как политическое лидерство, доказывают свою неоднозначность. Так, с точки зрения исследований, проведенных С.В. Нестеровой, В. Путин создает имидж обычного, простого человека, а исследования М.В. Новиковой-Грунд доказывают его особенность и сложность. Оценивая сложившуюся ситуацию в отношении использования тех или иных со-

⁴⁴ Случайным образом из текстов телевыступлений Явлинского, Зюганова и Путина были отобраны состоящие из ста слов фрагменты, в которых затем был подсчитан процент «внутренних» предикатов, безагенных и псевдоагенных, а также безагенных конструкций, включавших в себя «внутренний» предикат.

циологических методов для изучения характеристик политического лидера, необходимо еще раз подчеркнуть, с одной стороны, их потенциальную взаимодополняемость (применение не одного, а нескольких методов позволяет создать исследователю более целостное представление о политике), с другой стороны, еще недостаточную разработанность существующих методик.

Вопросы для самоконтроля

1. Какие признаки присущи политическому лидерству?
2. Каковы достоинства и недостатки каждой из теорий, объясняющих природу политического лидерства?
3. Какие механизмы идентификации с населением используют российские политические лидеры?
4. Какой тип политического лидера и почему наиболее популярен в современной России?
5. Каковы достоинства и недостатки отдельных социологических методов исследования политического лидерства?

Литература для самостоятельного изучения

1. Блондель Ж. Политическое лидерство. Путь к всеобъемлющему анализу. М., 1992.
2. Гозман Л.Я., Шестопап Е.Б. Политическая психология. Ростов-на-Дону, 1996.
3. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М., 1996.
4. Новикова-Грунд М.В. «Свои» и «чужие»: маркеры референтной группы в политическом дискурсе // Полис. 2000. № 4. С. 82—93.
5. Психология психоанализ власти. В 2 т. Самара, 1999.
6. Шестопап Е.Б., Новикова-Грунд М.В. Восприятие образов 12 ведущих российских политиков (психологический и лингвистический анализ) // Полис. 1996. № 5. С. 168—191.
7. Шестопап Е.Б. Оценка гражданами личности лидера // Полис. 1997. № 6. С. 57—73.

Вопросы

Понятие политической коммуникации.
Средства политической коммуникации.
Исследования роли СМИ в политическом процессе.

1. Понятие политической коммуникации

Одной из важных составляющих функционирования политических акторов является политическая коммуникация. Она позволяет осуществлять взаимодействие политических интересов, наполняя смыслом политический процесс. С помощью коммуникации разворачивается логическая последовательность политических событий, создается их сюжетная линия.

В основе общей теории политической коммуникации лежат идеи двух американских научных школ: кибернетического подхода (К. Дойч) и структурно-функционального анализа (Г. Алмонд и Дж. Коулман). Впервые о политической коммуникации в научном плане заговорили в период Первой мировой войны, когда появились первые исследования пропаганды. Теоретические работы и термин «политическая коммуникация» возникли в конце 1940-х — начале 1950-х гг. Выделение исследований политической коммуникации в самостоятельное научное направление было вызвано рядом причин: послевоенной волной демократизации, появлением и развитием кибернетической теории, возникновением и активным использованием новых коммуникацион-

ных технологий и систем. В настоящее время политическая коммуникация входит в число «популярных» тем политической науки.

- Существует несколько подходов к понятию «политическая коммуникация». Среди них можно выделить следующие:

1. политическая коммуникация — это постоянный процесс передачи политической информации, посредством которого политические тексты циркулируют между различными элементами политической системы, а также между политической и социальными системами (Л.Р. Посикера)¹;
2. политическая коммуникация — весь диапазон неформальных коммуникационных процессов в обществе, которые оказывают самое разное влияние на политику (Л. Пай);
3. политическая коммуникация — это непрерывный обмен политическими смыслами между индивидами и политическими силами общества с целью достижения согласия (Р.-Ж. Шварценберг)².

В целом **политическую коммуникацию** можно определить как процесс обмена смыслами между политическими акторами, осуществляемый в ходе их формальных и неформальных взаимодействий.

„ Политическая коммуникация выполняет важную функцию для политической системы. Как образно заметил Р.-Ж. Шварценберг, политическая коммуникация для политической системы «это то же, что кровообращение для организма человека»³.

Каждой политической системе свойственна своя сеть политической коммуникации, в соответствии с возможностями и уровнем развития. В частности, исследователи отмечают наличие прямой связи между уровнем социально-экономического прогресса и развития средств массовой информации. В то же время существует более широкое соотношение между коммуникацией и политическими изменениями. Система коммуникации развивается параллельно политической эволюции.

Не менее важным фактором, оказывающим влияние на политическую коммуникацию, является тип политической культуры. В то же время политическая коммуникация также воздействует на развитие политической культуры, являясь одним из средств ее трансляции. Она воспроизводит нормы и ценности, принятые в данном обществе.

¹ Посикера Л.Р. Политическая коммуникация в условиях избирательных кампаний: Анализ концепций и технологий. Автореферат диссертации. М.: Росс. академия госслужбы при Президенте РФ. 1994. С. 3.

² Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология. М., 1992. С. 174.

³ Там же. С. 175.

РОЛЬ, например, телевидения в процессе политической социализации оказывается очень значимой. Средняя семья в составе трех и более человек уделяет просмотру передач шестьдесят один час в неделю. По мнению Дж. Карлсона, телевидение развивает адекватные ориентации в отношении политической системы⁴. Телевизионные программы скорее способствуют усилению социальных и политических норм, чем проявлению форм девиантного поведения.

В процессе политической коммуникации особое место занимает обмен информацией между управляющими и управляемыми, между политической системой и средой с целью получения согласия последних на принятие решения. От особенностей коммуникационного процесса в данном случае во многом зависит эффективность политической системы, ее способность адекватно реагировать на внешние воздействия.

Можно выделить две модели политической коммуникации, описывающие по-разному роль управляющих и управляемых в этом процессе.

В *первой* — модели Ж.-М. Коттрэ — особая роль предписывается управляющим. В результате взаимодействия между управляющими и управляемыми возникает три типа отношений: идентичности (управляющие идентичны управляемым); включения (управляющие все и постоянно являются субъектами политики) и пересечения (в процессе реализации власти управляющие постепенно отделяются от управляемых).

Модель Ж. Коттрэ

Во *второй* модели К. Сайнне уделяет внимание роли политической элиты в процессе реализации политической коммуникации. Политическая элита осуществляет политическую власть над обществом,

⁴ Carlson J. Television Entertainment and Political Socialization. In: Vermeer Jan. P. In «Media» Res: Readings in Mass Media and American Politics. N.Y.: McGraw-Hill, Inc., 1995. P. 47-55.

как правило, не непосредственно, а опосредованно, путем использования различных промежуточных звеньев (например, бюрократического аппарата или средств массовой коммуникации). Важно отметить, что, по мнению К. Сайнне, элиты стараются доводить до масс информацию, которая бы укрепляла их легитимность.

Модель К. Сайнне

Анализ информационных потоков осуществляется не только по вертикали «сверху — вниз» (от управляющих к управляемым), не менее важной является их направленность по горизонтали. Особенно большую роль горизонтальный уровень коммуникации играет в современных демократических странах. В целом, можно утверждать, что степень демократичности общества определяется, наряду с другими параметрами, той ролью, которую играет горизонтальный уровень обмена информацией. Современные концепции политической коммуникации учитывают горизонтальный срез политической коммуникации, кроме того, они ориентированы на переход от прямого воздействия на аудиторию к диалоговой коммуникации, предполагающей взаимодействие.

Важным аспектом политической коммуникации является смысловой аспект взаимоотношений между субъектами политики путем обмена информацией в процессе борьбы за власть или ее реализацию. При использовании различных коммуникативных моделей передается три основных типа политических сообщений:

1. побудительные (приказ, убеждение);
2. собственно информативные (реальные или вымышленные сведения);
3. фактические (сведения, связанные с установлением и поддержанием контакта между субъектами политики).

Кроме типов политических сообщений в системе политической коммуникации выделяют также три уровня информационных потоков⁵.

первый уровень обслуживает органы власти и управления (циркулирует в основном служебная информация). Второй — образует информационную среду деятельности партий, профсоюзов, общественных движений (циркулируют программы, уставы и другая информация). Третий обращается непосредственно к общественному мнению, к массовому сознанию, к политическому поведению.

Политическая коммуникация выполняет следующие функции по отношению к политической системе и гражданскому обществу:

- информационная (главное содержание этой функции заключается в распространении необходимых знаний об элементах политической системы и их функционировании);
- регулятивная (позволяет выработать оптимальный механизм взаимодействия как между элементами политической системы, так и между политической системой и гражданским обществом);
- ◆ функция политической социализации (способствует становлению важные и необходимые нормы политической деятельности и политического поведения);
- 4 манипулятивная (способствует формированию общественного мнения по наиболее важным политическим проблемам).

Итак, политическая коммуникация является одной из важнейших характеристик всех видов политических процессов. Направленность политико-коммуникационных процессов, их ориентация на диалог и достижение взаимопонимания, доминирующие ценности, передаваемые каналами информации, определяют уровень стабильности и эффективности политической системы.

2. Средства политической коммуникации

Под средствами политической коммуникации традиционно понимаются определенные организации и институты, функционирующие в рамках социальной и политической систем, с помощью которых осуществляется процесс обмена информацией. Некоторые исследователи относят к средствам также коммуникативные действия Или ситуации, группы или отдельных индивидов, способствующих обмену информацией (прямому или косвенному, опосредованному или непосредственному, немедленному или протяженному во времени)⁵.

⁵ Посикера Л.Р. Указ. соч. С. 14.

Р.-Ж. Шварценберг выделяет три основных способа политической коммуникации, основанные на использовании различных средств:

1. Коммуникация через средства массовой информации: печатные средства (пресса, книги, плакаты и т.д.); электронные средства (радио, телевидение и т.д.).
2. Коммуникация через организации, когда передаточным звеном служат политические партии, группы интересов и т.д.
3. Коммуникация через неформальные каналы с использованием личных связей.

Чаще всего в политологической литературе в качестве средств политической коммуникации анализируются СМИ и неформальные каналы.

Роль различных средств политической коммуникации определяется наличием или отсутствием эффекта воздействия. Под эффектом понимается «следствие процесса коммуникации, при этом в сознании индивида происходит то, что без акта коммуникации не произошло бы»⁶.

Рассмотрим роль средств массовой информации. Остановимся на телевидении, которое чаще всего используется различными политическими акторами в процессе их взаимодействия. Какие же характеристики телевидения делают его привлекательным для потребителя информации в процессе политической коммуникации?

Во-первых, это так называемый «парасоциальный эффект», который заключается в том, что «телезритель воспринимает увиденное на экране как исключительно достоверную информацию, его ощущения почти приравниваются к ощущениям участника происходящего на экране»⁷.

Во-вторых, высокая убеждающая способность телевидения объясняется самой спецификой телевизионных передач, содержащей эффект общения зрителя и комментатора.

В-третьих, телевидение обладает еще одним любопытным свойством, подмеченным канадским социологом М. Маклюэном. Он назвал телевидение «прохладным каналом», в отличие от газет и радио — «горячих каналов». Основное различие между ними состоит в том, что «горячие каналы» содержат значительное количество информации, которая оставляет получателю мало возможности для соучастия, домысливания. «Прохладный канал» в силу своей недосказанности

⁶ Иванов В.Н., Назаров М.М. Информационное потребление и политическая ориентация // Социологические исследования. 2000. № 8. С. 83.

⁷ Феофанов О.А. США: реклама и общество. М., 1974. С. 211.

предполагает значительную степень участия аудитории в процессе восприятия сообщений⁸.

Кроме того, телевизионная аудитория обладает рядом уникальных качеств. С одной стороны, она «в значительной степени социально нераздельна по сравнению с газетной и особенно с журнальной читательской аудиторией». С другой стороны, телезритель перед телевизором не чувствует себя одиноким. Он «ощущает себя членом того сообщества, которое в данный момент смотрит ту же программу» и реагирует на сообщение в большей степени «как составная часть этого сообщества, а не просто как отдельный индивид»⁹.

Несмотря на несомненные достоинства телевидения как средства коммуникации, следует признать, что оно не является совершенным. Его возможности зависят от ряда факторов, таких как характер аудитории, адекватность содержания информации и формы ее выражения потребностям телезрителей и т.д. В связи с этим интересно отметить тот факт, что сегодня в России социологами фиксируется феномен непонимания аудиторией целей и мотивов телекоммуникатора. Впервые он был выявлен Т.М. Дридзе в рамках исследовательского проекта «Общественное мнение», осуществленного в 1970-х гг. в Таганроге. Такой же результат был получен в исследованиях, посвященных анализу механизмов восприятия телевизионных программ зрителями Москвы и Подмосковья и проведенный во второй половине 1990-х гг.¹⁰

В результате проведенного исследования было выделено пять социоментальных групп телезрителей. Первая группа — это аудитория СМИ, обладающая навыками адекватного восприятия сообщений общественно-политического содержания (12—14%). Вторая группа — это люди, которые частично адекватно воспринимают сообщения (25—30%). Они четко не выделяют целей и мотивов коммуникации и запоминают второстепенную информацию. Третью группу составляют люди, неадекватно воспринимающие материалы СМИ (30—35%). Они не вникают в общее содержание всего сообщения. Их восприятие работает фрагментарно, информация приобретает невероятные интерпретации. В четвертую группу входят люди, работающие «по установке» (18—25%). После просмотра телепередач их интерпретации были вполне адекватными, то адекватными отчасти, то неадекватными. Часто их реакция на информационное воздействие имеет повышенно

⁸ Попов Н.П. Индустрия образов: Идеологические функции СМИ в США. М., 1986. С. 73.

⁹ Технология власти: философско-политический анализ. М., 1995. С. 121—123.

¹⁰ Массовая коммуникация в формировании современного социокультурного пространства (круглый стол) // Социологические исследования. 2000. № 8. С. 74—75.

эмоциональный характер. Очень немногочисленную группу составляют те, кто не желает вступать в коммуникацию, особенно при встрече с материалами общественно-политического характера. Как правило, полем для манипуляции в процессе коммуникации выступают представители частично адекватно интерпретирующей группы. Именно эта группа составляет самую неустойчивую часть электората, которая голосует под влиянием сиюминутного настроения.

Похожие результаты были получены в ходе Канадского Национального Электорального Исследования (NES) 1988 г., проведенного во время избирательной кампании и после выборов¹¹. Выборка была разбита на две группы: тех, кто сильно подвержен влиянию со стороны СМИ, и тех, кто слабо подвержен влиянию со стороны СМИ. Группу сильно подверженных влиянию со стороны СМИ разделили на две подгруппы: тех, кто больше полагается на телевидение, и тех, кто больше полагается на печать.

Результаты исследования позволили прийти к следующим выводам. Во-первых, респонденты, сильно подверженные влиянию со стороны СМИ, быстрее реагировали на избирательную кампанию и опережали мнение слабо подверженных примерно на неделю. При этом значимых различий между теми, кто смотрит телевизор и читает газеты, обнаружено не было. Во-вторых, индивиды более подверженных одновременно влиянию групп и СМИ демонстрировали более устойчивое мнение. Этот факт подтверждает тезис теории подкрепления о том, что подверженность влиянию со стороны СМИ укрепляет убеждения. В третьих, хотя подверженность СМИ в целом побуждала избирателей связывать свои политические предпочтения с лидерством, различий по этому критерию между теми, кто полагается на телевидение или печать, обнаружено не было. Это свидетельствует о том, что персонализация политики не является феноменом, присущим только телевидению.

Особое место среди средств политической коммуникации занимают неформальные средства передачи информации. В последнее время многие исследователи отмечают падение доверия к официальным источникам информации, что привело к росту значимости сообщений, возникающих на уровне межличностного общения¹².

К неформальным средствам политической коммуникации относятся

¹¹ Mendelson M. The Media's Persuasive Effects: The Priming of Leadership in the 1988 Canadian Election//Canadian Journal of Political Science. 1994. XXVII: March. P. 87.

¹² См., например: Андрианов В.И., Левашов В.К., Хлопьев А.Т. «Слухи» как социальный феномен//Социологические исследования. 1993. № 1.

молву, слухи, сплетни, анекдоты, а также граффити. Эти источники влияют, прежде всего, на формирование негативной оценки деятельности политических лидеров и политических институтов. В основе мнения, обозначаемого терминами «молва», «слухи», «сплетни», как справедливо утверждает Б.А. Грушин, «всегда лежит большая или меньшая доза вымысла, домысла: сознательного, намеренного или неосознанного, случайного — это безразлично. Такой вымысел присутствует уже в момент зарождения слуха, т.к. лицо, первым сообщющее сведения, порождающее слух, никогда не располагает всей полнотой точных, строго проверенных фактов относительно объекта суждения»¹³.

В дальнейшем, по мере передачи сведения от одного лица к другому элементы вымысла усиливаются: сообщения дополняются определенными подробностями, эмоциональными оценками, причем, как правило, людьми, которые совсем уже не располагают достоверными фактами о предмете разговора.

Важно отметить, что эмоциональная окраска, которая придается информации с помощью неформальных средств политической коммуникации, делает ее незабываемой и более привлекательной для запоминания, а также упрощает ее восприятие и доступность для всех социальных групп.

Особое место среди подобного рода средств передачи информации занимают слухи. Наиболее полное определение слуха дает А.В. Оболонский: «Слух есть некая разновидность информации, которая распространяется исключительно по неформальным каналам и направлена на удовлетворение некоей реальной информационной потребности, не удовлетворяемой иными способами, коллективная попытка найти ответ на некий актуальный вопрос в условиях дефицита информации»¹⁴. Следовательно, слухи есть форма распространения социально значимой информации в обществе, коллективе, группе.

Слух может отражать реальное положение вещей, в той или иной степени исказить его либо быть полностью ложным. В отличие от официальных источников информации слухи, как правило, не обладают достаточной и надежной информационной основой — наличием установленных фактов, событий и т.п., рождаются в процессе межличностного общения, в ходе обмена информацией между людьми. Слухи возникают не только в случае отсутствия официальной информации, удовлетворяющей запросы людей, но и как психологическая осо-

¹³ Грушин Б.А. Мнение о мире и мир мнений. М., 1967. С. 228—229.

¹⁴ Оболонский А.В. Человек и государственное управление. М.: Наука, 1987. С. 114.

бенность любой межличностной коммуникации. Они выступают в форме *суждений*, оценок и *прогнозов*, для которых характерно наибольшее соответствие ожиданиям людей, порождаемых их надеждами, страхами и др.

На основе того, каким эмоциональным потребностям людей удовлетворяют слухи, выделяют три их вида:

1. слух-мечта (pipe-dream rumors);
2. слух-пугало (fear or bogey rumors);
3. слух-разделитель (wedge-driving rumors)¹⁵.

Слух-мечта (pipe-dream rumors) представляет собой слух, выражающий желания и надежды людей, среди которых он циркулирует¹⁶. В качестве примера можно привести слух, появившийся во время Второй мировой войны в США о том, что Японии не хватит нефти для ведения длительной войны.

Слух-пугало (fear or bogey rumors) — это такой слух, из которого проистекает страх и чувство тревоги у тех людей, в среде которых он находится в обращении¹⁷. Слухом-пугалом выступал слух после поражения американских войск в Перл-Харборе о полной потере США Тихоокеанского флота.

Слух-разделитель (wedge-driving rumors) создает разобщенность между социальными группами и, следовательно, разрушает их¹⁸. В основе слуха-разделителя находятся «негативные предрассудки относительно других социальных групп, что влечет за собой резкое негативное к ним отношение (вплоть до агрессии)»¹⁹. Утверждение о том, что большинство преступлений в Москве совершается выходцами с Кавказа, может служить таким примером.

Возможность изучения содержания, видов слухов, источников их возникновения и распространения позволяет судить об эффективности деятельности политических институтов, степени доверия населения к существующим институтам власти. Анализ содержания и динамики слухов позволяет составлять прогнозы развития массового сознания и отношения электората к органам власти.

Интересно, что по результатам социологического исследования, проведенного ИСПИ РАН, среди приоритетов в обмене *недоверенной*

¹⁵ Knapp R.H. Psychology of Rumor//Public Opinion Quarterly. 1994. № 8. P. 22—24.

¹⁶ Nkra N.K.U. Rumor Mongering in War Time//The Journal of Social Psychology. 1975. № 96. P. 30.

¹⁷ Ibid. P. 30.

¹⁸ Ibid. P. 30—31.

¹⁹ Латынов В.В. Слухи: социальные функции и условия появления//Социс. 1995. № 1. С. 12.

информации у активно идущей на контакт части населения преобладают слухи о политике. На это указали 78% участников прессового опроса. Далее, по мнению респондентов, чаще всего им приходится сталкиваться со слухами из сферы экономики (66%) и национальных отношений (61,4%)²⁰. Анкетный опрос и интервьюирование показали похожее распределение приоритетов в обмене *недоверенной* информацией, с той лишь разницей, что на первое место вышли слухи из сферы экономики (77,2%), на второе — политические слухи (48%).

Среди каналов циркуляции слухов были выделены следующие:

- товарищи по работе (48,7%);
- средства массовой коммуникации (37,8%);
- приятели (30,5%).

В целом система средств политической коммуникации достаточно обширна. Эффективность каждого из них определяется целями и мотивами коммуникатора, а также их ориентированностью на диалоговую модель сотрудничества с аудиторией. Причем возрастание доли адекватных интерпретаций сообщений общественно-политической направленности возможно в ситуации открытости мотивов коммуникации: когда коммуникатор либо не проявляет стремления воздействовать на аудиторию, либо не скрывает такого стремления при его наличии²¹.

3. Исследования роли СМИ в политике

Считается, что родоначальником исследований эффектов средств массовой информации в политическом процессе является П. Лазарсфельд, который провел первое строгое научное исследование влияния телевидения и радио на электоральное поведение избирателей в 1940-х гг. Однако изучение средств массовой информации с точки зрения их способности влияния на аудиторию началось еще раньше — в начале 1920-х гг. В целом можно выделить несколько этапов развития исследований роли СМИ в политическом процессе.

Ранние годы исследования роли СМИ.

Теоретической основой первой концепции влияния средств массовой информации на политические процессы послужили работы известного американского социолога и журналиста У. Липпманна. В 1922 г.

²⁰ Данные приводятся по: Андриянов В.И., Левашов В.К., Хлопьев А.Т. Указ. соч. С. 82-83.

²¹ Массовая коммуникация... С. 75.

он выпустил книгу «Общественное мнение», ставшую классической в своей области. Центральной идеей У. Липпманна стало рассуждение о том, что мир политики для нас недостижим, находится вне поля нашего зрения и сознания. Развивая эту мысль, У. Липпманн писал о всесии средств массовой информации, транслирующих нам мир. Он считал их воздействие на аудиторию непосредственным, осязаемым, прямо направленным и связанным с формированием готовых представлений о политическом процессе и его субъектах.

Данный подход действовал в рамках бихевиористской модели оперирующей понятиями «стимул — реакция», применение которой к средствам массовой информации означало, что за их воздействием на аудиторию должна следовать немедленная и непосредственная ожидаемая и прогнозируемая реакция. Вследствие этого, меняя определенным образом сообщения, можно вызвать желаемую реакцию аудитории.

С конца Первой мировой войны и приблизительно до конца 1940-х гг. средства массовой информации считались огромной силой, манипулирующей умами аудитории, которая описывалась как пассивный реципиент сообщений. Популярной в то время была модель, утверждающая, что СМИ оказывают огромное прямое и непосредственное воздействие на аудиторию. Следует заметить, что эмпирические исследования эффектов массовой коммуникации долгое время не проводились, большинство концепций строилось на основании умозрительных заключений.

В конце 1930-х гг. социологи стали активно использовать в своей работе практические опросы, психологические тесты, и вполне закономерно, что новые методики сбора данных были приложены к исследованию средств массовой информации, их влияния на общество.

Среди наиболее успешных первых работ в этом направлении стоит исследование К. Ховланда и его коллег по Йельскому университету. Во время Второй мировой войны информационно-исследовательским отделом армии США был нанят штат социальных психологов, задача которых заключалась в изучении идеологических и политических установок солдат. Направлением, связанным с эффектами массовой коммуникации, как раз и занимался К. Ховланд. Естественно, что вначале он исходил из предпосылки У. Липпманна о могуществе средств массовой информации, но в процессе работы ученый не смог найти доказательств прямого изменения общественного мнения под воздействием средств массовой информации. Поэтому была сформулирована новая модель взаимодействия СМИ и аудитории, названная «рси-динамической». В рамках этой модели средства массовой инфор-

мации являются источником знания индивидов о тех или иных событиях, но при этом на основные установки они влияют в очень редких случаях.

Период классических исследований СМИ.

Послевоенное время характерно появлением нового направления исследования массовой коммуникации, а именно, исследования их роли в избирательном процессе и влияния на формирование электорального поведения.

Основоположником данного направления считается П. Лазарсфельд, который совместно с коллегами провел первое исследование по изучению факторов, влияющих на формирование электорального поведения. В основном исследование было направлено на измерение воздействия информации об избирательной кампании на массовую аудиторию.

П. Лазарсфельд зафиксировал две основные тенденции. В соответствии с первой, средства массовой информации не являются единственным источником политического информирования, межличностное общение здесь не менее важно. В соответствии со второй тенденцией, полученная из передач радио, телевидения и средств печати информация вначале поступает к так называемым «лидерам мнений» в обществе, которые затем передают ее другим избирателям в процессе межличностного общения.

По мнению П. Лазарсфельда, политические предпочтения и электоральное поведение лучше объясняются с помощью социально детерминированных характеристик, таких как социальный статус, доход, профессия, религиозная принадлежность и другие. Однако П. Лазарсфельд все же признает, что одна из сил, которая может конкурировать по своему воздействию с социально детерминированными характеристиками, это средства массовой коммуникации.

Еще одна традиция изучения роли СМИ в электоральном процессе происходит из исследовательского центра Мичиганского университета и представлена в работах А. Кэмпбэлла, У. Миллера, Г. Гурина. В результате проведенного исследования ими были сделаны следующие выводы:

- * Эффект воздействия средств массовой коммуникации можно охарактеризовать как минимальный и сиюминутный;
- * Длительное воздействие на аудиторию оказывает партийная принадлежность как показатель психологической приверженности к определенной политической партии, действующая в виде постоянного фильтра информации об избирательной кампании.

В дальнейшем эта концепция широко распространилась в обществе. В целом, можно сказать, что классические модели исследований избирательного процесса поддерживают идею «минимальных последствий» воздействия средств массовой информации, отводя им роль усилителя уже существующих предпочтений, информирования избирателей о ходе предвыборной кампании и т.п.

Широко распространенной концепцией понимания места и роли средств массовой информации в политическом процессе в 1960-х гг. стала концепция Дж. Клаппера, представленная в работе «Эффекты массовой коммуникации». Его основная идея заключалась в том, что избиратели используют средства массовой информации только для подтверждения и подкрепления своей политической принадлежности. Продолжив исследовательскую традицию П. Лазарсфельда, Дж. Клаппер считал маловероятным, что избиратели, поддерживающие партии «левого» блока, будут смотреть телепередачи или читать материалы прессы, пропагандирующие идеи партий «правого» блока; а если они их и будут смотреть или читать, маловероятно, что они будут доверять всему услышанному и увиденному; даже если приведенные в этих передачах доводы в первый момент будут для них убедительными, то по окончании просмотра или прочтения они будут забыты.

Работа Дж. Клаппера имела огромные последствия для дальнейших исследований политической коммуникации: поиск индикаторов воздействия СМИ на аудиторию исчез из поля зрения большинства исследователей. Тем более, что выводы П. Лазарсфельда и Дж. Клаппера подтверждались дальнейшими исследованиями роли средств массовой информации в политической пропаганде.

Современные исследования.

Современный этап развития исследований средств массовой информации в политике характеризуются отсутствием единой модели, а для объяснения механизмов их влияния на политическое сознание предложены разнообразные теории, многие из которых зародились еще в 1960—1970-х гг.

В большинстве случаев в настоящее время уже не стоит вопрос, влияют ли средства массовой информации на избирателей или нет. Влияние это очевидно, поскольку субъекты информационного пространства (как производители информации, так и ее потребители), находясь между собой в разнообразных отношениях, просто не испытывают воздействие друг от друга. Трудно оспорить тот факт, что представления рядовых избирателей о мире политики, о кандидатах и партиях берутся из сообщений средств массовой информации.

Вопрос состоит в определении степени и способов влияния СМИ на общественно-политические процессы.

В конце 1960-х гг. результаты исследования, проведенного М.Е. Маккомбсом и Д.Л. Шо, возродили интерес к изучению роли средств массовой информации в политическом процессе. Теоретической базой данного исследования послужили работы У. Липпманна, в которых он констатировал зависимость общества от средств массовой коммуникации. Кроме того, основываясь на анализе работ Липпманна, Б. Козэн еще в 1963 году сформулировал ныне классическое определение такого эффекта массовой коммуникации как «установка пунктов повестки дня». Этот эффект стал объектом современных исследований. Его суть заключается в том, что «пресса не может заставить людей думать определенным образом, но может указать своим читателям, о чем думать»²². Это определение получило эмпирическое подтверждение во время исследования президентских выборов 1968 г., проведенного М. Маккомбсом и Д. Шо. Найдя почти совершенную корреляционную зависимость между политическими предпочтениями избирателей и содержанием сообщений средств массовой коммуникации, они утверждали, что именно средства массовой информации формируют политические предпочтения.

Выводы М.Е. Маккомбса и Д.Л. Шо послужили тому, что исследователи стали возвращаться к изучению прямого воздействия средств массовой коммуникации на аудиторию во время проведения политических кампаний. Далее последовали годы, которые можно охарактеризовать как поиск факторов, показывающих влияние средств массовой коммуникации на общественное мнение. Использовались разнообразные исследовательские методы от лонгитюдного анализа содержания сообщений средств массовой коммуникации и опросов общественного мнения до экспериментов.

Установка пунктов повестки дня — это метафора, которая описывает когнитивный процесс, заключающийся в том, что общество думает о темах дня, освещаемых средствами массовой информации. В своей работе 1987 г. «Новости, которые имеют значение» С. Янгар не только построил такую гипотезу, но и смог показать, что общественное мнение и политические предпочтения есть результат прямого воздействия эффекта «установки пунктов повестки дня», оказываемого с помощью СМИ. Так, если новости уделяют внимание национальной экономической ситуации во время проведения политической кампании, то граждане будут использовать именно экономические показатели, а

²² Цит. по: Lenart S. Shaping political attitudes. The impact of interpersonal communication and mass media. Thousand Oaks et al., 1994, P. 15.

не зарубежные проблемы для оценки деятельности правительства. Основываясь на информации, полученной из программ новостей, многие исследуемые избиратели перешли от неформального решения к оформленным предпочтениям²³.

В 1970-х гг. немецким социологом Э. Ноэль-Нойман была предложена концепция «спирали молчания»²⁴, связанная с формированием общественного мнения. Эта концепция рассматривает взаимосвязи между массовой коммуникацией, межличностной коммуникацией и тем, как индивид соотносит свое мнение с мнением других. Большинство людей стараются избегать ситуаций, когда только им одним приходится разделять определенные установки и представления. Если индивид выявит, что разделяемые им установки являются малораспространенными, то он, скорее всего, не будет выражать их открыто. Таким образом, ситуация, когда одни ориентированы на выражение своего мнения, а другие на его сокрытие, приводит к нарастанию спиралеобразного процесса. В ходе него усиливается доминирование какой-либо одной точки зрения. Важное место в этой концепции отводится средствам массовой информации, которые и определяют господствующую точку зрения. Этот эффект был измерен во время выборов в бундестаг в ФРГ в 1972 г. Именно благодаря «спирали молчания», или эффекту попутчиков, происходит «сдвиг последней минуты»: когда избирателям уже не надо открыто заявлять о своих намерениях при опросе, они голосуют за «своего» кандидата.

Один из сторонников возрождения концепции значительного влияния средств массовой информации в политическом процессе Дж. Зеллер утверждает, что, по крайней мере, в коммуникационной сфере истинное значение средств массовой информации состоит именно в формировании, а не усилении установок граждан, и воздействие это огромно и долгосрочно. Данное заключение было получено по результатам эмпирического исследования, проведенного им в 1984 г. в США во время президентских выборов. В итоге Дж. Зеллер и делает вывод о значительном влиянии средств массовой информации на индивидуальное и общественное сознание, на политические установки и поведение избирателей²⁵.

²³ Iyengar S., Kinder D. R. News that matters: Television and American opinion. Chicago; L., 1987.

²⁴ Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М., 1996.

²⁵ Zaller J. The myth about massive effect of media revived? New support of credited idea//Political persuasion and attitudes change. Ed. by Mutz D.C., Sniderman P.M., Brody R.A. Ann Arbor, 1996.

Концепцию С. Ленарта отличает иной подход к анализу влияния СМИ на общество. С. Ленарт замечает, что средства массовой информации не имеют монополии на информационные потоки, а действуют вместе с межличностной коммуникацией. Поэтому воздействие медиа не может рассматриваться изолированно, как это делают многие исследователи. С. Ленарт характеризует политический информационный поток как процесс, с помощью которого информация, полученная из материалов средств массовой информации, достигает своего объекта прямо или опосредованно через межличностное общение.

Выводы, полученные в исследовании, заключаются в следующем.

- Основным источником информации о кандидатах и партиях являются материалы средств массовой информации;
- Межличностное общение может усиливать установки избирателей, сформированные с участием СМИ;
- Межличностное общение может оказать влияние на формирование установок избирателей, прямо противоположное воздействию средств массовой информации;
- ◆ Межличностное общение само по себе может быть источником новой информации о кандидатах²⁶.

Ценность выводов, полученных С. Ленартом, состоит в подтверждении тезиса о самостоятельном значении межличностной коммуникации. Она осуществляется не всегда в русле тем, задаваемых средствами массовой информации, как это представлено в концепции «установки пунктов повестки дня». Межличностное общение может быть источником альтернативной информации и в то же время создавать основную интерпретацию сообщений СМИ.

Как бы то ни было, но очевидность воздействия средств массовой информации на избирателей сегодня не отрицается. Воздействие осуществляется через информирование избирателей о ходе предвыборной борьбы, посредством оценки избирательных платформ кандидатов и партий, с помощью прямой политической рекламы, пропагандирующей идеи кандидатов.

По мнению американских исследователей М. Харропа и У. Миллера, существуют четыре главные причины того, что СМИ должны рассматриваться сегодня в числе других агентов влияния на граждан:

1. Средства массовой информации важны в ситуации слабо выраженной партийной идентификации. Сегодня в большинстве стран развитой демократии партийная идентификация ослабляется, по сравнению с 1960 г.

²⁶ Lenart S. Op. cit.

2. Средства массовой информации более важны, когда они освещают новые, ранее неизвестные темы и сферы политики.
3. Средства массовой информации более важны при значительном охвате аудитории и при использовании как можно большего числа выразительных средств. Сегодня телевидение пришло в каждый дом, став практически полноправным членом семьи. Кроме того, совмещение аудио- и видеосредств также приводит к усилению роли СМИ при формировании мнений и установок.
4. Средства массовой информации более важны, когда люди редко обсуждают политику — телевидение здесь не только обеспечивает темы для дискуссий, но и заменяет собеседника²⁷.

Данный перечень можно дополнить еще одним положением: чем выше статус политика, тем меньше у граждан возможностей сформировать отношение к нему на основе личного опыта. В ситуации выбора, например, президента страны средства массовой информации являются единственным коммуникативным каналом большей части электората, в том числе и для лидеров мнений. Лидер мнений сможет в лучшем случае только интерпретировать информацию, полученную из различных источников средств массовой информации.

Следует отметить общий для всех вышеназванных концепций момент: все они созданы и поэтому применимы лишь в обществах с высокой степенью стабильности и относительно устойчивой системой ценностей граждан. Кризисная ситуация, которую переживает Россия и другие посткоммунистические страны, заставляет людей переоценивать сложившиеся у них нормы и ценности. Переносить на нашу почву ту или иную модель необходимо с большой долей осторожности, учитывая уровень тревожности и нестабильности общества. При этом следует строить не абсолютные модели воздействия средств массовой информации на формирование политических ориентаций россиян, а динамические, которые будут учитывать конкретную общественно-политическую, экономическую ситуацию в стране.

Российские исследования роли СМИ в политике

Никогда еще в России так бурно не обсуждались проблема «грязных технологий» и возможность манипулирования сознанием избирателей с помощью СМИ, как во время последних избирательных кампаний. Среди отечественных исследователей и аналитиков существует множе-

²⁷ Нэгтор М. & Miller W.L. Elections and Voters. A Comparative Introduction. Hampshire, L., 1987.

ство противоречивых мнений относительно роли средств массовой информации в политическом процессе. Среди них можно выделить две основные точки зрения, в общих чертах совпадающие с основными подходами, представленными в мировой научной литературе.

Довольно распространенным является мнение о том, что электоральные установки в значительной степени зависят от средств массовой информации. Возможно, «возвращение» к подобному подходу, характерному для западной науки в начале 1920-х гг., обусловлено тем, что за годы существования советской власти в массовом сознании сложилась установка на восприятие материалов СМИ как официальных, единственно верных и достоверных, которым следует всецело доверять.

Так, О.И. Гордеева, анализируя роль средств массовой информации в обществе, считает, что характер воздействия СМИ на аудиторию содержит большие возможности контроля над сознанием, психикой, эмоциональной сферой людей, закладывая в них алгоритмы оценок, поведения, ценностные фильтры²⁸.

А. Ослон пишет о прямом влиянии средств массовой информации на ситуацию вокруг выборов 1993 г., в частности о влиянии телевидения. В качестве иллюстрации он приводит результаты своего исследования, показывающие, что 86% тех, кто в последнюю предвыборную неделю наблюдал за телевизионной политической рекламой, так или иначе сделали свой выбор, тогда как 84% тех, кто не следил за ней, не стали участвовать в выборах²⁹. Когда после выборов появились данные о распределении телевизионного времени, А. Ослон обнаружил четкую корреляцию между объемом политической рекламы и индексом запоминаемости: появление на телеэкране оказалось решающим для принятия позиции избирателем. В то же время А. Ослон допускает воздействие и ряда других факторов на выбор избирателя, например формы подачи материала, имиджа кандидата или политической партии.

В рамках второго подхода преобладает критичное отношение к роли средств массовой информации на выборах.

Например, А. Ковлер отводит СМИ скорее роль информирования избирателей о кандидатах и электоральном процессе, нежели роль формирования установок и предпочтений.

²⁸ Гордеева О.И. Политический имидж в избирательной кампании. Технология и организация выборных кампаний. Зарубежный и отечественный опыт. М., 1993.

²⁹ Ослон А. Социология и телевидение. Политическая сила телевидения: реальность мифа? (Обзор семинара)//Полис. 1994. № 6.

Психолог Д.В. Олышанский, анализируя избирательную кампанию 1993 г., приходит к выводу о специфичном для России воздействии средств массовой информации на избирателей³⁰. Средства массовой информации так или иначе формируют своеобразный имидж политика, обычно лишь информационно-ознакомительного характера. Однако повальное нашествие кандидатов с телеэкрана привело к тому, что возникший в результате феномен интерференции попросту «стирал» в восприятии и памяти избирателей специфические черты отдельных кандидатов, которые при иной, не столь многолюдной, ситуации могли бы привлечь и повести за собой. Это тенденция проявилась в своеобразной реакции отторжения некоторых кандидатов. Средства массовой информации создают высокий уровень известности кандидата, однако никак не гарантируют голосование в его пользу.

Что характерно для двух подходов — это определенная умозрительность выводов, часто не являющихся результатом строгих научных исследований и экспериментов. Отсутствие результатов, полученных в ходе научного исследования, на которые бы ссылались авторы, позволяет усомниться в релевантности сделанных заключений.

Первой в отечественной практике экспериментальной проверкой гипотезы о влиянии сообщений СМИ на массовое политическое сознание и электоральное поведение россиян явилось исследование «Влияние СМИ на электоральные предпочтения населения России», проведенное в сентябре—декабре 1999 г. Национальным институтом прессы, Исследовательской группой ЦИРКОН и Агентством региональных политических исследований³¹.

Методологической основой исследования являлся комплексный анализ того, как были представлены определенные политические лидеры и объединения в ведущих средствах массовой информации (положительные и отрицательные упоминания) и как изменялось отношение аудиторий этих СМИ к указанным политическим персонажам. Обнаружилась неоднозначность воздействия средств массовой информации на избирателей. Были выделены три базовые модели влияния массмедиа: а) модель повышенной (положительной) чувствительности, при которой электоральные предпочтения аудитории к

³⁰ Олышанский Д.В. Политическая психология избирательных кампаний: с 1 декабря 93 к 199.?. (Депутат в округе — партия в регионе — Президент России)//Средства массовой информации в политических технологиях. М., 1994.

³¹ Задорин И., Бузова Ю., Сюткина А. СМИ и массовое политическое сознание: взаимовлияние и взаимозависимость//Российское общество: становление демократических ценностей. М., 1999.

конкретного СМИ существенно связаны с соответствующим представлением политического персонажа в этом СМИ; б) модель пониженной (нулевой) информационной чувствительности, когда такая связь отсутствует или не является значимой; в) модель протестной (отрицательной) чувствительности, когда изменения электоральных предпочтений аудитории конкретного СМИ обратны представлению в нем политического актора.

Исследование также подтвердило, что электоральная база различных политиков и партий характеризуется разной степенью информационной чувствительности. Так, например, повышенной чувствительностью обладали электораты Ю. Лужкова и блока «Отечество — Вся Россия», пониженной — электораты Г. Зюганова и КПРФ.

В ходе исследования были получены важные выводы о механизмах информационного воздействия сообщений СМИ на население. В частности, подтвердилось, что влияние СМИ носит «кумулятивный» характер: воздействие сообщений СМИ увеличивается, если оно устойчиво, долговременно и многоканально.

В целом результаты исследования позволяют сделать следующий вывод. Довольно распространенное мнение об огромном влиянии средств массовой информации на формирование электоральных предпочтений граждан России, скорее, не подтверждается. В то же время, три базовые модели воздействия СМИ на избирателей, обнаруженные в ходе эксперимента, свидетельствуют о правомерности существования двух противоположных подходов к описанию влияния массмедиа на политические ориентации граждан, — все зависит, во-первых, от характера воздействия и, во-вторых, от целевой группы, на которую направлено это воздействие.

Вопросы для самоконтроля

1. Что вкладывается исследователями в понятие «политическая коммуникация»?
2. Какое влияние оказывает политическая коммуникация на политический процесс?
3. Какие средства политической коммуникации являются наиболее эффективными в условиях российской политической ситуации?
4. Какие подходы к роли СМИ в избирательном процессе используются в политической науке?
5. Какие исследовательские методы можно применять при изучении воздействия СМИ на избирательный процесс?

Литература для самостоятельного изучения

1. Анохина Н.В. Влияние средств массовой информации на электоральное поведение: основные подходы // Вестник Самарского государственного университета, 2000. № 1.
2. Анохина Н.В., Брандес М.Э. Роль СМИ в избирательном процессе // Выборы в посткоммунистических обществах: Проблем. сборник ИНИОН РАН. М., 2000.
3. Дмитриев А.В., Латынов В.В., Хлопьев А.Т. Неформальная политическая коммуникация. М., 1997.
4. Задорин И., Бутова Ю., Сюткина А. СМИ и массовое политическое сознание: взаимовлияние и взаимозависимость // Российское общество: становление демократических ценностей. Под ред. М. Макфола, А. Рябова; Московский Центр Карнеги. М., 1999.
5. Засурской И. Массмедиа Второй республики. М., 1999.
6. Иванов В.Н., Назаров М.М. Информационное потребление и политические ориентации // Социологические исследования. 2000. № 8.
7. Массовая коммуникация в формировании современного социокультурного пространства (круглый стол) // Социологические исследования. 2000. № 8.
8. Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. М.: УРСС, 1999.
9. Руденко В.Н. Политическое граффити // Социологические исследования. 1997. № 10.
10. Цуладзе А. Политические манипуляции или покорение толпы. М., 1999.

Глава 12 Политическое развитие. Политическая модернизация

Вопросы

1. Понятие, содержание и факторы политического развития.
2. Политическая модернизация: основные теории.
3. Содержание и факторы политической модернизации.

1. Понятие, содержание и факторы политического развития

Как отмечалось в главе 1, понятие «политический процесс» тесно связано с понятиями «политическое изменение» и «политическое развитие». Политический процесс как динамическая характеристика политики существует в виде политического изменения и политического развития. Чем же эти два понятия отличаются друг от друга?

Политическое изменение мы можем представить как *появление новых характерных черт (новой характерной черты) в способе и характере взаимодействия между политическими субъектами, между политической системой и внешней средой*. Говоря о политическом изменении, мы подразумеваем, что эти перемены происходят в рамках одной и той же политической системы с одними и теми же качественными характеристиками. В ходе него происходит воспроизводство политической системы в целом и его отдельных частей. Однако это воспроизводство не является полным, новое состояние политической системы и его составляющих отличается от предыдущего. Появляющиеся новые характерные черты в способе и характере взаимо-

действия мы можем рассматривать в основном как количественные изменения. Масштабом политических изменений является масштаб повседневной жизни и истории.

Политическое развитие мы можем охарактеризовать как *последовательную смену качественных состояний политической системы в целом и ее отдельных составных частей*. Другими словами, политическое развитие основано на качественных изменениях. Масштаб политического развития — это в основном масштаб эволюции.

Необходимо отметить, что четкую границу между политическим изменением и политическим развитием провести достаточно сложно. Сложность заключается не только в том, что исследователям, живущим в повседневности, трудно оценить изменения в более крупных масштабах, но и в расплывчатости границы между этими масштабами, а также в том, что все эволюционные процессы происходят в результате накопления повседневных и исторических перемен. Политическое развитие непосредственно недоступно простому наблюдателю, поскольку на практике оно проявляется и реализуется в политических изменениях.

Попытаемся тем не менее проиллюстрировать отличия политического изменения от политического развития. Например, смена монарха на троне в результате смерти предыдущего, несмотря на разницу в политических качествах этих личностей, на разницу в проводимых политических курсах (например, один занимался, в первую очередь, реализацией сугубо личных интересов, а другой — проблемами укрепления и централизации государственной власти), это событие может рассматриваться как политическое изменение. Оно принесло в политический процесс новые качества в способе и характере взаимодействия между политическими субъектами и, возможно, между системой и средой, но не принесло с собой качественных изменений самой политической системы и ее составляющих (хотя и могло являться одной из причин таковых). Другой пример — победа на выборах очередного Президента (например, В.В. Путина в 2000 г.). Такая победа знаменует собой политические изменения в рамках очередного электорального цикла. Она, несомненно, принесла новые качества в способе и характере взаимодействия между политическими субъектами, но эти изменения осуществлялись в рамках воспроизводства политической системы, а не ее качественной смены.

В качестве примера политического развития можно привести образование наций-государств с республиканской формой правления в Западной Европе в период Нового времени в результате буржуазных преобразований и революций. Здесь уже речь идет о серьезных качественных изменениях, носящих эволюционный характер. Вместе

с тем эти длительные эволюционные процессы реализовывались посредством накопления количественных политических изменений, постепенно перешедших в качественные.

Следует отметить, что термином «политическое развитие» целесообразно обозначать не однонаправленное развитие, имеющее логический конец (то есть не реализацию некоего христианского, просвещенческого, коммунистического и т.п. проекта). Это понятие не должно нести телеологическую смысловую нагрузку. Политическое развитие — процесс, имеющий несколько эволюционных альтернатив, выбор которых зависит от конкретной совокупности влияющих на него факторов. Чем более у политического развития нет единого заданного алгоритма. Таким образом, к политическому развитию неприменимы понятия типа «тупиковая ветвь развития» и т.п. Кроме того, политическое развитие осуществляется не линейно. Исследователи отмечают его циклический, волнообразный, дискретный и т.д. характеры. Таким образом политическое развитие можно охарактеризовать как процесс, идущий разными путями с различными конкретными результатами.

Вместе с тем при всей разности путей и результатов можно выделить основные элементы политического развития, а также факторы, на него влияющие, анализ которых позволяет проводить научное сравнение «путей и результатов». Какие же факторы влияют на политическое развитие и в чем заключается его основная движущая сила?

В политической науке нет однозначного ответа на этот вопрос, как нет и согласия исследователей относительно количества путей развития и результатов (некоторые из исследователей настаивают на одном пути и результате, как, например, многие представители ранних вариантов теории модернизации), а также его факторов.

В целом основные подходы можно сгруппировать следующим образом.

Первая группа авторов исходит из того, что политическое развитие осуществляется либо однолинейно, либо в результате развития различных политических систем достигается одинаковый результат. В свою очередь, в рамках данного направления можно выделить три основных подхода, представители которых различаются во взглядах на основные факторы и движущие силы политического развития.

Авторы, которых можно условно объединить в рамках первого подхода, в качестве основной причины политического и в целом всего общественного развития выделяют развитие экономики (У. Ростоу, С. Липсет и др.). Вместе с тем в работах некоторых из них подчеркивается значение не только уровня развития экономики, но и связанных с ним социальных факторов. В частности, С. Липсет в качестве

факторов политического развития (точнее демократизации, поскольку он фактически отождествляет понятия политическое развитие и демократизация) выделяет, наряду с собственно экономическими, и такие: как степень урбанизации и уровень образования¹.

Представители второго подхода в качестве основного фактора называют изменение в системе ценностей и моделях поведения (ранний Д. Аптер, К. Дойч, А. Инкельс, Р. Инглехарт и др.). Например, К. Дойч полагал, что основным фактором политического развития (в данном случае — модернизации) является «мобилизация» населения, то есть включение граждан в политический процесс в качестве активных акторов в результате экономических инноваций, изменений в социальной структуре и системе ценностей и моделях поведения².

Авторы, которых объединяют в рамках третьего подхода, считают, основной причиной политического развития функциональную дифференциацию внутри общественной системы в целом и политической в частности (как правило, в числе этих ученых называют Т. Парсонса). В качестве основных причин и «главных процессов» развития, «которые, взаимодействуя друг с другом, составляют «прогрессивную» эволюцию к более высоким системным уровням», Т. Парсонс помимо функциональной дифференциации выделяет «повышение адаптивной способности, включение и генерализация ценностей»³. Таким образом, согласно Т. Парсонсу, основное содержание общественного развития состоит в повышении адаптивной способности системы в результате функциональной дифференциации и усложнения социальной организации⁴.

¹ Lipset S. Political Man. N.Y., 1960. P. 48—54. См. также¹ Липсет С.М., Кен-Рюн С., Торрес Д. Сравнительный анализ социальных условий, необходимых для становления демократии // Международный журнал социальных наук. 1993. № 3.

² Deutsch K. Social Mobilization and Political Development // Comparative Politics. A Reader. Ed. by Eckstein H., Apter D.E. Toronto, 1964.

³ Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997. С. 43.

⁴ Напомним, что развитие, по Т. Парсонсу, совершается от примитивных к современным обществам через промежуточную стадию. На примитивной стадии дифференциация отсутствует. Переход к промежуточной фазе знаменуется возникновением письменности, социальной стратификации и культурной легитимизации. При переходе к современному типу общества происходит отделение правовой системы от религиозной, формирование административной бюрократии, рыночной экономики и демократической избирательной системы. За промышленной революцией, означающей, по Т. Парсонсу, дифференциацию экономической и политической подсистем, следует «демократическая революция», отделяющая социальную подсистему от политической, а затем и «образовательная революция» — Parsons T. Societies: evolutionary and comparative perspectives. New Jersey, 1966: Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997, и др.

Следует отметить, что Т. Парсонса лишь условно можно отнести к группе авторов, рассматривающих политическое развитие как однолинейный процесс или процесс с предзаданным результатом. Раскрывая содержание общественного развития, он не пишет о том, что все общества обязательно должны совершить подобную эволюцию.

Представители второй группы авторов исходят из посылки нелинейного развития с возможностью достижения разных результатов (Ф. Риггз, Г. Алмонд и Г. Пауэлл, С. Хантингтон, Л. Пай, Б. Мур и др.). Эти исследователи также не отличаются единством мнений в отношении основных факторов и аспектов политического развития. В частности, группа ученых в качестве основных причин развития отмечает внутрисистемные. При этом в качестве важного параметра этого процесса рассматривается взаимодействие политической системы (или ее элементов) с внешней средой и роль политических институтов в его осуществлении. Так, С. Хантингтон отмечает, что основным фактом политического развития является степень институционализации интересов и специфика политических институтов в той или иной стране. При этом он отмечает, что характер политического развития зависит от того, отвечает ли характер институционализации уровню участия граждан в политике и степени социальной мобилизации. Отставание процесса институционализации от темпов роста мобилизации и участия, по его мнению, является основной причиной политических кризисов и нестабильности в переходных обществах⁵. Ведущую роль политических институтов в процессе политического развития подчеркивают и другие авторы (Г. О'Доннел, Ф. Шмиттер, А. Пшеворский, Т. Скокпол, Дж. Мач, Д. Олсен и др.).

Другие авторы — Г. Алмонд и Г. Пауэлл — взяв за основу идеи структурного функционализма о дифференциации и повышения адаптивности как о движущих силах и основных проявлениях общественного развития, предложили свою концепцию политического развития (в их интерпретации — концепцию эволюции политических систем), имеющую не однолинейный характер. Для этого они построили матрицу, основанную на трех основных показателях: возрастание субсистемной автономии, увеличение структурной дифференциации и культурной секуляризации. Существующие и существовавшие политические системы (а точнее модели систем или идеальные типы) они расположили в этой системе координат (см. табл. 13).

⁵ Huntington S. Political Order in Changing Societies. New Haven-L., 1968.

Таблица 13.

Схема политического развития, согласно Г. Алмонду и Г. Пауэллу⁶
(по оси абсцисс — уровень субсистемной автономности, ординат — структурной дифференцированности и культурной секуляризации)

↑ Современные политические системы с дифференцированной политической структурой	Радикальный тоталитаризм ⁷	Модернизирующий авторитаризм	Высокоавтономная демократия
	Консервативный тоталитаризм	Консервативный авторитаризм	Демократия с ограниченной автономией
			Демократия с низкой автономией
Традиционные системы с дифференцированной структурой управления	Патримониальные системы	Бюрократические Империи	Феодальные системы
Примитивные системы с низким уровнем дифференциации и секуляризации	Примитивные сообщества (Primitive Bands)	Пирамидальные системы	Сегментарные системы
	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень

Авторы данной теории отмечают, что возможны различные варианты перехода от одного типа политической системы к другой, в

⁶ Сост. по: Almond G.A., Powell G.B. Comparative Politics: A Developmental Approach. Boston, Toronto, 1966. P. 308.

⁷ Примеры приведенных в таблице политических систем, на которые ссылаются авторы: радикальный тоталитаризм СССР, консервативный тоталитаризм — фашистская Германия, консервативный авторитаризм — франкистская Испания, модернизирующий авторитаризм — Бразилия, высокоавтономная демократия — Великобритания, демократия с ограниченной субсистемной автономией — IV республика во Франции, демократия с низкой автономией — Мексика, предмобилизованный авторитаризм — Гана, предмобилизованная демократия — Бразилия, бюрократические империи — империя инков, тюдоровская Англия и т.д., феодальная политическая система — Франция XII в. и т.д.

возможны периоды деградации распада политических систем, а также нелинейные варианты развития. В частности, бюрократические империи часто рождались в результате эволюции патримониальных систем, феодальных систем, а также и городов-государств. В целом схема политического развития выглядит таким образом: повышается структурная дифференциация и, как следствие, — субсистемная автономность и т.д. Далеко зашедшее развитие субсистемной автономности приводит к распаду политической системы.

Все названные авторы не отрицают того, что на политическое развитие влияют многие факторы, а сам этот процесс является многоаспектным. Так, например, С. Хантингтон в своей работе «Третья волна» выявляет зависимость существования демократических режимов от уровня экономического развития страны⁸. Тем не менее они выделяют главные, с их точки зрения, факторы и движущие силы этого процесса, сосредотачивая на них основное внимание.

В целом необходимо отметить, что представители различных подходов рассматривают лишь отдельные аспекты политического развития и общественного развития в целом. Построение обобщающей схемы этого процесса, основанной на учете множества разнообразных факторов, — дело достаточно сложное, требующее интеграции различных подходов. Имеющиеся в настоящее время попытки создания многофакторных моделей не отвечают критериям универсальности, актуализируя проблему такой интеграции.

Тем не менее можно выделить критерии и факторы, которые исследователи упоминают наиболее часто. В качестве таких критериев можно назвать совокупность показателей, приводимых Л. Паем в его работе «Понятие политического развития». Он выделяет три группы характеристик: структурную дифференциацию и специализацию, возрастающую адаптивность системы, тенденцию к «равенству», предполагающую вовлечение населения в политическую жизнь, возникновение универсальных норм и назначение на государственные посты по принципу компетентности⁹.

Политические процессы весьма разнообразны по своим основным параметрам. В политической науке существует несколько вариантов типологии политического развития. В частности, выделяют типы политического развития на основе его содержания: модернизация, демократизация, глобализация и др. Специфика двух из них рассматривается в данном пособии.

⁸ Huntington S.P. The third wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman, L.; 1991.

⁹ Pye L.W. Aspect of Political Development. Boston, 1966. P. 45—47.

⁹ Политический процесс: основные аспекты и способы анализа

2. Теории политической модернизации

Теория политической модернизации в политической науке начала формироваться в 50—60-х гг. XX в. Ее создатели опирались на теоретическое наследие известных исследователей XIX—начала XX вв. в частности М. Вебера (выдвинувшего идею развития европейской цивилизации в направлении от традиционного общества к современному на основе рационализации поведения), Ф. Тенниса и Э. Дюркгейма (предложившего концепцию эволюции от обществ с «механической солидарностью» к обществам с «органической солидарностью» на основе разделения труда). В качестве теоретической базы, на которую опирались теоретики модернизации, выступали также основные положения структурно-функционального анализа, представления структурных функционалистов об общественном развитии.

Особый вклад в разработку теории модернизации внесли работы Г. Алмонда и Д. Пауэлла «Сравнительная политология. Подход с позиции концепции развития» (1966), Д. Аптера «Политика модернизации» (1965), С. Липсета «Политический человек» (1960), Л. Пая «Аспекты политического развития. Аналитическое исследование» (1966), Д. Растоу «Мир наций» (1967), Ш. Эйзенштадта «Модернизация: протест и изменение» (1966), С. Хантингтона «Политический порядок в меняющихся обществах» (1968) и другие.

В своем развитии теория модернизации прошла условно три этапа: 50—60-е гг., 60—70-е гг. и 80—90-е гг.

Теория модернизации «образца 50—60-х гг.» основывалась на таком методологическом допущении, как универсализм. Развитие всех стран и народностей рассматривалось как универсальное, то есть происходящее в одном направлении, имеющее одни и те же стадии и закономерности. Признавалось наличие национальных особенностей, однако считалось, что они имеют второстепенное значение.

В целом модернизация представлялась как процесс развития в направлении от традиционного общества к современному. Большинство авторов теории модернизации в 50—60-х гг. исходили из идеи технологического детерминизма. Они считали, что в основе общественного развития лежит прогресс в экономике и технологии, ведущий к повышению жизненного уровня и решению социальных проблем (необходимо отметить, что в этот же период создавались теории индустриального общества, основанные на сходных допущениях; эти теории развивались в трудах У. Ростоу, Р. Арона, Д. Белла и др.). Благодаря научно-техническому прогрессу происходит «осовременивание» общества путем перехода от традиционных ценностей и обще-

ственных структур к современным, рациональным ценностям и структурам.

Наиболее развитой, «современной» страной представители теории модернизации считали США, за которыми выстраивались европейские страны. Однако отсталые страны также имели шанс достичь уровня «современности» передовых держав. Теория модернизации объясняла пути и способы решения этой задачи. Для этого выяснялось, насколько «отсталые» общества соответствуют «идеалу», выявлялись некоторые национальные особенности и намечались пути решения проблем.

Таким образом, одной из основных черт теории модернизации первого этапа был телеологизм и евроцентризм (точнее американоцентризм). Об этом свидетельствуют и некоторые определения модернизации, родившиеся в этот период. В частности, один из крупных исследователей Ш. Эйзенштадт определял модернизацию следующим образом: «Исторически модернизация — это процесс изменения в направлении тех типов социальной, экономической и политической систем, которые развивались в Западной Европе и Северной Америке с XVII по XIX в. и затем распространились на другие европейские страны, а в XIX и XX вв. — на южноамериканский, азиатский и африканский континенты»¹⁰. Схожее определение дает и В. Мур: «Модернизация является всеохватывающей трансформацией традиционного домодернистского общества в социальную организацию, которая характерна для передовых, экономически процветающих западных наций, характеризующихся относительной политической стабильностью»¹¹.

Благодаря этим особенностям теория имела большую прикладную значимость: ее положения, например, с успехом применялись для обслуживания внешней политики США.

Эти особенности обусловили и специфику взглядов исследователей на содержание политической модернизации как части общего процесса «осовременивания». Политическая модернизация на первом этапе развития теории сводилась к следующему:

- демократизация развивающихся стран по западному образцу (образование или усиление национальных государств, создание представительных органов власти, разделения властей, введение института выборов);
- изменение системы ценностей (развитие индивидуальных ценностей) и способов легитимации власти (традиционные способы должны вытесняться современными).

¹⁰ Eisenstadt S.N. Modernization: Protest and Change. N.Y., 1966. P. 1.

¹¹ Moore W. Social Change. Englewood Cliffs, 1963. P. 89.

Представители теории политической модернизации выделяли благоприятные и неблагоприятные факторы этого процесса в развивающихся странах. Среди благоприятных называлось успешное социально-экономическое развитие стран «третьего мира», а также активное сотрудничество с развитыми государствами Западной Европы и США. Среди неблагоприятных отмечались сохранение элементов традиционного общества, нежелание правящих элит поступиться своими интересами ради обновления страны, неграмотность, отсутствие рационального сознания у большинства населения, существование традиционных социальных слоев и традиционного сектора производства. В ходе модернизации должно было, по мнению сторонников данной теории, происходить постепенное устранение неблагоприятных факторов.

Политические события 60-х гг. продемонстрировали несовершенство теории модернизации и необходимость ее дальнейшей доработки. Эти события вызвали волну критики, в рамках которой условно можно выделить два направления:

- 1) радикальная критика модернизации, осуществляемая в основном представителями развивающихся стран, а также левого движения 60-х гг. в Западной Европе. По их мнению, теория модернизации оправдывала колонизацию. Они выступали против западной экспансии, за антимодернизацию (против модернизации по западному образцу);
- 2) критика модернизации, развиваемая в рамках «теории отсталости», представителями которой были в основном левые радикалы западных и некоторых развивающихся стран. Они критиковали теорию модернизации за упрощение картины развития, за то, что данная теория недостаточно учитывала специфику рассматриваемых обществ, особенности культуры и не объясняла механизм торможения насаждавшихся новых отношений, институтов и т.п. Эти исследователи считали, что модернизация по западному образцу ведет к консервации отсталости, зависимости, нарушению экономической структуры, разрушению экологической среды и социальным конфликтам.

Второй этап развития теории модернизации характеризовался появлением более взвешенных трактовок, основанных на разнообразных факторах политического, социального и экономического развития (в частности, таком факторе, как политическая культура). В целом многим работам данного периода был свойственен отход от евроцентризма. Под вопрос был поставлен тезис об эффек-

тивности демократизации в странах «третьего мира» с точки зрения реализации целей экономического роста и социально-экономического прогресса в целом.

Многие представители теории модернизации этого времени основное внимание сосредоточили на проблеме «стабильности» политического развития как предпосылки для социально-экономического прогресса. Ученые находили различные рецепты поддержания такой стабильности. В целом в литературе, посвященной теориям модернизации, выделяется условно два направления, представители которых давали разные ответы на вопрос о факторах стабильности: «консервативное» и «либеральное».

Представители «консервативного» направления (С. Хантингтон, Дж. Нельсон, Х. Линц и др.) считали, что главной проблемой модернизации является конфликт между мобилизованностью населения, его включенностью в политическую жизнь и институционализацией, наличием необходимых структур и механизмов для артикулирования и агрегирования их интересов. В то же время неподготовленность масс к управлению, неумение использовать институты власти, а следовательно, и неосуществимость их ожиданий от включения в политику способствуют дестабилизации политического режима.

В работе «Политический порядок в меняющемся обществе» С. Хантингтон писал, что главная задача политической модернизации — способность политических институтов приспособиться к изменяющимся условиям, основанная не на уровне их демократизации, а на прочности и организованности. На стадии перемен только жесткий авторитарный режим, контролирующий порядок, способен аккумулировать необходимые ресурсы для трансформации и обеспечить переход к рынку и национальное единство. С. Хантингтон выделил и ряд условий, благоприятных для преобразований, а также сформулировал ряд «советов» для авторитарных правителей переходных эпох, которым, по его мнению, необходимо следовать в целях эффективности реформистской политики. В целом условия и «советы» сводятся к компетентной политике, учитывающей конъюнктуру и расстановку политических сил.

Сторонники «либерального» направления (Р. Даль, Г. Алмонд, Л. Пай и др.) под основным содержанием модернизации понимали формирование открытой социальной и политической системы путем интенсификации социальной мобильности и интеграции населения в политическое сообщество. Главным критерием политической модернизации они считали степень вовлеченности населения в систему политического представительства: характер и динамика модернизации

зависят от открытой конкуренции свободных элит и степени вовлеченности рядовых граждан в политический процесс. Условием успешной модернизации, по их мнению, являлось обеспечение стабильности и порядка (с помощью диалога между элитой и населением) и мобилизации масс. При этом представители данного направления выделяли следующие варианты развития событий:

- при приоритете конкуренции элит над участием рядовых граждан формируются наиболее оптимальные предпосылки для последовательной демократизации общества и осуществления реформ;
- в условиях значительного усиления роли конкуренции элит при низкой активности основной массы населения складываются предпосылки установления авторитарных режимов и торможения преобразований;
- доминирование политического участия населения над соревнованием элит, может способствовать нарастанию охлократических тенденций, что провоцирует ужесточение режима и замедление преобразований;
- одновременная минимизация соревновательности элит и политического участия населения ведет к хаосу, дезинтеграции социума и политической системы, что также способствует установлению диктатуры.

Оба эти подхода, как и теории модернизации на первом этапе объединял взгляд на модернизацию не как на спонтанный саморазвивающийся процесс, а как на процесс, инициаторами и проводниками которого выступают, в первую очередь, политические элиты, проводящие соответствующую политику модернизации.

Еще на втором этапе развития теорий модернизации сформировались предпосылки для более сложного понимания этого явления, отвергающего однозначное противопоставление современности и традиционности в общественном развитии. Многие авторы теории модернизации стали полагать, что модернизация, напротив, предполагает не искоренение традиционности, а развитие с использованием традиции, которая определяет сам характер модернизационного процесса, а также выступает его стабилизирующим фактором.

Дальнейшая эволюция теорий модернизации на третьем этапе выразилась во все большем распространении идеи о несостоятельности строгого противопоставления традиции и современности. Многие авторы, не отрицая важность таких факторов, как технологический прогресс, внедрение «западных» институтов и норм, отмечают вторичность этих факторов и их зависимость от господствующих

том или ином обществе социальных отношений и социокультурных ценностей.

Во второй половине 80-х годов получает свое развитие концепция «модернизации в обход модернити», то есть концепция политического развития, основанного на сохранении социокультурных традиций без навязывания чуждых (западных) образцов (А. Абдель-Малеk, А. Турен, С. Хатнингтон, Ш. Эйзенштадт и др.). В рамках этой концепции не отрицается универсальность общественного и политического развития. Вместе с тем принцип универсализма сочетается с партикуляризмом, а их органичный синтез рассматривается как залог успеха модернизационного процесса. Модернизация рассматривается как саморазвивающийся процесс, зависящий не только от деятельности политических элит, но и, в первую очередь, от влияния объективных обстоятельств и поведения рядовых членов общества.

В рамках этой концепции получают свое развитие термины «контрмодернизация» и «антимодернизация» (А. Турен)¹². Контрмодернизация обозначает альтернативный вариант модернизации по незападному образцу (например, сталинскую модернизацию), а антимодернизация обозначает активное противодействие этому процессу. По мнению А. Турена, эти два варианта и составляют главную тенденцию общественно-политического развития XX в., основанную на утрате веры в принцип универсальности. Приобретает новое звучание вопрос о соотношении политической и социально-экономической модернизации, ответ на который становится в целом еще более неоднозначным, чем в предыдущие десятилетия.

Рассматривая данные концепции второй половины 80-х гг., следует отметить, что при наличии несомненных достоинств (многофакторный подход, отрицание евроцентризма, признание возможности различных путей модернизации и т.д.) они не лишены определенных недостатков. Основная слабость, с нашей точки зрения, заключается в том, что в них не уделяется достаточно внимания анализу и учету различий в механизмах и способах модернизации, а также историческому контексту их использования. Данная особенность обуславливает тот факт, что общие закономерности модернизационного процесса, наиболее отчетливо проявившиеся во второй половине XX в., представляются в качестве новых особенных тенденций общественного и политического развития.

¹²Touraine A. Critique de la modernite 2P., 1992 etc.

3. Содержание и факторы политической модернизации

Что же представляет собой политическая модернизация? Какое определение этого явления мы можем дать? В чем заключается ее содержание и как она соотносится с другими сферами модернизационного процесса?

Политическую модернизацию мы можем определить как *формирование, развитие и распространение современных политических институтов, практик, а также современной политической структуры. При этом под современными политическими институтами и практиками следует понимать не слепок с политических институтов стран развитой демократии, а те политические институты и практики, которые в наибольшей степени способны обеспечивать адекватное реагирование и приспособление политической системы к изменяющимся условиям, к вызовам современности.* Эти институты и практики могут как соответствовать моделям современных демократических институтов, так и отличаться в различной степени: от отвержения «чужих» образцов до принятия формы при ее наполнении изначально несвойственным ей содержанием.

Наиболее часто используемый механизм политической модернизации — заимствование (копирование, имитация) образцов.

Обычно выделяют два типа имитации:

- * имитация алгоритма, когда копируется механизм какого-либо процесса, включая его содержание или функциональную нагрузку (например, процесса взаимодействия трех ветвей власти);
- * имитация результата или формы, другими словами, «симуляция» (например, провозглашение свободных и соревновательных выборов как принцип, то есть *de jure*, при их несвободном и несоревновательном характере *de facto* или создание трех ветвей власти без фактической реализации принципа разделения властей).

При этом, как верно отмечают некоторые видные политологи, наилучшие результаты с точки зрения решения задач модернизации дает имитация алгоритмов.

Следует учесть, что имитация осуществляется не в пустом пространстве, а в конкретно-историческом и социокультурном контексте той или иной страны под влиянием национальных традиций. Более того, имитационные институты и практики не только изменяются под влиянием традиций, но и перерабатываются под эти традиции. В целом

можно утверждать, что происходит взаимовлияние традиций и заимствований и их изменение в ходе этого процесса.

Несмотря на то что модернизация может осуществляться различными способами с использованием различных механизмов, можно выделить универсальные составляющие политической модернизации:

- * создание дифференцированной политической структуры с высокой специализацией политических ролей и институтов;
- * создание современного государства, обладающего суверенитетом;
- * усиление роли государства, расширение сферы действия и усиление роли закона, связывающего государство и граждан;
- ◆ рост численности граждан (лиц с политическими и гражданскими правами), расширение включенности в политическую жизнь социальных групп и индивидов;
- ◆ возникновение и увеличение рациональной политической бюрократии, превращение рациональной деперсонифицированной бюрократической организации в доминирующую систему управления и контроля;
- ◆ ослабление традиционных элит и их легитимности; усиление модернизаторских элит.

В зависимости от используемого механизма модернизации в политологической литературе принято выделять следующие типы этого процесса¹³:

- ◆ «органическая», или «первичная», характерная для таких стран, как Великобритания, США, Канада, некоторые другие европейские страны (модернизационное ядро). Ее начало охватывает эпоху первой промышленной революции, разрушения традиционных наследственных привилегий и провозглашения равных гражданских прав, демократизации и т.д. В этих странах модернизация осуществлялась преимущественно эволюционным путем на основе собственных культурных традиций и образцов;
- ◆ «неорганическая» или «вторичная», «отраженная», «модернизация вдогонку» (Россия, Бразилия, Турция и др.), основным фактором которой выступают социокультурные контакты «от-

¹³ В основе данной типологии лежит принцип евроцентризма, когда процесс модернизации в странах «второго эшелона» рассматривается как следование к заданному образцу с использованием «западных» институтов и образцов. Тем не менее эта типология является достаточно широко распространенной в политической науке, так как обладает определенной эвристической и теоретической ценностью.

ставших» в своем развитии стран с **модернизационным** ядром, а основным механизмом — имитационные процессы «Вторичная», «догоняющая» модернизация предполагает, что одни элементы общества «убежали» вперед, более или менее соответствуют развитию в «передовых» странах, а другие — еще не «вызрели», отстают в своем развитии или вовсе отсутствуют. Развитие общества при «вторичной» модернизации напоминает, по мнению бразильского историка Н. Вернек Содре, «движение квадратного колеса». Варьируется в разных странах лишь систематичность «встрясок», глубина «ухабов» да скорость движения. «Движение квадратного колеса» — удачный образ циклического процесса «догоняющей» модернизации, когда чередуются эволюционные и революционные начала.

Следует отметить, что данная типология основана на выделении неких идеальных типов. В действительности в рамках «классического» модернизационного ядра развитие также происходит с использованием имитационных механизмов, а в странах «догоняющей модернизации», как уже отмечалось, имитация может носить различный характер и не играть главную роль в политическом развитии. Более совершенной типологией представляется выделение трех типов модернизации:

- * эндогенная, то есть осуществляемая на собственной основе (Европа, США и т.п.);
- ◆ эндогенно-экзогенная, осуществляемая на собственной основе, равно как и на основе заимствований (Россия, Турция, Греция и т.д.);
- * экзогенная модернизация (имитационные, имитационно-симуляционные и симуляционные варианты), осуществляемая на основе заимствований при отсутствии собственных оснований.

По сравнению со странами первого типа в обществах «догоняющей» модернизации (или эндогенно-экзогенной, экзогенной модернизации) политический фактор играет более существенную роль. Это вполне объяснимо, так как здесь не сложилось достаточно предпосылок для спонтанной трансформации традиционных экономических, социальных, социокультурных и политических структур, поэтому государство вынуждено в некоторых случаях выступать как «толчок» и организатор процесса трансформации. С этим часто связывают и установление авторитарного режима в этих странах, который получил название «авторитаризм развития». Несмотря на то что дискуссии об

эффективности отдельных политических режимов с точки зрения успешности процесса модернизации имеют научную и практическую значимость, следует отметить их второстепенный характер. Это объясняется тем, что модернизация представляет собой достаточно длительный процесс, измеряемый в масштабе эволюции в то время, как существование авторитарного режима происходит в масштабе повседневности и истории; оно может лишь повлиять на специфику отдельного момента модернизационного процесса. Кроме того, сама постановка вопроса об эффективности режима может говорить о намерении исследователя представить модернизацию как результат реализации определенного политического курса, результат деятельности политических элит, то есть может свидетельствовать об односторонней трактовке исследователем самого понятия модернизации.

Некоторыми исследователями выделяются различные этапы или стадии модернизации. В частности, весьма распространенным в настоящее время является выделение Раннего, Среднего и Зрелого Модерна.

Так, М.В. Ильин конструирует идеальную модель модернизации, включающую три ее фазы, специфика содержания каждой из которых обусловлена особым набором функциональных задач. Эта идеальная модель иллюстрируется на примере процесса модернизации стран Западной Европы.

Под *Ранним Модерном* понимается фаза политического развития, включающая в себя становление суверенного национального государства (Nation-State), а также выделение и развитие гражданского общества как зоны, свободной от принуждающего насилия государственной власти. Итогом этой фазы является закрепление позиций государства и гражданского общества в так называемых «конституциях первого порядка» (например, британская неписанная конституция).

В период *Среднего Модерна* происходит дифференциация внутри гражданского общества и государства, что выражается в появлении групп интересов, протопартий, а также разделение властей. Плодом этой дифференциации является создание системы политического представительства, посредующих отношения государства и гражданского общества. Эта система создается в целях реализации принципа народного суверенитета, выборного и ответственного правления. Для этой фазы политического развития характерно появление конституций «второго порядка», закрепляющих принципы республиканского Устройства.

Зрелый Модерн характеризуется решением задач, связанных с созданием механизма чередования, сменяемости, легитимации и де-

легитимации политических курсов и дискурсов. Эти задачи решаются с помощью дальнейшей демократизации, точнее, процесса консолидации демократии (см. главу 13), в процессе которой закрепляются институты и механизмы такой соревновательности (например, институт выборов).

В целом в рамках политической науки, трактовка этих понятий разнообразна и неоднозначна, что объясняется, скорее всего, многофакторностью и многовекторностью данного процесса. Так, например, М.В. Ильин отмечает, что «зрелость, а возможно, и завершение модерна связаны с органичным соединением в одной политике ароморфных¹⁴ характеристик культур, цивилизаций и наций... Сами по себе слои неинтегрированы, наличествуют далеко не везде, да и развиты крайне неравномерно. Нижний пласт, своего рода основу, образует геополитическая подстилка: пространственно организованные качества среды, которые могут быть использованы людьми... Второй пласт составляют культуры... Третий пласт является собственно цивилизационным... Четвертый образуют нации — квазизакрытые территориальные системы, обеспечивающие интеграцию культурной субстанции и цивилизационной структуры в устойчивые целостные образования, двуединства наций-государств и гражданских обществ... на деле же тот факт, что во многих областях экваториального пояса наличествуют только два пласта (геополитические ниши и культурны), на многих других территориях можно говорить о трех пластах и лишь в наиболее благоприятных... зонах развились все четыре пласта, заставляет отождествлять международную систему с прихотливым узором, образованным довольно неровной, со множеством перепадов конфигурацией наползающих друг на друга и прерывающихся слоев... Только достаточно далеко зашедшая модернизация может обеспечить их глубокий ретроспективный синтез, а как раз такая модернизация все еще, вероятно, не достигнута в масштабе отдельных наций»¹⁵.

В целом анализ современных концепций модернизации, содержания этого процесса и выявление его отдельных составляющих позволяет утверждать, что модернизация (в том числе и политическая) не является движением к какому-либо образцу. Этот процесс имеет многовариативный и альтернативный характер. Поэтому имеющиеся типологии модернизации, а также характеристики отдельных типов и этапов могут рассматриваться только как рабочие варианты, нуждаю-

¹⁴ Ароморфный — предполагающий усложнение, развитие.

¹⁵ Ильин М.В. Очерки хронополитической типологии. М., 1995. С. 49—51.

щиеся в дальнейшем уточнении и дополнении. Вместе с тем эти типологии и модели обладают значительной теоретической и эвристической ценностью, так как позволяют выделить некоторые основные элементы модернизации и, таким образом, формируют предпосылки для анализа единичных случаев и сравнения этого процесса в разных странах и регионах, в том числе в России.

Какие же особенности российской политической модернизации можно выделить на основе использования имеющегося исследовательского опыта?

Во-первых, процесс политической модернизации в России можно в целом отнести к эндогенно-экзогенному типу

Во-вторых, характерной особенностью этого типа модернизации является сочетание различных собственных и заимствованных институтов и традиций. Вполне справедливым и достаточно интересным представляется мнение М.В. Ильина, отмечающего, что применительно к российским условиям, эти институты и традиции можно в целом сгруппировать в «четыре эволюционно разнородных блока». Эти блоки «консервировали определенный эволюционный тип и воспроизводили его логику... Первый: вотчинный, или патримониальный, блок представлял собой... воспроизведение «семейной модели» господства во все более крупных масштабах. Второй развился из поверхностно и ускоренно заимствованной у Византии христианской теократии, основывался на господстве единой и единственной «правды». Третий был упрощением и без того не слишком изоцированной ордынской деспотии... и служил непосредственной мобилизации всех ресурсов, в том числе ресурсов принуждающего насилия, для решения некой «судьбоносной» задачи. Четвертый: претендующая на модернизованность военно-бюрократическая структура «государевой службы» — упрощенная версия популярной в Германии XVII—XVIII вв. утопии «полицейского государства... Предполагалось, что, руководствуясь идеями просвещения и полицейстической наукой, его власти способны обо всем печься и все устраивать наилучшим образом. Эти блоки находились в остром конфликте друг с другом, ибо различались по происхождению... К тому же они принадлежали к разным эволюционным временам...»¹⁶

В-третьих, для России характерна особая и, по мнению В.И. Пантина, «не сравнимая с другими странами и цивилизациями роль государства в иницировании, определении направленности и осуществлении

¹⁶ Ильин М.В. Политическое самоопределение России//Pro et contra. 1999. Т. 4. № 3. С. 74.

модернизационного процесса на всех его стадиях»¹⁷. Эта существенная роль государства в процессе модернизации выражается в наличии так называемого «самодержавного синдрома», наличие которого, отмечаемое многими исследователями, объясняется необходимостью сосуществования и взаимодействия четырех выделенных выше блоков: «Это достигается при помощи «посредника», который проще каждого из блоков и одновременно подобен каждому из них. Упрощая смысл той или иной функции, он позволяет воспринять и воспроизвести ее в логике других блоков. Посредник соединяет три сферы политической системы: ядро, посредующую и внешнюю оболочку. В центре стоит символическая фигура автократа (царь, император, генсек, «всемирно избранный президент»). Внешняя оболочка — это во всех случаях «народ». Между ними — слои посредования, которые в отдельных случаях могут раскрываться как в военно-бюрократическую иерархию, так и в патримониальное «старшинство», как в ступени (и степени) ортодоксии, так и в близость-удаленность от деспота»¹⁸.

В-четвертых, отмечаемая многими исследователями и в частности В.И. Пантиним, «периодически реализующаяся разнонаправленность процессов модернизации государства и модернизации общества. Благодаря слабости гражданского общества и исключительной роли, которую играет государство в России, модернизация общества постоянно подменяется модернизацией государства — его военно-индустриальной мощи, бюрократического аппарата, репрессивных органов, государственного сектора экономики и т.п. В итоге задачи форсированной военно-индустриальной модернизации государства, усиления его как мировой державы часто решаются за счет антимодернизации, частичной архаизации и деградации общества». Поэтому государство часто «предстает необычайно инерционным образованием, блокирующим разрешение многих назревших социальных конфликтов, что в истории России не раз приводило к политическим и социальным потрясениям...»¹⁹

¹⁷ Пантин В.И. Циклы и волны модернизации как феномен социального развития. М., 1997. С. 125. На самом деле, как отмечалось выше, политический фактор и особенно государство играет особую роль во всех странах «догоняющей» модернизации. В каждой стране эта роль уникальна и поэтому является «не сравнимой». Тем не менее она поддается научному сравнению с использованием универсальных инструментов, как и всякое другое уникальное явление.

¹⁸ Ильин М.В. Политическое самоопределение России//Pro et contra. 1999. № 3. С. 75.

¹⁹ Пантин В.И. Циклы и волны модернизации как феномен социального развития. М., 1997. С. 125, 126.

В-пятых, российская модернизация по природе своей циклична. Переход от одной фазы модернизации к другой, как правило сопровождается социальными потрясениями и даже катастрофами, которые характеризуются ломкой основных социальных институтов, регулирующих поведение. После периода «смуты» (отката) попытки решения проблем модернизации возобновляются с применением обновленных инструментов.

В целом анализ особенностей российской модернизации позволяет утверждать, что политическое развитие России, как полагают некоторые наблюдатели и исследователи, не принадлежит к разряду загадочных и непознаваемых явлений. Уникальность российского варианта модернизации (как и других политических процессов) вполне поддается изучению и сравнению с помощью адекватного исследовательского инструмента. Вместе с тем наличие нерешенных проблем, необъясненных политических явлений актуализирует проблему усовершенствования и универсализации исследовательских подходов к политическому развитию.

Вопросы для самоконтроля

1. В чем состоят отличия политического развития от политических изменений?
2. В чем заключается основное содержание политического развития?
3. Что такое политическая модернизация?
4. С помощью каких механизмов может осуществляться модернизация? Какие из них являются наиболее эффективными?
5. К какому типу модернизации и почему можно отнести модернизационный процесс в России?

Литература для самостоятельного изучения

1. Дегтярев А.А. Основы политической теории. М., 1998. Гл. 10.
2. Ильин М.В. Идеальная модель политической модернизации и пределы ее применимости. М., 2000.
3. Ильин М.В. Политическая модернизация: Неоконченная драма в трех действиях//Стратегия. 1998. № 1.
4. Ильин М.В. Политическое самоопределение России//Pro et contra. 1999. Т. 4. № 3.

5. От аграрного общества к государству всеобщего благоденствия: модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х гг. М., 1998.
6. Ильин М.В. Ритмы и масштабы перемен: О понятиях «процесс», «изменение» и «развитие» в политологии//Полис. 1993. № 2.
7. Пантин В.И. Циклы и волны модернизации как феномен социального развития. М., 1997.
8. Пивоваров Ю., Фурсов А. Русская система и реформы//Pro et contra. 1999. № 4.
9. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1997.
10. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999.

Глава 13

Демократизация

Вопросы

1. Понятие демократизации.
2. Модели перехода от авторитаризма к демократии.
3. Российская модель демократизации.

1. Понятие демократизации

Одним из видов политического процесса является демократизация, которая привлекает все большее внимание со стороны как западных, так и российских исследователей. Это связано с тем, что последние десятилетия характеризуются падением авторитарных режимов и попыткой утверждения демократических институтов во многих государствах мира. Известный исследователь С. Хантингтон, характеризует этот процесс как третью волну демократизации, охватившую большую группу стран. Характеризуя этот процесс как мировую демократическую революцию, он отмечает, что к началу 90-х годов «демократия рассматривается как единственная легитимная и жизнеспособная альтернатива авторитарному режиму любого типа»¹.

По мнению С. Хантингтона, начало первой волны связано с распространением демократических принципов в США в XIX в.; она продолжается до окончания первой мировой войны (1828—1926). За подъемом демократизации, как правило, следует ее откат. Первый спад датируется 1922—1942 гг. Вторая волна демократизации насту-

¹ Huntington S.P. The third wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman, L.; 1991. P. 58.

пает с победой над национал-социализмом и становлением демократии, прежде всего, в Западной Германии, Италии, Японии. Эта волна продолжается до середины 60-х гг. (1943—1962). Второй спад захватывает временной интервал между 1958 и 1975 г. 1974 год становится началом третьей (современной) демократической волны, с момента падения салазаровской диктатуры. Она захватила такие государства Южной Европы, как Испания и Греция, затем распространилась на Латинскую Америку. К середине 80-х демократизация распространяется на ряд стран Азии, Центральной и Восточной Европы, а затем и СССР.

Опыт политического развития стран, переживающих третью волну демократизации, явился в некотором роде опровержением оптимистических выводов С. Хантингтона, показав всю неоднозначность и противоречивость этого процесса. Речь, прежде всего, идет о том, что во многих странах демократизация привела к установлению отнюдь не демократических режимов (ярким примером этому может служить большинство стран бывшего СССР).

Многие ученые признают волновой характер демократизации и согласны с предлагаемой С. Хантингтоном периодизацией. Однако при этом они отмечают, что третья волна характеризовалась рядом особенностей, которые явились подтверждением сложности и многозначности рассматриваемого процесса. Среди них выделяются следующие:

* специфика итогов: «демократические транзиты» третьей волны в большинстве случаев не заканчиваются созданием консолидированных демократий;

* значительное отличие исходных характеристик трансформирующихся политических режимов: от классического авторитаризма и военных хунт в Латинской Америке до посттоталитарного режима в странах Восточной Европы;

◆ более благоприятный международный контекст.

Что же представляет собой демократизация?

Среди политологов нет единства в определении этого термина. Чаще всего в самом общем смысле демократизацию рассматривают как переход от демократических форм правления к демократическим. Важно отметить, что расширительное использование этого понятия в целях характеристики различных видов общественных трансформаций, связанных с демократической волной, далеко не всегда оправданно: процесс демократизации не всегда приводит к утверждению современной демократии. Некоторые исследователи предлагают использовать другое понятие — «демократический транзит», которое не предполагает обязательный переход к демократии, а указывает на

тот факт, что демократизация представляет собой процесс с неопределенными результатами. Поэтому эти исследователи выделяют собственно демократизацию как процесс появления демократических институтов и практик и консолидацию демократии как возможный итог демократизации, предполагающий переход к современной демократии на основе укоренения демократических институтов, практик и ценностей.

В современной политической науке существуют различные подходы к изучению и объяснению содержания и факторов демократизации. А.Ю. Мельвиль предлагает рассматривать теорию демократизации в рамках двух подходов: первого — структурного, опирающегося на анализ структурных факторов, и второго — процедурного, ориентированного на факторы процедурные (прежде всего выбор и последовательность конкретных решений и действий тех политических акторов, от которых зависит процесс демократизации)².

Представителями структурного подхода являются С. Липсет, Г. Алмонд и С. Верба, Р. Инглхарт, Л. Пай и др. Они пытаются выявить зависимость между некоторыми социально-экономическими и культурными факторами и вероятностью установления и сохранения демократических режимов в различных странах. Эта зависимость понимается именно как структурная предпосылка демократизации, то есть обусловленная влиянием тех или иных объективных общественных структур, а не субъективными намерениями и действиями участников политического процесса.

В качестве основных выделяются три типа структурных предпосылок демократии:

- обретение национального единства и соответствующей идентичности;
- достижение достаточно высокого уровня экономического развития;
- массовое распространение таких культурных норм и ценностей, которые предполагают признание демократических принципов, доверие к основным политическим институтам, межличностное доверие, чувство гражданственности и т.д.

Из перечисленных выше условий демократии у современных исследователей не вызывает сомнений только одно — национальное единство и идентичность, предшествующее демократизации. В отно-

² См. Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты). М., 1999. Мельвиль А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Политические исследования. 1998. № 2 и др.

шении других высказываются критические замечания. Так, например, строгая зависимость между уровнем социально-экономического развития общества и демократией сегодня опровергается обширным фактическим материалом. В настоящее время существуют государства с высоким уровнем экономического развития и имеющие при этом недемократический режим (например, Сингапур). Можно выделить также государства с вполне сформировавшимся демократическим типом отношений между политическими институтами и акторами, где при этом отмечается высокий уровень бедности и существование традиционных социальных структур и практик (например, Индия).

Характеризуя наличие необходимых культурных ценностей, как условие для возникновения демократии, важно подчеркнуть, что они скорее создают благоприятный климат для формирования стабильной, устойчивой демократии. Но, как справедливо отмечает А.Ю. Мельвиль, предварительные условия и наличие корреляций — не одно и то же. Предварительные структурные условия — это такие, без наличия которых демократический переход невозможен. Корреляции же представляют собой необязательные предпосылки, а факторы, ускоряющие или замедляющие демократизацию³.

Эти несогласия по отношению к универсальности и обоснованности модели с конфетными социокультурными предпосылками демократии повлияли на возникновение *процедурного подхода* (представители — Г. О'Доннелл и Ф. Шмиттер, Дж. Ди Палма, Х. Линц, Т. Карл), представители которого опираются на рассмотрение эндогенных факторов демократии и демократизации. По мнению его сторонников, действия тех акторов, которые инициируют демократию, выбор ими определенной стратегии и тактики важнее для исхода этого процесса, нежели существующие ко времени его начала предпосылки демократии. Этот подход объясняет процесс демократизации через взаимодействие конкурирующих элит, которые выбирают в процессе политического торга организационные формы и институты нового политического устройства.

Таким образом, если *структурный* подход ориентируется на наличие «объективных» социальных, экономических, культурных и других факторов, влияющих на благополучный или неблагоприятный исход демократических преобразований, то *процедурный* в качестве необходимого основания демократизации и демократии выделяет действия политических акторов, осуществляющих этот процесс преобразований.

³ Мельвиль А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза... С. 13.

Примером применения такого подхода может служить выделение факторов, наличие которых необходимо для консолидации демократии, предпринятое Х. Линцем и А. Степаном. Они выделяют следующий ряд факторов, являющихся результатом определенных преобразований:

- формирование гражданского общества путем обеспечения взаимодействия государства с независимыми общественными группами и объединениями;
- развитие демократических процедур и институтов;
- развитие правового государства;
- ◆ становление эффективного государственного аппарата бюрократии, которая может использовать новая демократическая власть в своих целях;
- развитие экономического общества путем создания системы социальных институтов и норм, выступающих посредниками между государством и рынком⁴.

По мнению третьей группы исследователей, между структурным и процедурным подходами непреодолимого противоречия не существует. Наоборот, они скорее взаимно дополняют друг друга, поскольку анализируют различные аспекты одного и того же явления. Как считает А.Ю. Мельвиль, возможно синтезирование этих двух методологий⁵. Однако концептуальное объединение двух методологических подходов многими политологами воспринимается неоднозначно и в целом является нерешенной для науки проблемой.

Таким образом, анализ различных подходов также показывает, что демократизация представляет собой сложное и многогранное понятие, которое является предметом спора исследователей и требует дальнейшей доработки.

2. Модели перехода от авторитаризма к демократии

Существует множество аналитических моделей перехода от недемократических режимов к демократическим. Наличие большого количества этих моделей объясняется не только методологическими разногласиями авторов, но также и многовариативностью процесса демократизации: все недавние переходы от недемократических форм правления в странах Южной Европы или Латинской Америки, Азии,

⁴ Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Baltimore, L., 1996.

⁵ Мельвиль А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза...

Африки и бывшего СССР очень разнообразны, что затрудняет их сведение к какой-либо единой схеме.

Рассмотрим наиболее значимые из предлагаемых исследователями моделей.

Одна из первых попыток создания такой модели была предпринята Д. Растоу⁶. В качестве необходимых предварительных условий автор выделяет национальное единство и национальную идентичность. Согласно Д. Растоу, демократический переход включает в себя три фазы:

- 1) «подготовительная фаза», отличительной чертой которой является не плюрализм, а поляризация политических интересов;
- 2) «фаза принятия решения», на которой заключается пакт или пакты, включающие выработку и осознанное принятие демократических правил;
- 3) «фаза привыкания», когда происходит закрепление ценностей демократии, а также политических процедур и институтов.

По мнению Д. Растоу, важным моментом в осуществлении процесса демократизации является достижение компромисса. Кратко автор выделяет следующую последовательность этапов при переходе к демократии: «от национального единства как подосновы демократизации, через борьбу, компромисс и привыкание — к демократии»⁷.

Другую модель представили Г. О'Доннел и Ф. Шмиттер⁸, которые выделили три основные стадии перехода к демократии:

- 1) либерализация, которая предполагает процесс институционализации гражданских свобод без изменения властного аппарата; результатом этого становится построение «опекунской демократии» (то есть осуществляется опека чаще всего военного аппарата над демократическими институтами);
- 2) демократизация — период институционализации демократических норм и правил, успешность которого зависит от выполнения двух условий: демонтажа прежнего авторитарного режима и сознательного выбора политическими силами демократических институтов и процедур; в процессе демократизации происходит смена всей структуры политической власти и подготовка свободных соревновательных выборов, которые формируют основу демократической политической системы;

⁶ Растоу ДА. Переходы к демократии: попытка динамической модели//Полит. 1996. № 5.

⁷ Там же. С. 14.

⁸ O'Donnell G., Schmitter Ph. Transition from Authoritarian Rule. Tentative Conclusions About Uncertain Democracies. Baltimore, 1986.

- 3) ресоциализация граждан, которая предполагает усвоение ими новых демократических норм и ценностей.

Модель А. Пшеворского⁹ состоит из двух периодов: 1) либерализации и 2) демократизации, делящейся на две стадии — «высвобождения из-под авторитарного режима» и «конституирования демократического правления». Либерализация характеризуется нестабильностью и различной направленностью (снизу или сверху). Ее результатом становится либо возвратное усиление существовавшего ранее авторитарного режима либо переход к первой стадии демократизации. «Высвобождение из-под авторитарного режима» происходит менее болезненно при заключении компромисса между реформаторами (внутри авторитарного блока) и умеренными (внутри оппозиции). Заключительная часть процесса демократизации реализуется путем переговоров. В целом модель А. Пшеворского построена на выделении особой роли характера соотношения политических сил, участвующих в конфликте и достижения согласия.

Все представленные модели имеют ряд общих достоинств и недостатков. Можно выделить их следующие достоинства: во-первых, все они в той или иной степени указывают на возможность недемократической альтернативы развития; во-вторых, все они акцентируют внимание на том, что важным условием и содержанием одного из этапов является согласие элит.

Недостатком этих конструкций является то, что большинство из них скорее описывает конкретный случай демократизации на примере отдельно взятой страны или небольшой группы стран, нежели представляют собой универсальную модель перехода от недемократических форм правления к демократическим.

В связи с этим в политической науке предпринимаются попытки создания синтетических моделей демократизации, которые обобщают варианты построения демократии в разных странах. Одна из таких попыток принадлежит А. Мельвилю. По его мнению, в наиболее успешных случаях модель перехода к демократии подчинялась определенной логике действий и событий (см. *схему*)¹⁰.

Как правило, южноевропейские и латиноамериканские демократизации начинались сверху, то есть от правящей элиты, которая состояла из реформаторов и консерваторов. Началу реформ сопутствовала предварительная «либерализация», которая могла включать в себя сочетание политических и социальных изменений — ослабление цензуры

⁹ Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М., 1999.

¹⁰ Мельвиль А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза... С.8.

в СМИ, восстановление ряда индивидуальных юридических гарантий освобождение большинства политических заключенных и т.д.

Схема.

Модель успешного перехода к демократии

Реформаторы, проводя реформы постепенно, пытались противостоять консервативным силам режима. Это вело к росту общественной напряженности и обострению конфликтов. Разрешение данного противоречия происходило не как победа одной политической силы над другой, а как «оформление особого рода пакта между соперничающими сторонами, устанавливающего «правила игры» на последующих этапах демократизации и определенные гарантии для проигравших»¹¹. В качестве примеров таких соглашений можно привести пакт Монклоа в Испании, серию «круглых столов» в Венгрии и другие. 2^о этим следовали учредительные выборы, в результате которых к власти приходили не проводившие реформы политики, а представители оппозиции. Затем происходили «выборы разочарования», которые передавали власть в руки выходцев из старых правящих элит, в целом не стремящихся к реакционной реставрации старого режима. Таким

¹¹ Мельвил А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза... С. 9.

образом, происходила институционализация демократических процедур, которая являлась основой для построения в будущем консолидированной демократии.

В этой модели учитывается то обстоятельство, что «демократический транзит» совсем необязательно включает в себя процесс перехода от установления формально демократических институтов и процедур к собственно демократическим результатам, поэтому в качестве отдельного этапа выделяется фаза консолидации демократии.

Другой попыткой построения синтетической модели перехода от авторитаризма к демократии является модель О.Г. Харитоновой¹². Представленная автором модель включает в себя четыре основных стадии:

- 1) либерализация политической жизни, предполагающая институционализацию гражданских свобод, контролируемое «приоткрытие» режима;
- 2) демонтаж наиболее нежизнеспособных институтов прежней политической системы;
- 3) демократизация, означающая установление норм, процедур и институтов демократического режима, основным критерием которой принято считать свободные выборы и консолидацию демократической политической системы;
- 4) ресоциализация граждан в новую систему (см. схему)¹³.

Модель О.Г. Харитоновой безусловно заслуживает внимания, но при внимательном рассмотрении представленной модели возникает вопрос: возможно ли отнесение консолидации демократии к стадии демократизации? На наш взгляд, построение консолидированной демократии необходимо рассматривать как отдельную стадию, наличие которой характеризует далеко не все варианты переходов от недемократических форм правления к демократическим.

О.Г. Харитонova считает, что можно выделить две схемы перехода к демократии — кооперативную и конкурентную. Кооперативная включает в себя постепенную и последовательную либерализацию политического режима, аккуратный и контролируемый демонтаж ряда омертвевших институтов прежней системы при разумном воспроизведении сохранивших право на жизнь старых и конституирования новых демократических институтов, ресоциализацию населения. Эта модель наиболее оптимальна; она является результатом компромисса политических сил.

Конкурентная схема отягощена авторитарными синдромами. Она состоит из резкой либерализации, распада прежней политической сис-

¹² Харитонova О.Г. Генезис демократии (Попытка реконструкции логики транзитологических моделей)//Полис. 1996. № 5.

¹³ Там же. С. 73.

темы, попытки внедрения новых демократических институтов любой ценой, нередко вопреки сопротивлению как сверху, так и снизу. Данная модель предполагает ускоренную и поверхностную либерализацию и быстрое проведение демократических выборов, в результате которых от власти отстраняется старая элита. Вследствие непрочности новых институтов возможны попытки реставрации недемократического режима.

Необходимо отметить, что создание синтетических моделей перехода от недемократических форм правления к демократическим позволяет выделить и охарактеризовать основные этапы демократизации, представить общую логическую последовательность действий при их реализации.

С другой стороны, приведенные модели демократизации не могут быть признаны универсальными в силу того, что создать модель, включающую в себя все возможные варианты развития событий, невозможно. Так, например, модель А. Мельвиля ориентирована прежде всего на успешный случай демократизации. Кроме того, латиноамериканская модель является более стандартным случаем разрешения кризисной модели ситуации через соглашение элит. Полученный эмпирический материал о восточноевропейских моделях перехода от авторитарного режима к демократическому показал, что они имеют ряд существенных отличий от латиноамериканских (см. таблицу 14)¹⁴. Более того, процесс демократизации в разных посткоммунистических странах отличается существенным образом. Так, если ряд стран (Венгрия, Польша и др.) дают нам примеры транзита, во многом соответствующего классическим моделям, то другие (Югославия, Болгария и др.) демонстрируют возможность иного развития: здесь отсутствуют многие «обязательные» условия и элементы «классических» моделей, что обуславливает значительные отклонения в результатах.

Таблица 14.
Сравнение двух моделей перехода от авторитарного режима к демократии

Латинская Америка	Восточная Европа
1. Основные действующие силы — старые политические акторы.	1. Появление новых политических акторов.
2. Закрытость элит и быстрая их консолидация.	2. Незавершенность процесса консолидации элит.
3. Отсутствие массового политического участия	3. Широкое массовое участие.

¹⁴ Елизаров В. От авторитаризма к демократии: две модели // Pro et contra. 1998. №3. С. 100—101.

3. Российская модель демократизации.

Процесс демократизации в России также существенным образом отличается от «классических» моделей. Следует отметить, что, если страны Восточной Европы оцениваются как в целом ориентированные на формирование элементов консолидированной демократии, то режим в России большинством исследователей не рассматривается как демократический. Анализ режима в России и других странах бывшего СССР происходит в рамках альтернативных и промежуточных форм политического развития при постоянном подчеркивании особого характера российской трансформации¹⁵.

Существует несколько моделей, объясняющих процессы демократизации и их особенности в России. Это, например, модель, построенная А.Ю. Мельвилем на основе сочетания структурного и процедурного подходов демократизации частично с использованием методологии «воронки причинности»¹⁶, модель «ленинского наследия», разработанная К. Джовиттом¹⁷ и перенесенная на российский материал В. Елизаровым¹⁸, модель трансформации политического режима в России, разработанная В. Гельманом¹⁹.

Рассмотрим модель А.Ю. Мельвиля, в основе которой лежит методология «воронки причинности», разработанная А. Кэмпбеллом²⁰. Суть этого подхода заключается в следующем: «Представим себе последовательность событий, как бы находящихся внутри воронки причинности... Представим себе, что ось воронки — это временное измерение. События принимаются таким образом, как если бы они следовали одно за другим в сходящейся последовательности причинных цепей, двигаясь от широкой части конуса к его сужению. Форма воронки является логическим результатом избранной для объяснения задачи. Большинство сложных событий в воронке является результатом многочисленных предшествующих причин. Каждое из таких событий, в свою очередь, влияет на многочисленные последствия, однако наш

¹⁵ Гельман В. Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция. М., 1999. С. 50.

¹⁶ Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты...; Мельвиль А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза... и др.

¹⁷ Jowitt K. New World Disorder: The Leninist Extinction. Berkeley, 1992.

¹⁸ Елизаров В. От авторитаризма к демократии: две модели // Pro et contra. 1998. № 3.

¹⁹ Гельман В. Указ. соч.

²⁰ Campbell A., Converse P. E., Miller W. E. and Stokes D. E. The American Voter. N.Y., 1960.

фокус сужается по мере того, как мы приближаемся к переменной зависимого поведения. Мы постепенно исключаем те последствия, которые перестают оказывать влияние на политическое действие. Поскольку мы вынуждены рассматривать все частичные причины как существенные в каждый момент, то имеющих для нас значение последствий намного меньше, чем их причин. Результатом является эффект конвергенции, схождения в одной точке»²¹.

А.Ю. Мельвиль выделяет ряд условий, влияющих на процесс демократизации в России. При этом он упорядочивает эти условия в рамках «воронки причинности»:

1. Уровень международных факторов (геополитические, военно-стратегические, экономические, политические, культурно-идеологические факторы). Он включает в себя факторы, проявившиеся в начале 80-х годов и повлиявшие на реформаторские тенденции в СССР. Они не были решающими, но они являются благоприятными для будущего развития демократии,
2. Уровень государство- и нациообразующих факторов. Сначала в СССР, а потом и в России отсутствовала гарантированная государственная целостность и национальная идентичность. Под лозунгами демократизации и антикоммунизма происходил рост национализма и сепаратизма, который спровоцировал распад СССР. Для современной России все более трудно разрешимой оказывается задача обеспечения национального единства, которая должна решаться до начала демократизации. Таким образом, данный фактор осложнил процесс демократизации в России и во многом обусловил его отличие от переходных процессов в других странах.
3. Уровень структурных социально-экономических обстоятельств. Россия осуществляет процесс демократизации в условиях невысокого уровня экономического развития. Кроме того, в стране отсутствовали какие-либо зачатки рыночной экономики, что тормозило развитие трансформационных процессов. Поэтому в целом влияние данного фактора является неблагоприятным.
4. Уровень социально-классовых факторов. В России отсутствовала адекватная демократии социальная база. Прежде всего, это характеризовалось и характеризуется отсутствием необходимого среднего класса, который должен выступать массовой социальной базой демократии. Другой особенностью является

²¹ Цит. по: Мельвиль А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза... С. 18.

лишь частично обновленный правящий класс, который «удержал власть и приобрел собственность, став главным призером масштабного перераспределения и закрепления в фактически частное и акционированное владение прежде всего государственной собственности между основными входящими в него кланами и картелями»²². Влияние этого фактора также следует признать неблагоприятным.

5. Уровень культурно-ценностных факторов. Процесс демократизации в России не был обусловлен массовым распространением ценностей и ориентации, характерных для гражданской политической культуры. Однако, как свидетельствуют результаты некоторых социологических опросов²³ и как показывает мировой опыт, постепенное усвоение этих ценностей и норм россиянами возможно.
6. Уровень процедурных факторов. Он предполагает взаимобусловленность политических и экономических преобразований. Исследования Х. Линца и А. Степана показали, что успешные демократические транзиты предполагают последовательную политическую демократизацию, затем строительство и закрепление эффективных демократических институтов, а далее создание «экономического общества» — систему социальных гарантий и посреднических институтов между государством и рынком. Только после этого осуществлялись болезненные экономические реформы. В России события подчинялись другой логике, когда не было создано ни демократических институтов для поддержки экономических реформ, ни институтов государственной поддержки рыночной экономики и системы социального обеспечения. Кроме того, факторами, отрицательно повлиявшими на процесс демократизации, были административный способ осуществления политических и экономических реформ, усугубивший раскол между властью и обществом, особенности формирования политической оппозиции в СССР и России, порожденной самим государством, а не гражданским обществом, отсутствие первых «учредительных выборов», которые должны были легитимизировать новый баланс общественных и политических сил.

²² Мельвиль А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза... С. 27.

²³ См., например: Петухов В. Политическое участие россиян: характер, формы, основные тенденции // Российское общество: становление демократических ценностей? М., 1999.

7. *Микроуровень*. Он включает в себя *личностные* и *индивидуально-психологические* особенности *ключевых* политических акторов, реально принимающих и осуществляющих важнейшие решения. Здесь следует отметить сохраняющееся влияние авторитарных настроений, причем не только в обществе в целом, но и в сознании важнейших политических акторов.

Совокупное влияние этих факторов, представленное в виде «воронки причинности», актуализирует вопрос о возможности реализации авторитарного варианта в современной России. Однако, по мнению А.Ю. Мельвиля, возникает ряд препятствий для реализации такой альтернативы, среди которых следует назвать рост плюрализма групповых и корпоративных интересов, осознание региональными элитами своих преимуществ от дезинтеграции вертикальной оси и др.

Вторая модель — модель «ленинского наследия» К. Джовитта, охарактеризованная В. Елизаровым. Эта модель включает два основных параметра: характер организации институционально оформленных политических связей и особенности взаимоотношений между публичной и приватной сферами.

«Ленинское наследие» состояло в том, что восходящие ответы блокировались, а горизонтально организованные обратные связи практически не институционализированы, так как горизонтальное взаимодействие развито недостаточно. Это дополнялось напряженными отношениями между публичной и приватными сферами. К. Джовитт указывает на то, что «ленинистский опыт усилил почти отрицательный образ политической сферы, добавив к нему обособленность приватной... Партийная монополия и репрессивное отношение к населению создавали в Восточной Европе «гетто» политической культуры. Население воспринимало ее как нечто опасное, чего следует избегать. «Влипнуть» в политику означало катастрофу»²⁴. Партия стала контролировать и наказывать в основном только за вторжение в приоритетные сферы жизнедеятельности общества. Возникающие политические связи создали благоприятную почву для появления сети клиентел, которые восполняли недостаток горизонтальных связей внутри политической системы.

После распада советского блока ситуация резко изменилась: вертикальные связи резко ослабли, это повлияло на необходимость консолидации по горизонтали. В этот момент сработал механизм напряжения между публичной и приватной сферами, давший такой набор

²⁴ Jowitt K. Op. cit. P. 288.

политических идентичностей, который позволял использовать в сложившейся ситуации, прежде всего *клиентелистские* связи.

Сохраняется кадровый состав прежнего аппарата. Однако консолидация новых политических акторов происходит в границах идейно-политических идентичностей, которые либо не были представлены в авторитарном режиме либо используются с обратным знаком (например, интернационализм — национализм). Такая ситуация, по мнению В. Елизарова, «лишь усиливает неопределенность» политической трансформации в России²⁵.

На основе представленной модели, К. Джовитт делает вывод, что подобное развитие событий в Восточной Европе, в том числе и в России, дает основания для формирования скорее авторитарной олигархии, чем демократии.

Достоинствами данной модели являются следующие: более корректна, чем ситуационные модели, позволяет делать более определенные прогнозы будущего политического развития. Недостатком является ее нестрогость, преодолеть которую, как справедливо отмечает В. Елизаров, возможно путем превращения этой модели из «метафоры» в «концептуальное обобщение», а также путем разработки альтернативной схемы для латиноамериканского варианта демократизации и проведения сравнительного анализа.

Другая модель демократизации России построена В. Гельманом. Она основана на анализе трансформации политического режима в России. При этом автор модели опирается на следующие структурные параметры, определяющие различие посткоммунистических режимов:

- * механизм смены политической власти;
- * характеристики акторов политического режима;
- ◆ соотношение формальных и неформальных институтов политического режима;
- ◆ характер проведения выборов;
- ◆ роль представительных институтов;
- * роль политических партий;
- * роль средств массовой информации (СМИ)²⁶.

Механизм смены политической власти в определенной степени оказывается для переходных режимов важнее, чем механизм прихода к власти. Основными механизмами смены власти в недемократических режимах, по мнению В. Гельмана, являются революция, путч и пакт элит. Революции для *посткоммунистических* стран не харак-

²⁵ Елизаров В. Указ. соч. С. 104.

²⁶ Гельман В. Указ. соч. С. 114.

терны, путч ориентирован на применение насилия и возникает как результат высокого уровня конфронтации в рамках элит, а пакт элит, наоборот, предполагает высокий уровень согласия политических акторов.

По результатам анализа характеристик акторов политического режима можно выделить два идеальных типа. Первый тип характеризуется наличием одного доминирующего актора, в отношении которого ни один из других политических акторов не может выступать как препятствующий достижению всех или большинства его целей. Для второго типа свойственно наличие более одного, активного политического актора. В первом случае режим будет носить название *моноцентрический*, во втором — *полицентрический*. Демократические режимы являются *полицентричными*, а авторитарные — *моноцентричными*. Переходные формы политических режимов характеризуются и *моноцентризмом*, и *полицентризмом*, и неопределенным соотношением сил политических акторов.

Следующим критерием выступает характер взаимодействия формальных и неформальных институтов. В качестве индикатора взаимодействия формальных и неформальных институтов В. Гельман выделяет функционирование формальных политических институтов — «органов законодательной, исполнительной и судебной власти, местного самоуправления, политических партий и их фракций в парламентах, средств массовой информации — с точки зрения их автономии, эффективности и характера регулирования деятельности их действий, имея в виду соотношение легальных, неформальных и противозаконных норм»²⁷. С использованием этого критерия сложно определить жесткие границы между различными режимами. Однако в целом можно утверждать: чем больше деятельность политических акторов определяется неформальными институтами, тем меньше данный тип режима приближается к либеральной демократии.

Характер проведения выборов включает в себя, прежде всего, доступность участия в выборах всех кандидатов, наличие возможности конкуренции (например, политическое финансирование, доступ к СМИ), контроль за подведением итогов и применение равных и адекватных санкций за нарушение установленных правил игры. Либеральным демократиям должны быть присущи свободные и справедливые выборы, для ряда посткоммунистических режимов (в том числе России) свойственен переходный вариант — свободные, но

²⁷ Там же, С. 117—118.

справедливые выборы, то есть выборы, проходящие в ситуации неравенстве условий.

Роль представительных институтов для авторитарных режимов определяется их декоративным характером, в либеральных демократиях их роль является неотъемлемым признаком демократического устройства. Альтернативой парламентаризму в посткоммунистических странах выступают институты корпоративного представительства, которые подменяют парламент как механизм согласования интересов при принятии решений или создают иллюзии таких согласований²⁸.

Роль политических партий в процессе формирования правительства и выработки политического курса в либеральных демократиях является значимой и неоспоримой. В авторитарных режимах партии выступают как явления второго порядка по отношению к режиму. По мнению В. Гельмана, критерием роли партий в переходных режимах является, в первую очередь, их способность к формированию политически ответственных правительств. Чем меньше значимость политических партий в этом процессе, тем дальше отстоит переходный режим от либеральной демократии.

Роль средств массовой информации в условиях авторитарного режима и либеральной демократии является различной. В первом случае СМИ чаще всего находятся под жестким контролем со стороны государства, хотя, например, цензура может быть полной, касаться ограниченного круга тем или практически отсутствовать (в этой ситуации СМИ, по крайней мере, не выступают против правительства и/или основных принципов режима). Либеральные демократии характеризуются плюрализмом СМИ, то есть их демонополизацией, доступом к СМИ представителей различных политических сил. Процесс функционирования СМИ в посткоммунистических странах может быть различным: от варианта монополизации общенационального канала телевидения группой частных лиц и до варианта подконтрольности независимых СМИ их учредителям, которые могут быть представлены органами власти.

Поскольку разброс вариантов трансформации посткоммунистических режимов по выделенным критериям очень широк, то ограничиться одной моделью промежуточного развития невозможно, поэтому В. Гельман предлагает типологию различных моделей политических режимов в странах бывшего СССР (см. таблицу 15).

²⁸ Там же. С. 119.

¹⁰ Политический процесс: основные аспекты и способы анализа

Таблица 15.

**Модели посттоталитарных режимов в пост-СССР
и их основные характеристики²⁹**

Модель режима/ его характе- ристики	Авторитарный режим	Авторитарная ситуация	Гибридный режим	Демократическая ситуация	Демократия («Полиархия»)
1	1	3	4	5	6
Смена полити- ческой власти (механизм) Наличие/ отсутствие доминирующего актора Соотношение формальных и неформальных институтов	путч, пакт элит моноцентризм доминирование неформальных институтов	путч, пакт элит моноцентризм доминирование неформальных институтов	выборы, путч, пакт элит моноцентризм относительный баланс формальных и неформальных институтов	выборы, путч полицентризм доминирование формальных институтов	выборы полицентризм доминирование формальных институтов
1	2	3	4	5	6
Характер выборов	неконкурентные	ограниченно конкурентные, несвободные и несправедливые	конкурентные, свободные, но не справедливые	конкурентные, свободные и справедливые	конкурентные, свободные и справедливые
Роль пред- ставительных институтов	полностью подчиненные парламенты	подчиненные парламенты	автономные парламенты с ограниченными полномочиями	институт взаимодействия политических сил	институт взаимодействия политических сил
Основные политические партии	беспартийный или однопар- тийный режим	«администра- тивная партия», остальные — ограничены в правах	«администра- тивная партия», остальные автономны, но не имеют влияния на принятие решений	партии автономны, но не влияют на формирование правительства и выработку его политики	ключевая роль в формировании правительства и выработке его политики
Контроль и плюрализм в СМИ	основные СМИ подконтрольны правительству	основные СМИ подконтрольны правительству	плюрализм в основных СМИ ограничен, но оппозиционные СМИ не преследуются	плюрализм в СМИ	плюрализм в СМИ
Основные модели оппозиции	полуоппозиция	полуоппозиция, нелояльная оппозиция («негативный консенсус»)	полуоппозиция, лояльная оппозиция, полулояльная оппозиция	лояльная оппо- зиция, нелояль- ная оппозиция («негативный консенсус»)	лояльная оппозиция
Примеры в России и в пост-СССР	Узбекистан	Калмыкия, Беларусь, Приморский край	Россия (после сентября 1993), большинство регионов	Россия (с августа 1991 до сентября 1993)	

²⁹ Там же. С. 149-150.

Анализируя выделенные модели, автор приходит к выводу, что политический режим в России и большинстве ее регионов в настоящее время соответствует характеристикам гибридного режима, хотя в отдельных регионах можно говорить о наличии авторитарной ситуации. Особенностью гибридного режима является его относительная устойчивость, которая заключается в отсутствии «явных внешних и внутренних факторов, способных сделать эволюцию режима в сторону авторитаризма либо демократии устойчивой»³⁰.

Представленные в данной работе модели не являются единственными, скорее они более качественно объясняют особенности происходящего процесса демократизации в России. Как видно из проведенного анализа, они по-разному прогнозируют дальнейшее развитие событий. Это связано, с одной стороны, с методологической неразработанностью теории демократических транзитов, с другой — сложностью процесса трансформации прежде всего политической и экономической систем в России.

Вопросы для самоконтроля

1. В чем заключается отличие между демократизацией и модернизацией?
2. Что такое «демократический транзит»?
3. Каковы достоинства и недостатки основных моделей перехода от авторитарного режима к демократическому?
4. В чем заключается особенность синтетических моделей демократизации?
5. Каковы возможности представленных моделей демократизации объяснить особенности трансформации политического режима в России?

Литература для самостоятельного чтения

1. Гельман В.Я. Как выйти из неопределенности? // Pro et contra. 1998. № 3.
2. Гельман В.Я. Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция. М., 1999.
3. Елизаров В. От авторитаризма к демократии: две модели // Pro et contra. 1998. № 3.

³⁰ Там же. С. 136.

4. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М., 1997.
5. Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты. Теоретико-методологические и прикладные аспекты. М., 1999.
6. Мельвиль А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам//Политические исследования. 1998. № 2.
7. Растоу Д.А. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. 1996. № 5.
8. Харитоновна О.Г. Генезис демократии (Попытка реконструкции логики транзитологических моделей)//Полис. 1996. № 5. С. 70—79.
9. Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Baltimore, L., 1996.

Глава 14

Прикладные аспекты анализа политических процессов

Вопросы

1. Политическое прогнозирование.
2. Электоральное прогнозирование.
3. Маркетинговые исследования.

Анализ политических процессов может осуществляться в двух аспектах — теоретическом и прикладном. Эти два аспекта дифференцируются не по объекту исследования. В качестве объектов исследования в том и другом случае выступают сами политические процессы. Различия между ними заключаются в той цели, которую ставят перед собой исследователи, в специфике тех задачах, которые ими решаются (научных или практических). Прикладной подход к анализу политических процессов может быть представлен как совокупность методических процедур, конкретных исследований, ориентированных на практическое применение полученных результатов, на достижение реального политического эффекта. Иными словами, в отличие от теоретического аспекта прикладной аспект ориентирован не на прирост фундаментального научного знания о политическом явлении или процессе, а на решение конкретной проблемы, на получение практической пользы от результатов исследования.

Рассмотрим два вида анализа, относящихся, наряду с другими, к прикладному аспекту изучения политических процессов: политическое прогнозирование и маркетинговые исследования.

1. Политическое прогнозирование

В настоящее время проблемы политического прогнозирования представляют не только научный интерес. Россия сегодня переживает глубокий системный кризис, затрагивающий все сферы — экономическую, политическую, социальную. Поэтому адекватное предвидение последствий политических решений и изменений является одним из главных залогов построения правильной стратегии и тактики политических акторов в этих сложных условиях.

Приступая к анализу проблем политического прогнозирования, следует, в первую очередь, сформулировать основные параметры требований, предъявляемых современностью к прогнозу, а затем выявить характерные черты политического прогнозирования, его место в политологическом знании.

Существует несколько подходов к объяснению сущности прогнозирования. Наибольшее распространение получила точка зрения, согласно которой прогноз не предусматривает решение проблем будущего. Под *прогнозом* в науке следует понимать «вероятностное научно обоснованное суждение о перспективах, возможных состояниях того или иного явления в будущем либо об альтернативных путях и сроках его осуществления»¹. Под **политическим прогнозированием** мы будем подразумевать *специальный анализ, имеющий своей целью выявление перспективных тенденций, путей, сроков, этапов политического развития*². Другими словами, политическое прогнозирование можно определить как «область теоретико—прикладного знания, которая исследует динамическое изменение политической системы, ее структур и элементов во времени, то есть его предметом являются политические процессы»³.

Общенаучные *требования*, предъявляемые к любым прогнозам, в том числе и политическим, — это теоретическая и эмпирическая обоснованность, системность, адекватность, комплексность, верифицируемость. Эти требования в большинстве своем вытекают из природы общенаучного познания и не нуждаются в подробном рассмотрении.

В политическом прогнозировании можно выделить несколько аспектов.

Один из них связан с прогнозными оценками конкретных политических явлений. Этот аспект носит прикладной характер и на практи-

¹ Рабочая книга по прогнозированию. М.: Мысль, 1982.

² Там же.

³ Ахременко А.С. Политическое прогнозирование на российском фоне // Вестник Московского университета. Сер. 12. «Политические науки». 1999. № 1.

ке осуществляется в процессе самой политической деятельности. Субъектом такой деятельности выступает чаще всего определенный орган власти, в компетенции которого находится решение некоего значимого вопроса.

Другой аспект прогноза охватывает деятельность политических институтов и происходящие в них политические процессы. Разработчиками прогноза в этой ситуации обычно выступают исследовательские коллективы, специализирующиеся на исследованиях подобного рода. Далее мы будем рассматривать именно второй аспект прогнозирования политических процессов. В этом случае можно указать на такие объекты политического прогнозирования, как политические системы, формы и методы деятельности политических партий и организаций, шансы партий и кандидатов на успех выборах, функционирование и развитие общественного мнения, взглядов и установок отдельных социальных групп.

Отличительные черты политического прогнозирования, главным образом, обусловлены тем предметом, с которым приходится иметь дело исследователю. Они вытекают из особенностей категории политического процесса.

Специфика политического процесса *состоит* в том, что он ориентирован на отображение реальности, которая является совокупным результатом переплетения различных типов политического поведения групп и граждан, деятельности политических институтов, реальности, в которой взаимодействуют взаимоисключающие тенденции и многие другие *факторы*, непрерывно вносящие в течение событий нечто новое и нестандартное. Политический процесс творится при непосредственном участии человека, что накладывает на него такие особенности, как субъективность и ситуационность, отсутствие предопределенности в развитии *событий*.

Протекание политических процессов, особенно в странах, переживающих процессы социально-политической трансформации, носит сложный, нелинейный характер. Оно не поддается описанию в рамках жесткой схемы. При этом следует учитывать, что прогнозирование состояния и изменения процесса в будущем также невозможно без учета фактора нестабильности, в условиях которой наступление того или иного события, развитие ситуации в случае принятия определенного решения невозможно предсказать со стопроцентной вероятностью. Поэтому исследователи всегда должны определять веер альтернатив будущего состояния политического процесса. Именно установление такого веера основных альтернатив и определение вероятности их осуществления составляют основную задачу политического прогнози-

рования. Таким образом, в качестве базовых принципов политического прогнозирования выступают альтернативность и вероятность.

Политические процессы протекают в тесном переплетении с другими общественными процессами — экономическими, социальными, культурными, этническими, поэтому любой политический анализ и политическое прогнозирование в том числе, не должен рассматривать политический процесс изолированно. Политическое прогнозирование, как никакое иное, встречается с огромным количеством переменных, нередко характеризующих взаимоисключающие процессы. Поэтому политический прогноз будет достоверным и обоснованным только при рассмотрении тесного переплетения всех явлений и ситуаций. Следовательно, политическое прогнозирование должно осуществляться в рамках междисциплинарного подхода, лишённого узкого видения проблемы и включающего в себя интеграцию, обработку и анализ разноплановой и разнокачественной информации.

Рассматривая особенности политического прогнозирования, следует отметить, что центральным звеном политического процесса выступает политическое решение. Все формы деятельности и поведения его акторов направлены на реализацию одной цели — повлиять на принятие того или иного политического решения. Исходя из этого, сущностную черту прогнозирования политических процессов можно определить как непосредственную ориентированность прогнозно-аналитического инструментария на процесс принятия и реализации политических решений.

Еще одна важная особенность политического прогнозирования состоит в том, что создание прогноза и обнародование его результатов может послужить толчком к его выполнению, тогда как в случае отсутствия прогноза, ситуация могла бы развиваться совершенно другим образом. Такая особенность получила название парадоксов «самоосуществления и самоопровержения». Это определение подчеркивает тот факт, что сам прогноз может влиять на систему, становясь еще одним фактором, действующим в цепи событий. В этом заключается кардинальное отличие политического и в целом социального прогноза от естественнонаучного. Трудно представить, что обнародование метеорологами прогноза дождя или снегопада способно изменить уровень выпавших осадков, тогда как в политическом мире влияние прогноза на свой объект вполне допустимо. Например, официальное заявление органов власти о предстоящем кризисе может вызвать панику среди людей и способствовать наступлению кризиса. Возможен и обратный случай, когда прогноз может самоопровергаться за счет мобилизации дополнительных ресурсов и принятия верного решения.

В целом, можно заключить, что политический прогноз должен основываться на следующих принципах: альтернативность, системность прогнозирования, непрерывность, верифицируемость. Принцип альтернативности связан с возможностью развития политической жизни и ее отдельных звеньев по разным траекториям, при разных взаимосвязях и структурных отношениях. Принцип системности означает, что, с одной стороны, политический процесс должен рассматриваться как единый объект, с другой стороны — как система, испытывающая на себе множество воздействий факторов различного рода. Принцип непрерывности означает непрерывность корректирования прогнозных разработок по мере поступления новой информации. Принцип верифицируемости направлен на определение достоверности разрабатываемого прогноза. Понятно, что все вышеназванные принципы нельзя рассматривать изолированно в отрыве друг от друга, они должны взаимодополняться и образовывать единую систему требований, предъявляемых к политическому прогнозу.

К основным **методам политического прогнозирования** относятся статистический анализ и построение динамических рядов с последующей экстраполяцией, математическое моделирование, метод экспертных оценок, метод построения сценариев и некоторые другие. Следует заметить, что не все методы являются одинаково релевантными.

Как известно, на ход политических изменений может влиять множество разнообразных непредсказуемых факторов, что не всегда позволяет создавать строгие математические модели, включающие все переменные. Кроме того, методы математического моделирования требуют значительного временного периода на их построение и последующего анализа, а за это время многие параметры, взятые за основу, могут претерпеть значительные изменения. Однако данное обстоятельство не означает неприменимость количественных методов при прогнозировании политических процессов. Те или иные разновидности количественных методов, конечно же, применяются для прогнозирования политических процессов. Однако использовать их надо с некоторой долей осторожности, применяя лишь к процессам, отличающимся стабильным характером, существенное изменение которых происходит на значительном временном периоде. При нестабильной политической ситуации количественные методы необходимо применять в сочетании с другими методами, более гибкими и не столь формализованными. Применение этих методов мы рассмотрим ниже на примере электоральных прогнозов.

Некоторые исследователи используют в качестве «рабочей методики» прогноза метод аналогии, то есть сопоставление прогнозируе-

мого процесса с чем-то похожим на те политические процессы, которые уже происходили в прошлом или в других странах. Однако нелинейность политических процессов, протекающих во времени и пространстве, многофакторный характер связей и зависимостей, возникающих в социально-политической системе, приводят к тому, что метод аналогии в политическом прогнозировании имеет также весьма ограниченное значение.

Для многих социально-политических прогнозов используют методику экстраполяции, то есть мысленного продолжения в будущее линии развития того или иного процесса либо ряда событий. Но экстраполяционные методики, основывающиеся на определении того, как бы развивался процесс при неизменном состоянии всех условий и параметров, теряют свою ценность в случае политического прогноза, ибо научное предвидение в политике должно включать прогнозирование качественных изменений и скачков в развитии политической системы и процессов.

Для того чтобы создавать надежные и точные прогнозы политического развития политических процессов необходимо очень внимательное и скрупулезное рассмотрение множества факторов и учет возможности изменения прогнозируемой ситуации непосредственно во время исследования. Ряд методов позволяет включить в анализ все вышеперечисленные аспекты. Среди прогнозных техник, которые могут дать хорошие результаты именно в российских условиях, можно отметить экспертный опрос, «мозговой штурм» и сценарийотехнику.

Метод экспертных оценок используется для анализа тех объектов и процессов, развитие которых либо полностью, либо частично не поддается математической формализации. Этот метод используется в двух вариациях — как метод индивидуального экспертного опроса и группового. Суть метода индивидуального экспертного опроса заключается в следующем: набирается группа экспертов — специалистов в данной области, далее эксперты независимо друг от друга выдают свои размышления по предложенному им вопросу. На основе высказанных оценок исследователь разрабатывает аналитическую записку, содержащую в себе анализ возможных альтернатив развития процесса. Групповой метод экспертного опроса более известен как процедура «круглого стола». В этом случае проблема обсуждается совместно всеми экспертами, и по итогам дискуссий вырабатывается единая аналитическая записка. В качестве недостатков индивидуального опроса можно указать возможную пристрастность того или иного эксперта, некомпетентность (что необходимо минимизировать на этапе подбора экспертов), в случае использования метода «круглого стола» —

способность отдельного эксперта влиять на рабочую группу в пользу той или иной альтернативы.

Разновидностью метода экспертных оценок является метод *Дельфи*, который считается одним из наиболее разработанных и проверенных. Его использование позволяет избежать многих погрешностей индивидуальной и групповой экспертизы.

Отличительные черты метода Дельфи заключаются в следующем:

- ◆ Эксперты в индивидуальном порядке описывают возможные альтернативы протекания и развития процессов. Исключение непосредственного взаимодействия экспертов обеспечивает необходимую анонимность процедуры, что помогает избежать погрешности, связанной с «феноменом группового давления».
- ◆ Информация, собранная подобным образом, тщательно анализируется и представляется в виде единой аналитической записки, в которой представляются все оценки и суждения, высказанные экспертами.
- ◆ На следующем этапе аналитическая записка предлагается экспертам для дальнейшей оценки и пересмотра ранее выдвинутых версий.
- * Подобный опрос проводится в несколько туров, количество которых колеблется от 2 до 4.

Целью данного метода является выработка наиболее вероятных альтернатив развития, которые корректируются в процессе самого исследования. В *своей* классической версии метод Дельфи наиболее удобен для количественной оценки вероятности и сроков наступления тех или иных политических событий. С помощью метода Дельфи можно, например, решать такие задачи, как вероятность того, что некая фракция Государственной Думы наберет достаточно голосов для постановки вопроса о вотуме доверия правительству, что президент примет решение о роспуске нижней палаты парламента и т.д.

Метод «мозгового штурма» носит менее структурированный по сравнению с методом Дельфи характер. «Мозговой штурм» представляет собой способ генерирования новых идей, получения новых путей решения проблемы, развития ситуации в результате творчества коллектива специалистов. Специфика этого метода заключается в разделении двух этапов: группа экспертов генерирует идеи, группа аналитиков их обсуждает и формулирует результаты «мозгового штурма». Центральной процедурой здесь является работа группы генераторов с целью выработки новых идей. Сеанс генерирования идей проходит по специальным правилам, направленным на создание таких условий, при которых эксперты могли бы свободно выдвигать любые, да-

же самые абсурдные и фантастические идеи. Именно поэтому выдвинутые идеи анализирует другая группа экспертов, ибо критические замечания по ходу работы могут разрушить независимую творческую атмосферу, необходимую для выдвижения новых идей.

Сценариотехника представляет собой совокупность методологических правил, методических приемов и процедур по составлению прогнозных сценариев развития событий. Под сценарием понимается «гипотетическая картина последовательности развития событий, составляющих в совокупности эволюцию прогнозируемой ситуации в интересующем исследователя *разрезе*»⁴. В сценарии в явном виде фиксируется пошаговое описание причинно обусловленной последовательной трансформации объекта прогнозирования, а также условий, в которых эти изменения будут происходить. Кроме того, особое внимание уделяется привязыванию событий к временной сетке. Полученные сценарии упорядочиваются во взаимосвязанную совокупность и становятся, таким образом, системой сценариев — целостным генерализованным спектром альтернативных путей развития события. Последовательно развитая идея сценирования приводит к всеобъемлющему, художественному моделированию действительности. Такую полноту сценирование обретает в игре, когда написанные сценарии проигрываются участниками исследования для получения более полной и завершенной картины прогнозируемой ситуации.

Написание сценария призвано не только и не столько зеркально отображать, сколько заострять картину складывающегося положения, обнаруживать в нем внутренние противоречия, столкновения интересов, конфликты и борьбу сторон. Разработка сценария принуждает исследователя заниматься деталями и процессами, которые он мог бы легко упустить в других случаях. Метод сценирования применим в тех случаях, когда необходимо пошаговое описание развития событий со множеством участников процесса, взаимодействующих или конкурирующих между собой, когда необходимо предусмотреть и смоделировать действия сторон, например, в процессе урегулирования различных конфликтов, в избирательных кампаниях.

Вышеописанные методы нашли свое применение при решении таких задач, как принятие и оценка последствий политических решений, разрешение конфликтов, моделирование поведения противоборствующих сторон. Однако за пределами их охвата оказывается такой важный аспект политического прогнозирования, как прогноз исхода выборов. Электоральное прогнозирование является специфической обла-

⁴ Ерофеев В.К., Карягин Н.Е., Ноздрин Е.Г. Сценарное моделирование как технология принятия групповых решений. Астрахань, 1998.

стью политического прогнозирования, имеющей свои методы и особенности. Поэтому далее мы более детально рассмотрим специфику и методы электоральных прогнозов.

2. Электоральные прогнозы

Среди подходов к прогнозированию электорального поведения можно выделить научные и ненаучные модели построения прогнозов. Ненаучные модели предлагают те авторы, которые не отталкиваются в своих рассуждениях от точно сформулированных причин и гипотез, не основываются на правильно собранных данных. Как правило, в этих случаях невозможно получение аналогичных результатов при использовании тех же методик и данных другим исследователем. Зачастую же сами предсказатели признают, что в своих прогнозах они опираются на собственную интуицию, что, конечно же, не позволяет отнести их оценки к научным методам.

Научные же модели базируются на точных статистико-математических методах сбора и анализа данных.

Исследования общественного мнения, проводимые современными социологическими службами, в принципе лишены большинства ограничений, свойственных ненаучным методам прогнозирования, и могут быть отнесены к научным методам. Однако при их использовании также возникает ряд проблем. Они касаются, по большей мере, не столько конструирования вопросника, а ограничений самого выборочного метода, предполагающего распространение прогнозных оценок, построенных на основе результатов выборочного опроса, на всю совокупность избирателей с учетом ошибки выборки.

Еще одной задачей, требующей разрешения при использовании опросов в качестве инструмента прогнозирования, является определение и включение в модель «реальных» избирателей, то есть тех, кто действительно придет на избирательные участки. Кроме того, респонденты могут изменить свои электоральные намерения. И если эти изменения произойдут после опроса, то его результаты нельзя использовать для создания прогнозов. По некоторым оценкам экспертов, доля «неопределившихся» избирателей, меняющих свои решения прямо на избирательном участке, достигает 40%⁵.

Проведение опроса за несколько дней до выборов уменьшает ошибку. Однако это сокращает до предела опережающий период про-

⁵ Тавокин Е.П. Социологические прогнозы электорального поведения // Социс, 1996. №7.

гноза, следовательно, ставит под сомнение необходимость его создания вообще. Таким образом, перед исследователем возникает дилемма между опережающим периодом и точностью прогнозных оценок. В конце концов, возникает вопрос: а таким ли уж хорошим инструментом электорального прогнозирования является опрос?

В западной традиции для построения научных макроуровневых прогнозов результатов выборов принято использовать модель, основывающуюся на статистико-математических методах, в частности на методе регрессионного анализа. Модель прогнозирования результатов выборов, основанная на методе регрессионного анализа, предполагает проведение двух этапов: 1) анализ результатов предшествующих выборов; 2) прогнозирование исхода предстоящих выборов.

При этом предлагается использовать следующий механизм:

1. Переменная «результаты выборов» (Y_i) зависит от некоторого набора параметров (X_i), называемых независимыми переменными. В качестве зависимой переменной (Y_i) при этом выступает результат, полученный инкубентом.
2. Накануне выборов измеряется конкретное состояние параметров (X_i).
3. После проведения выборов и подсчета голосов берутся реальные результаты голосования, то есть доля голосов, полученная инкубентом (Y_i).
4. С помощью модели регрессионного анализа находится математическое описание переменной (Y_i) как функции (F), зависящей от параметров (X_i).

Накануне следующих выборов измеряются значения параметров (X_i) для других кандидатов и подставляются в функцию (F), на основе чего и определяется прогнозируемый результат выборов для инкубента.

Конечно, строя регрессионную модель, прежде всего следует определить перечень независимых переменных X , включаемых в уравнение. Это должно делаться на основе теоретических положений. Список X может быть достаточно широк и ограничен только исходной информацией. Отбор наиболее значимых из них можно провести с помощью компьютерных программ, таких как SPSS, PolyAnalyst, выбирая в соответствии с коэффициентами корреляции и другими критериями факторы, наиболее тесно связанные с Y . Параллельно решается вопрос о форме уравнения. Современные средства вычислительной техники позволяют за относительно короткое время рассчитывать до-

⁶ Сияяков А.В. Некоторые подходы к прогнозированию результатов голосования // Вестник Московского университета. Сер.18. «Социология и политология». 1999. № 1.

статочно много вариантов уравнений. В ЭВМ вводятся значения зависимой переменной Y и матрица независимых переменных X , принимается форма уравнения. Далее ставится задача включения в уравнение к наиболее значимых X . В результате получается уравнение регрессии с k наиболее значимыми факторами.

Таким образом, можно построить следующую регрессионную модель уравнения, которая заключается в переводе вербальной теории явления на язык математических уравнений:

$$Y = a + b_1X_1 + b_2X_2 + \dots + b_iX_i + E,$$

где

Y — зависимая переменная — результат выборов;

X_1, X_2, X_i — независимые переменные, влияющие на результат выборов; ;

a — константа, постоянный коэффициент;

$b_1, b_2, \dots, b_i$ — коэффициенты регрессии, вычисляемые на основе эмпирических данных предыдущих выборов, каждый из коэффициентов регрессии показывает, насколько единиц изменится Y с изменением соответствующего признака X на единицу при условии, что остальные признаки останутся на прежнем уровне;

E — погрешность, означающая любое колебание Y , не вызванное изменением независимой переменной в модели.

Естественно, что чем больше динамический ряд данных, на основании которых строится регрессионное уравнение, тем выше его точность, то есть его предсказательная сила. Прогнозные модели, построенные в странах развитой демократии, имеют несравненное преимущество перед всеми моделями, которые будут построены в России, — они базируются на более длительной электоральной динамике. Например, в исследовательской литературе США обычно приводятся данные по выборам за послевоенный период начиная с 1948 г.

Одним из показателей точности построенной регрессионной модели, то есть правильности прогноза, является коэффициент множественной детерминации R^2 . Этот коэффициент показывает, насколько независимые переменные, по которым была построена модель, объясняют колебания зависимой переменной: чем ближе он к 1, тем более совершенна модель. Конечно, значение коэффициента множественной детерминации может быть увеличено путем введения в модель добавочных независимых переменных, но исследователь должен всегда задаваться вопросом, не делает ли вновь введенная переменная модель слишком сложной и привнесет ли она что-нибудь ценное в понимание и объяснение исследуемого явления⁷.

⁷ Мангейм Дж.Б. и Рич Р.К. Политология. Методы исследования. М., 1997.

Построение математической модели определения зависимой переменной через ряд показателей (XI) поднимает едва ли не самый главный для социологов и политологов вопрос, от ответа на который зависит собственно точность предлагаемых прогнозов, а именно — операционализация независимых переменных, то есть определение факторов, движущих избирателями в момент принятия решения. Действительно, без ответа на такие вопросы, как: «Почему избиратели голосуют определенным образом?» или «Почему они предпочитают одного кандидата другому?» — невозможно построить ни одну прогнозную модель. Поэтому работы специалистов, посвященные факторам, влияющим на электоральное поведение, служат основополагающей базой для построения моделей прогнозирования. Поскольку на сегодняшний день в мировой политической науке отсутствует единая точка зрения относительно механизма электорального поведения, то и для построения прогнозных моделей используются совершенно разные факторы влияния на результаты выборов.

Сравнительный анализ, проведенный М. Льюис-Беком и Т. Райсом в работе «Прогнозирование выборов», показал наличие, по крайней мере, девяти моделей прогнозирования результатов президентских выборов, включая их собственную (таблица 16)⁸.

Таблица 16.
Основные модели прогнозирования результатов президентских выборов

Авторы модели	Объясняющие переменные
Тафт, 1978	Доход (в год выборов), «симпатия» к кандидату
Фэйр, 1978	Валовой национальный продукт, время нахождения у власти, инкубентство
Гиббс, 1982	Личный доход
Броди, Сигельман, 1983	Популярность президента (по данным последнего опроса Гэллапа)
Абрамовитц, 1988	Рейтинг популярности, валовой национальный продукт, инкубентство
Эриксон, 1989	Личный доход, «симпатия» к кандидату
Кэмпбелл и Уинк, 1990	Голосование на предыдущих выборах, изменение валового национального продукта.
Льюис-Бек, Райс, 1990	Валовой национальный продукт; рейтинг популярности; число мест, принадлежащих президентской партии в палате представителей Конгресса, процент голосов, полученных действующим президентом на первичных выборах, результаты праймериз.

⁸ Lewis-Beck M.S. and Rice T.W. 1992. Forecasting Elections. Wash., 1992.

Показателями качества прогнозной модели являются его точность и опережающий период. О точности модели можно судить по величине коэффициента детерминации, а опережающий период означает временной отрезок от создания прогноза до наступления прогнозируемого события. Лишь две модели из всех предложенных удовлетворяют важнейшим критериям качества прогноза — это модель Абрамовитца и модель Льюис-Бека и Райса. Обе модели имеют достаточно высокое значение коэффициента множественной детерминации и длительный опережающий период.

Рассмотрим более подробно модель Льюис-Бека и Райса, предложенную ими в 1992 г. в работе «Прогнозирование выборов». Строя свою прогнозную модель, эти исследователи также не обошли вниманием вопрос, каковы слагаемые, определяющие мотивы, по которым голосуют избиратели, предпочитая одного кандидата другому. Льюис-Бек и Райс используют некий симбиоз социально-психологического и рационально-инструментального подходов к анализу электорального поведения, предлагая три основных фактора, влияющих на принятие решения избирателем — экономические условия существования страны, партийная идентификация и привлекательность кандидата. Объединение вышеназванных факторов в единое регрессионное уравнение дает следующую формулу:

$$\text{Результат голосования} = \text{Экономические условия} + \text{Популярность президента} + \text{Партийная сила} + \text{Привлекательность кандидата}$$

Авторы модели проанализировали все президентские выборы в США с 1948 по 1988 гг. и реконструировали ситуацию прогнозирования их результатов с помощью созданной модели (то есть подставив в уравнение значения независимых переменных, измеренных в их состоянии на конкретный год). В результате Льюис-Бек и Райс пришли к выводу, что их модель дала бы правильный прогноз для 10 из 11 случаев. При этом они приводят интересное сравнение прогнозов по своей модели и прогнозов, сделанных службой Гэллапа накануне выборов. Прогнозы службы Гэллапа основывались на анализе ответов на вопрос «За кого из кандидатов Вы проголосуете на предстоящих выборах?», задаваемому респондентам за день до выборов. Как известно президентские выборы в США проводятся в ноябре. При этом средняя величина ошибки прогнозов службы Гэллапа равнялась 2,13%, то есть почти столько же, сколько в модели Льюис-Бека и Райса, но с одной лишь разницей — прогнозная модель Льюис-Бека и Райса основывается на данных, полученных

летом, а прогноз службы Гэллапа был сделан всего за день до выборов.

Понятно, что в российских условиях данная прогнозная модель в чистом виде неприемлема. Вопрос об определении и последующей операционализации факторов модели решить можно. При всей неоднозначности и видимой противоречивости российского политического выбора накопленная электоральная статистика, данные социологических опросов все же дают возможность говорить о появлении некоторых устойчивых тенденций в электоральном поведении российских граждан. Основная трудность заключается в другом. Американская модель «работает» в условиях бинарности избирательного процесса, когда на выборный пост чаще всего выдвигаются два различных по своей партийной принадлежности кандидата — *инкумбент*, или кандидат от его партии, и оппонент — представитель конкурирующей партии. Политическая фрагментация в России, при которой против *инкумбента* или его преемника на одном и том же электоральном поле действует несколько кандидатов, порой различающихся только номинально, значительно затрудняет прогнозирование результатов голосования. Кроме того, существование значительного количества партий-однодневок, появляющихся в период выборов, а затем бесследно исчезающих, существенно затрудняет обращение к центральной категории социально-психологической составляющей электоральной формулы — партийной идентификации.

Скорее всего, что в России нельзя будет использовать математико-статистические методы, в частности метод регрессионного анализа, в качестве единственного инструмента прогнозирования выборов еще достаточно долго. Возможно, что совмещение статистико-математических методов при объяснении факторов успеха на предыдущих выборах и экспертных оценок шансов кандидатов и партий на предстоящих выборах является одним из наиболее перспективных решений данной проблемы в России.

3. Маркетинговые исследования

Особым видом политологического анализа, осуществляемого в прикладных целях, являются маркетинговые исследования. Их содержание и специфика во многом обусловлены спецификой самого политического маркетинга.

Чаще всего под **политическим маркетингом** понимается деятельность, направленная на формирование спроса и передвижения товара

на политическом рынке. К политическому маркетингу вполне применимы слова известного специалиста по маркетингу Ф. Котлера, который писал, что «цель маркетинга — сделать усилия по сбыту ненужными. Его цель — так хорошо познать и понять клиента, что товар или услуга будут точно подходить последнему и продавать себя *сами*»⁹.

Теоретики политического маркетинга, признавая существенные отличия политического рынка от экономического (например, в условиях), отмечают наличие общих характерных черт, что позволяет использовать сходные принципы в маркетинговой деятельности.

Политический маркетинг включает в себя две составные части — *электоральный* и *политико-административный*.

Наиболее изученным и разработанным типом политического маркетинга является электоральный маркетинг, целью которого выступает формирование позитивного имиджа политического лидера или партии (общественно-политического движения). Другим не менее важным видом политического маркетинга является *политико-административный маркетинг*, ориентированный на проведение государственных маркетинговых кампаний, основными задачами которых выступают коррекция посредством информирования и убеждения поведенческих моделей, представляющих серьезную угрозу для общества, внедрение в жизнь общества идей, ценностей, алгоритмов поведения, рассматриваемых большинством как положительные. Цель политико-административного маркетинга состоит в продвижении основных направлений государственной политики, а также политики отдельных институтов и организаций.

Маркетинговый процесс можно условно разбить на несколько этапов, наиболее интересным среди которых, с точки зрения выявления специфики маркетинговых исследований, является этап разработки стратегии политической кампании. Именно на этом этапе осуществляется *сегментация рынка*. Цель этой процедуры заключается в выявлении возможных потребителей товара, то есть тех, кто может им заинтересоваться и его «купить».

Сегменты политического рынка — это социальные группы, которые имеют различные системы ценностей, стиль жизни, политические ориентации и т.п. В политическом маркетинге используются в основном те же приемы сегментации рынка, что и в коммерческом маркетинге. Сначала выделяют категории потребителей — сегменты, которые характеризуются различным поведением по отношению к товару. Затем выбирают стратегию кампании в зависимости от состояния спроса.

⁹ Котлер Ф. Основы маркетинга. М., 1991. С. 47.

Продвижение политика или организации на политическом рынке связано с рядом особенностей. Политик отождествляется с новым продуктом. Оценка «нового» дается по-разному: со стороны производителя — это измененный (то есть улучшенный продукт), со стороны потребителя — это новые выгоды, которые он получает, в связи с внесенными изменениями.

Другой важной процедурой политического маркетинга является позиционирование товара. Эта процедура позволяет соотнести «предложение» и «спрос».

Важная роль и в электоральном, и в политико-управленческом маркетинге отводится маркетинговым исследованиям. Цель маркетинговых исследований, используемых в политическом маркетинге, очень близка к цели маркетинговых исследований, используемых в коммерческом маркетинге. В самом общем смысле слова под маркетинговыми исследованиями понимается «систематический сбор, отображение и анализ данных по разным аспектам маркетинговой деятельности»¹⁰. Целью политических маркетинговых исследований является получение информации о политическом пространстве, политическом рынке, потребителях информации или избирателях, государственных социальных, экономических, культурных программах или политических конкурентах, позволяющей повысить эффективность маркетинговой деятельности и снизить уровень неопределенности принимаемого решения.

Маркетинговые исследования осуществляются в двух плоскостях: оценка политического явления в текущий момент времени, выделение основных параметров, его характеризующих, и получение их прогнозных значений. Прогнозные оценки используются, прежде всего, для определения целей и стратегий политических кампаний.

В зависимости от объекта исследования можно выделить несколько **видов** маркетинговых исследований:

1. исследование политической конъюнктуры (применительно к электоральному маркетингу — избирательной конъюнктуры);
2. исследование коммуникационных каналов и информационных потоков;
3. исследование имиджа товара.

Наиболее общая классификация маркетинговых исследований, применяемых в политическом маркетинге, может быть произведена и

¹⁰ Голубков Е.П. Маркетинговые исследования//Маркетинг в России и за рубежом. 2000. № 5. С. 119.

по цели исследования¹¹. Выделяются следующие виды маркетинговых исследований¹²:

1. *Поисковое (разведочное)*, целью которого является сбор предварительных данных, позволяющих определить проблему (проблемы) и выдвинуть гипотезы исследования. Например, в случае изучения имиджа кандидата поисковое исследование позволяет выделить его основные составляющие и установить, как измерить эти составляющие. Среди методов чаще всего используются: метод фокус-групп, проекционный метод (проективные методы), анализ вторичных данных.
2. *Описательное*, цель которого описание определенного явления. При проведении такого вида маркетингового исследования, в первую очередь, отвечают на следующие вопросы: «кто?», «что?», «где?», «когда?» и «как?». Кто, например, является потребителем определенной политической информации, кто поддерживает конкретную политическую партию или кандидата. Чаще всего среди методов используются опросы (анкетирование и интервьюирование), наблюдение, реже — эксперимент.
3. *Экспериментальное (казуальное)* проводится с целью проверки гипотез, касающихся причинно-следственных связей. Логика таких исследований предполагает проверку следующего утверждения: «Если X, то затем Y». Например, для электорального поведения американцев свойственно следующее: ухудшение погодных условий ведет к снижению числа проголосовавших избирателей среди поддерживающих демократическую партию США. Среди методов применяется эксперимент, который позволяет получить оптимальные результаты, а также метод логико-смыслового моделирования, путем использования ряда математических методов, например факторного анализа.

В политическом маркетинге используются различные методы исследования. Среди групп основных используемых методов можно выделить следующие:

1. Группа «традиционных» методов, включающая в себя анализ документов, статистических данных и т.п.
2. Опросные методы.

¹¹ Котлер Ф. Указ. соч. С. 122.

¹² См. подробнее: Голубков Е.П. Маркетинговые исследования: теория, методология и практика. М., 2000; Голубков Е.П. Основы маркетинга. М., 1999.

3. Контент-анализ.
4. Наблюдение.
5. Эксперимент.

Рассмотрим кратко специфику применения и задач некоторых из этих методов в ситуации избирательной кампании.

«Традиционные» методы применяются при анализе проблем избирательного округа. При изучении статистических данных особое место занимает изучение данных о социально-демографических характеристиках населения округа, структуре занятости, уровне доходов и т.п., а также анализ результатов предыдущего голосования. На основе полученных результатов делаются выводы о наличии в округе определенных проблем, а также проводится предварительное моделирование поведения избирателей.

В ходе социологических опросов может выясняться достаточно широкий круг проблем: намерения избирателей, их ценностные и политические ориентации, потребности и отношение к существующим проблемам, позиции политических элит, имидж кандидатов и т.д.

По времени и целям проведения можно выделить следующие виды социологических опросов:

- ◆ исходный опрос (проводится до начала кампании за 4—8 месяцев) — позволяет выявить намерения и ожидания избирателей, что в случае необходимости позволяет откорректировать кампанию кандидата;
- ◆ периодические опросы (проводятся 3—4 раза за кампанию) — показывают насколько успешно проходит кампания кандидата;
- ◆ отслеживающие опросы (в течение кампании) — это опросы небольшого числа респондентов о восприятии ими ключевых тем избирательной кампании, которые выдвинулись на первый план в ходе предвыборной кампании¹³.

По характеру решаемых проблем существенно различаются экспертный опрос, массовый опрос и фокусированное интервью.

Основными задачами массового опроса являются выявление актуальных проблем, волнующих избирателей, определение их политических ценностей и предпочтений, выявление их отношения к участникам избирательной кампании, определение популярных и влиятельных каналов политической коммуникации и т.п. В отличие от мас-

¹³ Сэлмор С.А., Сэлмор Б. Кандидаты, партии и избирательные кампании. Как делаются выборы в Америке//Технологии и организация выборных кампаний: зарубежный и отечественный опыт. М., 1993. С. 18.

сового опроса экспертный опрос, как правило, решает, в первую очередь, другие проблемы: прогнозирование характера и результатов выборов, выявление расстановки политических сил, позиции элитных кругов и т.п. Фокусированные интервью чаще всего бывают направлены на изучение имиджа кандидата или организации и эффективности рекламной кампании.

Контент-анализ СМИ и агитационной продукции осуществляется, как правило, в целях отслеживания того, что пишут газеты, транслирует радио и телевидение по поводу претендентов, их рекламной кампании, как эти каналы коммуникации воздействуют на избирателя и т.п. Наблюдение чаще всего используется для анализа происходящих событий (например, встреч с избирателями, митингов и проч.).

Выбор адекватных методов маркетингового исследования зависит от стоящих задач, а также от ситуации, в которой осуществляются эти мероприятия. Однако следует заметить, что, как правило, самые хорошие результаты дает комплексное сочетание нескольких методов.

Вопросы для самоконтроля

1. В чем состоит специфика политического прогнозирования?
2. Какие методы прогнозирования и почему являются наиболее адекватными для применения в российских условиях?
3. В чем заключается сущность построения электоральных прогнозов с применением математических методов?
4. Какие элементы политического прогнозирования используются в электоральном маркетинге?
5. Каковы основные цели проведения государственных маркетинговых кампаний?
6. Какие виды исследований, используемых в политическом маркетинге, вы знаете?

Литература для самостоятельного изучения

1. Ахременко А.С. Политическое прогнозирование на российском фоне//Вестник Московского университета. Сер.12. «Политические науки». 1999. № 1, с. 28—42.
2. Ковлер А.И. Избирательные технологии: российский и зарубежный опыт. М., 1995.
3. Ковлер А.И. Основы политического маркетинга. М., 1993.

4. Морозова Е.Г. Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии. М.: РОССПЭН, 1999.
5. Почепцов Г.Г. Профессия: имиджмейкер. Киев: ИМСО Украины, 1999.
6. Синяков А.В. Некоторые подходы к прогнозированию результатов голосования//Вестник Московского университета. Сер. 18. «Социология и политология». 1999. № 1, С. 20—26.
7. Усманов Б.Ф. Эффективность избирательного процесса: конституирование будущего//Социологические исследования. 2000. № 8.
8. Lewis-Beck M.S. and Rice T.W. 1992. Forecasting Elections. Washington: Congressional Quarterly Inc.

Литература для самостоятельного изучения

- Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии//Полис. 1992. № 4.
- Афанасьев М.Н. Правящие элиты и государственность посттоталитарной России. М., 1996.
- Ахременко А.С. Политическое прогнозирование на российском фоне//Вестник Московского университета. Сер.12. «Политические науки». 1999. № 1.
- Ашин Г.К. Курс элитологии. М., 1999.
- Ашин Г.К. Смена элит//Общественные науки и современность. 1995, № 1.
- Барзилов С.И., Чернышев А.Г. Провинция: элита, номенклатура, интеллигенция//Свободная мысль. 1996. № 1.
- Блондель Ж. Политическое лидерство. Путь к всеобъемлющему анализу. М., 1992.
- Бурдые П. Социология политики. М., 1993.
- Бьюкенен Д., Таллок Г. Расчет согласия. Логические основания конституционной демократии//Бьюкенен Д. Сочинения. Т.1. М., 1997.
- Бэрри Б. Политическая теория: вчера и сегодня//Политическая наука: новые направления/Под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингемана. М., 1999.
- Вебер М. Политика как призвание и профессия//Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
- Выборы в посткоммунистических обществах// Пробл.-тем. сборник ИНИОН РАН/Отв. ред. и сост. Е.Ю. Мелешкина. М., 2000.
- Вятр Е. Социология политических отношений. М., 1979.
- Гаджиев К. Размышления о политической культуре современной России//Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 2.
- Гаман О.В. Региональные элиты современной России как субъекты политического процесса//Вестник Московского университета. Сер. «Социология и политология». 1995. № 4.
- Гельман В. Как выйти из неопределенности?//Pro et contra. 1998. № 3.
- Гельман В. Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция. М., 1999.
- Гельман В.Я. Политическая культура, массовое участие и электоральное поведение//Политическая социология и современная российская политика. СПб., 2000.

- Гозман Л.Я., Шестопап Е.Б. Политическая психология. Ростов-на-Дону, 1996.
- Голосов Г.В. Партийные системы России и стран Восточной Европы. М., 1999.
- Голосов Г.В. Поведение избирателей в России: теоретические перспективы и результаты региональных выборов//Полис. 1997. № 5.
- Голосов Г.В. Сравнительная политология. СПб., 1998.
- Голосов Г.В. Форматы партийных систем в новых демократиях: институциональные факторы неустойчивости и фрагментации//Полис. 1998. № 1.
- Гончаров Д.В. Теория политического участия. М., 1997.
- Грин Д.П., Шапиро И. Объяснение политики с позиции теории рационального выбора: почему так мало удалось узнать?//Полис. 1994. № 3.
- Грофман Б. Теория Даунса и перспективы развития политэкономии//Политическая наука: новые направления/Под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингемана. М., 1999.
- Далтон Р.Дж. Сравнительная политология: Микроповеденческий аспект//Политическая наука: Новые направления/Под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингемана. М., 1999.
- Дегтярев А.А. Основы политической теории. М., 1998.
- Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М., 1996.
- Елизаров В. От авторитаризма к демократии: две модели//Pro et contra. 1998. № 3.
- Ильин М.В. Политическая модернизация: Неоконченная драма в трех действиях//Стратегия. 1998. № 1.
- Ильин М.В. Политическое самоопределение России//Pro et contra. 1999. № 3.
- Ильин М.В. Ритмы и масштабы перемен: О понятиях «процесс», «изменение» и «развитие» в политологии//Полис. 1993. № 2.
- Инглехарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества//Полис. 1997. № 4.
- Иноземцев В.Л. Социальное неравенство как проблема становления постэкономического общества//Полис. 1999. № 5.
- Истон Д. Категории системного анализа ПОЛИТИКИ//АНТОЛОГИЯ мировой политической мысли/Отв. ред. Т.А. Алексеева. М., 1997.
- Истон Д. Политическая наука в Соединенных Штатах: прошлое и настоящее//Современная сравнительная политология. Хрестоматия/Под ред. Г.В. Голосова, Л.А. Галкиной. М., 1997.
- Ишияма Дж. Партии-преемницы коммунистических и организационное развитие партий в посткоммунистической политике//Полис. 1999. № 4.
- Карминес Э.Г., Хакфельд. Политическое поведение: общие пробле-

- мы//Политическая наука: Новые направления/Под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингемана. М., 1999.
- Качанов Ю.Л. Опыты о поле политики. М., 1994.
- Ковлер А.И. Избирательные технологии: российский и зарубежный опыт. М., 1995.
- Ковлер А.И. Основы политического маркетинга. М., 1993.
- Коргунюк Ю.Г. Избирательные кампании и становление партийной системы в РФ с точки зрения социального представительства//Выборы в посткоммунистических обществах: Пробл.-темат. сб. ИНИОН РАН/Отв. ред. и сост. Е.Ю. Мелешкина. М., 2000.
- Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту//Общественные науки и современность. 1995. № 1.
- Куколев И., Штыков П. Становление элитоведения (1991—1996)//Социальные исследования в России. Немецко-российский мониторинг. М., 1998.
- Лапина Н. Ю. Региональные элиты России. М., 1997.
- Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян//Социс. 1996. № 5.
- Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М.: Аспект Пресс, 1997.
- Мангейм Дж.Б., Рич Р.К. Политология. Методы исследования. М.: Издательство «Весь мир», 1997.
- Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты. Теоретико-методологические и прикладные аспекты. М., 1999.
- Мельвиль А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам//Политические исследования. 1998. № 2.
- Морозова Е.Г. Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии. М.: РОССПЭН, 1999.
- Мясников О.В. Смена правящих элит: консолидация или вечная схватка//Полис. 1993. № 1.
- Новикова-Грунд М.В. «Свои» и «чужие»: маркеры референтной группы в политическом дискурсе//Политические исследования. 2000. № 4.
- Олсон М. Логика коллективного действия. М., 1995.
- Ордещук П. Эволюция политической теории Запада и проблемы институционального дизайна//Вопросы философии. 1994. № 3.
- Пантин В.И. Циклы и волны модернизации как феномен социального развития. М., 1997.
- Первый электоральный цикл в России (1993-1996 г.)/Под ред. В.Я. Гельмана, Г.В. Голосова, Е.Ю. Мелешкиной. М., 1999.
- Перегудов С.С., Лапина Н.Ю., Семенов И.С. Группы интересов и Российское государство. М., 1999.

- Пивоваров Ю.С. Политическая культура: Методол. очерк. ИНИОН РАН. М., 1996.
- Питере Б.Г. Политические институты: вчера и сегодня//Политическая наука: новые направления/Под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингемана. М., 1999.
- Политическая культура: теории и национальные модели. М., 1994.
- Политическая наука на рубеже веков//Проблемно-тематический сборник ИНИОНРАН/Отв. ред. Л.Н. Верченков. М., 2000.
- Политические элиты в Центральной и Восточной Европе. ИНИОН РАН. М., 1998.
- Растоу Д.А. Переходы к демократии: попытка динамической модели//Политис. 1996. № 5.
- Рациональный выбор в политике и управлении/Под ред. Л.В. Сморгунова. СПб., 1998.
- Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М., 1998.
- Рукавишников В.О. Социология переходного периода: закономерности и динамика социальной структуры и массовой психологии в посткоммунистической России и восточно-европейских странах//Социс. 1994. № 6, 8, 9.
- Сафронов В.В. Потенциал протеста и демократическая перспектива социологии и социальной антропологии. 1998. № 4.
- Синяков А.В. Некоторые подходы к прогнозированию результатов голосования//Вестник Московского университета. Сер.18 «Социология и политология», 1999. № 1.
- Татарова Г.Г. Методология анализа данных в социологии (Введение). Учебник для вузов. М., 1999.
- Харитонов О.Г. Генезис демократии (Попытка реконструкции логики транзитологических моделей)//Политис. 1996. № 5.
- Шевченко Ю. Политическое участие в России//Pro et contra. 1998. № 3.
- Шевченко Ю.Д. Между экспрессией и рациональностью: об изучении электорального поведения в РОССИИ//ПОЛИС. 1998. № 1.
- Шестопап Е.Б. Оценка гражданами личности лидера//Политические исследования. 1997. № 6.
- Шестопап Е.Б. Психологический профиль российской политики 1990-х. М.: РОССПЭН, 2000.
- Шестопап Е.Б., Новикова-Грунд М.В. Восприятие образов 12 великих российских политиков (Психологический и лингвистический анализ)//Политические исследования. 1996. № 5.
- Шмачкова Т.В. Мир политических партий//Политис. 1992. № 1—2.
- Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1997.
- Шутов А.Ю. Политический процесс. М., 1994.

- Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999.
- Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Countries. Princeton, 1963.
- Comparing Democracies. Elections and Voting in Global Perspective. Ed. by LeDuc L., Niemi R.G., Norris P. Thousand Oaks, 1996.
- Dalton R.J. Citizen Politics in Western Democracies. Public Opinion and Political Parties in the United States, Britain, West Germany and France. Chatham, 1988.
- Easton D. The Future of the Postbehavioral Phase in Political Science//Contemporary Empirical Political Theory. Ed. by Monroe K.R. Berkley et al., 1997.
- Farr J. Remembering the Revolution: Behavioralism in American Political Science//Political Science in History: Research Programms and Political Traditions. Ed. by Farr J., Dryzek J.S., Leonard S.T. Cambridge, 1995.
- Harrop M. and Miller W.Z. Elections and Voters. A Comparative Introduction. Hampshire, L., 1987.
- Inglehart R. Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton, 1990.
- Lewis-Beck M.S. and Rice T.W. Forecasting Elections. Wash., 1992.
- Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Baltimore, L., 1996.
- Marsh A. Political Action in Europe and the USA. L., 1990.
- Orren K., Skowronek S. Order and Time in institutional study: A Brief for the Historical Approach//Political Science in History: Research Programms and Political Traditions. Ed. by Farr J., Dryzek J.S., Leonard S.T. Cambridge, 1995.
- Riker W.H. The Ferment of the 1950s and the Development of Rational Choice Theory//Contemporary Empirical Political Theory. Ed. by Manroe K.R. Berkley et al., 1997.
- The Civic Culture Revised/ Ed. by Almond G., Verba S. Boston, 1980.
- Theory and Methods in Political Science. Ed. by Marsh D., Stoker G. N.Y., 1995.

Содержание

Предисловие	3
Глава 1. Политический процесс Мелешкина Е.Ю.	5
Глава 2. Методологические подходы к анализу политических процессов Мелешкина Е.Ю., Толпыгина О.А.	20
Глава 3. Методы анализа политических процессов Анохина Н.В.	48
Глава 4. Социальная стратификация и политическая элита Анохина Н.В., Мелешкина Е.Ю.	67
Глава 5. Политические партии и группы интересов Анохина Н.В., Мелешкина Е.Ю.	85
Глава 6. Политическая культура Мелешкина Е.Ю., Толпыгина О.А.	108
Глава 7. Политическое сознание Мелешкина Е.Ю.	130
Глава 8. Политическое поведение Мелешкина Е.Ю.	152
Глава 9. Электоральное поведение Анохина Н.В., Мелешкина Е.Ю.	172
Глава 10. Политическое лидерство Малаканова О.А.	191
Глава 11. Политическая коммуникация Анохина Н.В., Малаканова О.А.	213
Глава 12. Политическое развитие. Политическая модернизация Мелешкина Е.Ю.	235
Глава 13. Демократизация. Малаканова О.А.	257
Глава 14. Прикладные аспекты анализа политических процессов Анохина Н.В., Малаканова О.А.	277
Литература для самостоятельного изучения	297

Технический редактор Кузнецова Н.А.

ЛР № 070824 от 21.01.1993 («ИНФРА-М»)

ИД № 03510 от 15.12.2000 («Весь Мир»)

Подписано в печать 10.04.2001. Формат 60х90^{1/8}.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,0. Тираж 3500 экз.¹⁶

Заказ № 843. Изд. № 07/01-И

Издательство «Весь мир». 101831 Москва-Центр, Колпачный пер., 9а.

Тел.: (095) 917-87-49, 917-80-46. Факс: (095) 917-92-59.

E-mail: vesmirorder@vesmirbooks.ru

<http://vesmirbooks.ru>

«Издательский Дом ИНФРА-М», 127214 Москва, Дмитровское ш., 107

Тел.: (095) 485-70-63. Факс: (095) 485-53-18.

E-mail: books@infra-m.ru;

www.infra-m.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 516000671-0

9 785160 006710